

Они оставили след в истории Одессы

Вера Зубарева

ЛОЦМАН НА ТРУБЕ

Роман-память

Одесса • «Астропринт» • 2024

УДК 821.161.1(477)-3
3-910

Серия основана в 2010 г.

Зубарева Вера

3-910 Лоцман на трубе : роман-память / Вера Зубарева. — Одесса : Астропринт, 2024. — 280 с. : ил. — (Они оставили след в истории Одессы)

ISBN 978-617-8381-86-8

«Лоцман на трубе» — захватывающая документальная повесть о жизненном пути капитана дальнего плавания, старшего лоцмана Одесского и Ильичёвского портов Кима Зиновьевича Беленковича (1923—1999), который ввёл в порт затонувшее судно «Моздок», находясь на его трубе. Война, любовь, работа в китобойной флотилии «Слава», потери и обретения — вот темы, вокруг которых выстраивается увлекательный сюжет, основанный на дневниковых записях, очерках и рассказах легендарного моряка. В книге использованы фотографии из архива Кима Беленковича.

УДК 821.161.2(477)-1

ISBN 978-617-8381-86-8

ISBN 978-617-8381-62-2 (серия)

© Зубарева В., 2024

© ФООП Вагнер Леонид, серия, 2024

*Светлой памяти
моего отца Кима Беленковича
(1923–1999),
«лоцмана на трубе» —
капитана дальнего плавания,
старшего лоцмана Одесского
и Ильичёвского портов,
журналиста и писателя,
маяка и берега*

Ким. Ким Беленкович.

Отважный, веселый, умный и скромный человек.

Для меня – молодого тогда литератора – было большой честью общение с ним.

Я не любил и не люблю одесского жаргона, мифологии, весь этот гипертрофированный, надоедливый пережим... Неожиданно для себя я вдруг обнаружил, что – оказывается! – одесский миф существует в природе, только совершенно иной. Оказывается, если он живет в нормах и интонациях хорошего вкуса, если он интеллигентен, задумчив, если он покачивает тебя на бугорках юмора и самоиронии – живых, естественных, ненавязчивых, то у него появляется имя.

Ким. Друг моей молодости был одним из совсем немногих людей, который просто своим существованием немного изменил мой взгляд на Одессу, понимание ее, отношение к ней. Он был настоящим моряком, настоящим профессионалом, и я знал – он пользовался глубоким уважением профессионалов.

Юрий Михайлик

От автора

Об отцовских дневниках мне стало известно примерно месяц спустя после того, как его не стало. Кожаный портфель, с которым отец уходил на дежурство, хранил все отцовские рукописи, дневники, вырезки из газет и документы. Как так могло случиться, что вся эта большая, трудная, полная испытаний жизнь прошла мимо меня? Ответ прост — отец был очень скромным, немногословным человеком. Я и представить себе не могла, что мой такой домашний, добродушный, тёплый папа, всегда говоривший тихим голосом, прошёл всю войну, а после был на гребне самых драматичных событий. Как-то не вязалось всё это с его обликом. И не только у меня. Вот, к примеру, письмо от одного из сослуживцев отца Григория Мака.

Здравствуйте, Вера Кимовна! Прочитал Ваши воспоминания «Дни, которых уже не вернешь» о Киме Зиновьевиче. Меня поразило, что мы — его коллеги, ничего не знали о том, что Ким Зиновьевич и Михаил Петрович Лавренко во время войны служили на одном корабле, который затонул после бомбежки. Это при том, что двое других наших коллег — Тарас Иванович Мажара и Дмитрий Максимович Маликов также работали на одном судне — «Чапаев» и тоже были спасены после его затопления в результате бомбежки. Но об этом знали все, хотя сами участники событий тоже были люди скромные и делились воспоминаниями о своем героизме только тогда, когда их об этом просили. А о не менее героическом военном прошлом Кима Зиновьевича и Михаила Петровича не знал никто. Потому что в противном случае знали бы все. Всегда считал скромность одним из самых положительных достоинств человека. А сейчас (прочитав Ваши воспоминания) считаю, что не до такой же степени! Но должен признаться, что восхищен.

Спасибо за очерки. Будьте здоровы.

Всего доброго,

Григорий Мак

Очерки выходили стараниями Анатолия Венгрука, который отдал под публикацию с фотографиями из отцовского архива девять номеров газеты «Морьяк Украины».

Многие газеты и журналы других городов с большим интересом откликнулись на материалы об отце, спрашивая разрешения об их публикации в местных газетах. Однажды я получил письмо от одного из читателей херсонской газеты капитана Бориса Голубаня.

Уважаемая госпожа Вера Зубарева! Прочитал в нашей местной газете «Площадь Свободы» статью о Вас и Вашем отце — черноморском моряке Киме Беленковиче, с которым я был знаком. В сентябре 1974 года лоцман Беленкович с рейда порта Одесса в порт Ильичёвск проводил наш теплоход «Иван Сеченов», на котором я был первым помощником капитана.

Проходя мимо поднятого водолазами со дна Чёрного Моря теплохода «Моздок», Ваш отец подробно нам рассказал о трагедии этого судна и том, как он осуществлял его проводку. По совету Вашего отца я сфотографировал поднятый «Моздок» на память. Фотографии у меня в архиве и я передам их в редакцию газеты для публикации дальнейшего материала о Вашем отце.

Моздок. Фото Б. Голубаня

В знак уважения к Вам, бережно хранящей память об отце-моряке, и в память о нём, я в очередном своём вышедшем из печати сборнике стихов посвятил Вашему отцу своё стихотворение. Пусть он будет вечно с нами моряками во флотском строю.

Жду от Вас вестей и спасибо, что Вы так бережно храните память об отце.

Борис Голубань

Когда спустя много лет я опубликовала в группе ЧМП на фейсбуке отрывки из отцовского дневника, поблагодарив вновь Анатолия Венгрука за ту первую, дорогую сердцу публикацию, он откликнулся таким письмом:

Откровенно, Вера, я Вас должен благодарить за предоставленный материал. И вместе мы должны быть очень благодарны вашему отцу за дневник, за скрупулёзность записанных им фактов, за смелость в архивировании документов той поры. В то время это могло обернуться риском для его жизни.

Анатолий Венгрук

Публикации в группе вызвали интерес среди моряков и не только. Во всех откликах звучал один и тот же вопрос — «Когда же выйдет книга?» Тем же вопросом задавалась и я. Ясно было одно — если книга выйдет, то непременно в Одессе. Как писала некогда Белла Ахмадулина в предисловии к моей первой книге стихов, «само имя города кажется мне неопровержимо счастливой приметой».

И это произошло. Теперь роман причалил к родному берегу стараниями друзей. Благодарю сердечно Анатолия Венгрука, Владислава Китика, Тамару Коленко и Туяну Забанову, а также всех тех, кто читал главы романа и откликался на них, придавая уверенность в том, что книга нужна. Особо обсуждались те фото отца, которые не были подписаны, и требовалось раздобыть дополнительную информацию, сопоставив лица, фамилии и даты. Уже об одном этом можно было бы написать отдельный детективный роман, где в качестве детективов выступали бы перечисленные выше друзья, а также заинтересованные участники одесских сетевых групп, в особенности группа «ЧМП и не только». К примеру, всё раздумывала, включать ли фото гарпунёра, так как оно было не лучшего

Гарпунер Овсянников

качества — сразу видно, что снималось в движении, а это сказалось на резкости снимка. Параллельно с этим разглядывала два фото у автомобиля, подписанных отцом: «У “Зима” Г. Овсянникова. П. Щепетов, я». Об Овсянникове никто из тех, к кому я обратилась, не знал. Выручила сеть. В «Известиях» 1954 года читаю: «Подводились итоги восьмого рейса. Директор флотилии А. Н. Соляник сказал:

— Георгий Овсянников, Василий Тупиков, Афанасий Пургин, Федор Прокопенко, Григорий Панов убили каждый свыше трехсот китов. Это значит, что в нашем китобойном деле кроются огромные резервы, которые в новом, девятом рейсе в Антарктику мы должны полностью использовать» (Известия. 1954. №102 (11481), 30 апреля).

То есть речь о знатном гарпунере, работа которого была не раз отмечена. С ним же отец снят на острове Сокотра. А это значит, что они работали на одном судне и были дружны. Отсюда ниточка тянется к фото гарпунёра, которого снял отец и сохранил в своём альбоме, несмотря на неважное качество. На фото — тот самый легендарный Овсянников за работой. Запечатлено и штормовое море, и динамика. Уникальное фото!

УЗИМа
Г. Овсянникова

Остров Сокотра.
С Овсянниковым

Или ещё один снимок, сделанный в день рождения отца в кругу сослуживцев, собравшихся в доме его сестры. Никак не могла понять, почему рядом с отцом на торжестве сидит какой-то человек, о котором я ничего не знала. Обратилась за помощью в группу «ЧМП и не только» в надежде, что хоть какие-то лица на нём будут опознаны. Сразу же откликнулся Григорий Мак, написав: «Второй слева очень напоминает Волика Ивана Васильевича. Второй справа — очень похож на Струкова Ивана Андреевича, почти уверен. Третий справа — Лавренко Михаил Петрович». Последнее было поставлено под вопрос. Я немедленно разыскала другой, более ранний снимок, сделанный к 20-летней годовщине окончания войны, на котором рукой отца были подписаны имена, и сравнила лицо Лавренко с лицом мужчины, сидящего во главе стола. Да, так и есть! Сидящий был Михаилом Лавренко — тем самым, который помог раненому отцу добраться до берега в 1941-м, когда в корабль попала бомба. Всё разъяснилось. Лавренко по праву занял место рядом с отцом — не спас бы отца тогда, не было бы и дня рождения.

Не на все вопросы удалось ответить и не все лица удалось разгадать, но мы старались. Во время таких поисков думалось, как быстро стирает время из памяти даже самые значительные события и самых значительных людей, но с каким энтузиазмом пытаются люди восстановить забытое!

День рождения Кима

Изаров Ю. М.
Кожанов С. А.
Емельянов И. Д.
Фабринов А. (+1979)
Тударов Ю. А. (+1978 - траг.)
Лавренко М. Я.
Игорин

Краса и честь военно-морского флота (пароход «Губа»)

*Краса и честь. Ким крайний слева во втором ряду.
Справа — Лавренко*

В романе использован архив отца, включая его дневники, очерки и рассказы. Роман писался что называется «в четыре руки», так как мой текст постоянно взаимодействовал с отцовским, перетекая в него, и наоборот. Поэтому «Лоцман на трубе» включает не только записки рабочего характера. Это художественный роман о жизни моряка, его мыслях и чувствах, об отношении с родными и близкими, с друзьями и коллегами. Это история моря и берега, души и духа, штормов и штилей. Этим объясняется тот факт, что в отцовский альбом включены не только фотографии, связанные с его морской биографией, но и с его семьёй.

Надеюсь, что каждый, кто откроет эту книгу, вспомнит и историю города, и собственную историю, и историю своих родителей. Не в этом ли смысл книги?

* * *

Памяти отца

*Наступили тёмные времена.
За окном — непроглядней морского дна.
Во дворах залегла тишина.*

*...И отец возвратился
Из дальних морей.
С ним причалило прошлое, встало на рейд
И зажгло луну во дворе.*

*И дивились в соседних дворах — как светло!
И всю ночь восклицали — вот повезло!
А к утру у всех рассвело.*

*И дворы убедились:
Никаких чудес.
Просто в каждый вернулся отец.*

Часть первая

ГДЕ ТЫ, Л.?

В кадре памяти

Он всегда появляется в этом кадре памяти: стоит на кухне и жарит омлет.

Солнечно, звуки машин доносятся с улицы, в квартире никого. Омлет празднично пенится в чашке, растет, а потом с шумом проливается на сковороду, где хорохорится какое-то время, пока огонь не сбивает с него спесь и он не оседает, превращаясь в обыкновенный яичный круг. Праздник окончен.

Он ест в одиночестве, вернувшись после ночного дежурства в порту. Сколько времени он отсутствовал? Ровно столько, чтобы наступило солнечное утро, и квартира опустела. Всякий раз память возвращает меня в этот отрезок времени. И я не могу прильнуть к нему, ощутить его тепло, потому что тогда этого не было, а сейчас этого не будет. Память не домысливает — память фиксирует. В памяти он всегда одинок.

Вина перед отцами... Она открывается не сразу, а по мере странствий по жизни, по мере перехода от детскости к взрослости, а затем к отцовству или материнству. Тогда и понимаешь, что ты всегда был в ответе за них, за их улыбку, за их тревогу... Отцы — как большие корабли. Когда они отчаливают от берегов жизни, дети становятся гаванью памяти о них.

К морским глубинам тянется душа...

На полу блики света. Они обрываются у постели отца, где он прилег, чтобы отоспаться после дежурства. На неё накладывается другая

постель — та, на которую он прилег, чтобы отоспаться после жизни. Она быстро размывается, уступая место первой. Отец спит на раскладушке, втиснутой между стеной и письменным столом. В одном из ящиков стола дышат его дневники. Память останавливается здесь. К этому ящику у неё нет пока что доступа. Он появится только после смерти отца. Вечная дилемма, перед которой стоит память, — продлить ли сон отца или получить доступ к ящику.

В конце концов, ящик откроется, но не все вопросы останутся отвеченными. Мне достанется только то, что на страницах дневников, а что за пределами написанного, станет вотчиной другой памяти — той, что шире моей, что вмещает и мою, и отцовскую, и много других памятей. Из них и слагается моя гавань.

Я не знаю, как все было, но я знаю, как все было. Отныне прошлое существует каким-то кинематографическим срезом в той метафизической тетради, из чернил которой все мы вышли. В ней — жизнь, в ней отец на своем корабле, который не-горит-не-тонет. Вот перегнулся за борт, глядит на фиолетовую воду, отражаясь ликами героев своих рассказов, новелл и очерков.

Много ли надо, чтобы осветить потемки прошлого? Всего лишь лучина, зажженная чьим-то воспоминанием.

Всё только начинается

* * * *

Одесса, июнь, цветение акации. Воздух сладкий, хочется лизнуть его. Ким срывает несколько цветков с ветки и пробует их на вкус, как в детстве. Вкус тот же, а детство ушло-убежало, не вернуть. Ну, и хорошо. Ведь всё только начинается.

Почти два года назад 13 октября 1939 года шестнадцатилетний юноша был зачислен на 1-й курс судоводительского отделения Одесского морского техникума. Число тринадцать в его биографии возникнет трижды, и все три раза будут значимы. Но об этом он пока не знает.

* * * *

Ты помнишь, что было той ранней весной? Ты проходил практику на самом красивом паруснике в мире — четырехмачтовом величавом барке «Товарищ».

Прозрачный горизонт с парусниками облаков, море лениво плескалось внизу, и будущее казалось таким же прозрачным и светящимся, как воздух в июне. На эту картину накладываются другие воды, как несогласованные глагольные времена, как стилистическая неточность. Ты отражаешься в них уже стариком, уже по ту сторону горизонта, вдали от родного города, который ты оставил, чтобы быть рядом со мной. Для моряка воды — время, а берега — пространство. Время ведет к пространству, в этом его логика, его смысл. Все, о чем ты просил тогда, — устроиться смотрителем какой-нибудь яхты. Твоего английского вполне бы хватило и на большее, не говоря уже об опыте капитана. Ты мечтал, как будешь смотреть на звезды на палубе, покачиваясь в такт волнам. Ты скучал по качке, по радиорубке, по лоцманскому мостику. Ты скучал по тем минутам, когда мог предвкушать линию берега, появление первой птицы. Это я понимаю только сейчас, когда свожу воды твоей юности с водами твоей старости, и представляю себе ту несбывшуюся яхту...

* * * *

Барк встретил тебя, как сказочная Царевна Лебедь. Ты даже присвистнул от изумления — никак не ожидал такой красоты. Трепыхались на ветру белоснежные крылья-паруса, и казалось, ничего более романтического за всю историю мореходства не было построено — не корабль, а симфония ветра и многоярусных облаков.

Немудрено, что, ступив на палубу, ты сразу же почувствовал себя одним из детей капитана Гранта — именно в том фильме 36-го года и был отснят «Товарищ» во всей своей волшебной красе.

Ты был самым младшим из практикантов, и над тобой то и дело добродушно подшучивали, но боцман Адамыч не давал тебя в обиду и только по-отечески обучал тому, что другим уже довелось освоить. Адамыч... В твоём архиве я нашла целый очерк о нём, опубликованный в газете «Моряк», 28 января 1967 года. Как ты писал, никто не знал, сколько Адамычу лет. Правда, в судовой роли значились имя, отчество и год рождения боцмана Хмелевского Иосифа Адамовича, но все звали его просто Адамычем, и о возрасте редко спрашивали — боцман не любил подобных вопросов. Бывало, юный моряк любопытствует: «А сорок вам уже есть?» Но Адамыч лишь молча сощурит покрасневшие глаза и, слегка потрепав кудлатую шевелюру юнца, пойдет прочь.

Менялись капитаны, уходили и приходили матросы, каждый год появлялись новые практиканты, и только старший боцман учебно-парусного судна-барка «Товарищ» неотделим был от парусника, как жвака-галс* от якорь-цепи. Колоритная фигура и личность легендарная — первый боцман советского флота, а как сердечно держался с ребятами!

* * * *

С Адамычем они сдружились.

Ким старался вовсю. Не хотелось ударить в грязь лицом перед бывальными, и среди салаг не хотел быть последним. Однажды на утренней приборке его работу отметил боцман, во всеуслышание похвалив новенького.

— Молодец, «чали-моряк»! — сказал он, проходя мимо.

* Отрезок якорной цепи.

Ким просиял и с удесятёрившимся рвением закончил приборку. Вскоре он обогнал даже самых опытных практикантов и к концу практики выполнял ответственную квалифицированную работу.

Изучать приходилось много. Как-то один из матросов, Степан, второй год работавший на барке, решив повыпендриваться перед «салажатами», начал скороговоркой перечислять снасти стоячего и бегучего такелажа*: крьюйс-брам-ванты, фор-стень-фордуны, фор-бом-брам-бакштаги, фока-брасы, фор-марса-брасы...** Ким только рот раскрыл. Ни за что не запомнить и не выговорить ему столь мудреных названий!

А матрос, упиваясь своими познаниями и теперь уже перейдя к «морской травле», продолжал рассказывать, как пьют чай на клотике***, точат напильником лапы якоря и что, между прочим, от качки очень помогает проглотить немного морского ила с якоря, а в плохую видимость разгоняют голяками туман. Глаза у новеньких округлились, а рассказчик, выдержав паузу, пояснил, что «голяком» моряки называют метелку.

Адамыч незаметно подошел к группе, послушал, а затем сказал негромко:

— Ну, до тумана ещё далеко, Степушка, а пока возьми-ка голяк и подрай гальюны как следует.

И матрос с романтического фор-бом-брам-рея был живо спущен до самого прозаического, известного каждому салажонку гальюна.

Через полмесяца практики все эти грозные названия не звучали уже так таинственно. Вместе с другими практикантами Ким уверенно бегал по реям, ставил и убирал паруса и понимал все яснее, что море — это больше труд, чем романтика.

— Голая романтика без упорного труда — достояние экзальтированных девиц, — частенько говаривал Адамыч.

И тем не менее, дух романтики бережно поддерживался им. Его Коли, Вани, Миши давно уже самостоятельно бороздили океаны, стали известными всей стране капитанами, входили состав руко-

* Совокупность всех снастей судна.

** Снасти судна.

*** Приглашение «на клотик чай пить» — популярная на флоте шутка над матросом-новобранцем.

На клотике не только невозможно расположиться для чаепития, но и удержаться на нем проблематично.

водства пароходства, работали в Министерстве, а он продолжал учить и воспитывать молодежь, передавая эстафету хороших морских традиций новому поколению. Но делал это всегда с большим тактом, остерегаясь задеть самолюбие и чувство собственного достоинства у будущих штурманов. Здесь для них все было впервые: впервые надета брезентовая роба, первый самостоятельно завязанный морской узел, первая вахта под открытым небом, первая качка, — одним словом, первая морская практика. Для некоторых она оказалась и последней — море не любит слабых.

В теплые летние вечера вдали от берегов, когда барк, идя под всеми парусами, накренившись от свежего ветра, проглатывал мили, на палубу вытаскивали из кубрика гитару, и над морем неслись песни. Пели о трех эсминцах, о каком-то штурмане с фрегата, популярную в те годы песню о кочегаре. Адамыч любил слушать эти песни, вспоминал прошлое и рассказывал о былых плаваниях «Товарища», о красавице из Рио-де-Жанейро, фотография которой висела у него в каюте (и не важно, что такую же фотографию кто-то из моряков нашел в подшивке старого комплекта «Советского спорта»).

Рассказывал он и о столкновении «Товарища» в Английском проливе в феврале 1928 года, когда парусник перерезал и потопил итальянский пароход «Алькантара», а в живых остался лишь моментально поседевший кочегар этого судна, чудом успевший ухватиться за ватер-штаг-снасть, идущую от бушприта к форштевню*.

Иногда при сильном ветре, когда барк маневрировал вблизи берегов и авралы следовали один за другим, по окончании работы можно было видеть, как медленно плетется к себе в каюту, жуя на ходу табак, уставший Адамыч. Тогда с удивлением замечали, что боцман стар...

В небольшой каюте, увешанной различными открытками и заваленной всяким морским инвентарем (шутили, что Адамыч даже старые кнехты где-то подобрал и уволок к себе в каюту, и от этого «Товарищ» имеет постоянный крен на правый борт), он медленно раздевался и ложился спать.

* Снасти судна.

* * * *

В последний день практики Адамыч сказал Киму:

— Приходи, сынок, будем работать вместе. У тебя чутье морское есть.

Радости Кима не было конца. Мало того, что предложение на летнюю работу получил, так ещё и от самого Адамыча!

Так что скоро в море... Судно ждало в Новороссийске, и он должен быть там через пару дней. Нужно ещё успеть позвонить матери в Глухов, поделиться новостями и узнать, как она.

Ким взглянул на часы — подарок родителей в честь поступления в мореходный техникум. Под ледышкой циферблата бежит-стучит время. Вот так ровно пусть и билось бы сердце матери, не заходило бы в груди. В детстве у неё обнаружили двойной порок сердца, и врачи предупредили, что девочке будет нелегко с таким заболеванием.

— Это ничего, — отвечала им бабушка Кима. — Главное, чтобы не было порока души, а с пороком сердца как-нибудь проживем.

И мать жила, и даже родила двоих детей с разницей в два года, так что у Кима была младшая сестренка Женечка.

* * * *

Ким прикладывает ухо к часам. Пульс дома ровно бьется на его запястье.

— Так держать, — приказывает он их механическому сердцу.

Небо почти уже очистилось, стало совсем лазурным, как в детской книжке. Он вспоминает «Сказку о Золотой Рыбке», которую ему читала бабушка. Он любил слушать её по многу раз, и особенно ему нравилось там море, которое то сердилось, то выжидало чего-то, то одаривало, а то и наказывало. Он верил, что море — это живое существо, и желал поскорей вырасти, чтобы отправиться на поклон к чудо-морю, как это делал Старик из сказки. А позже он узнал, что и апостолы были рыбаками, и перед Моисеем расступились воды... О, сколько чудесных сказаний связано с морем!

Он останавливается и глядит на величественную панораму порта. Со стороны моря на горизонте появляется самолет. За ним другой, третий... Вскоре их уже целая стая. Тревожная железная стая. Небо разбивается на отрезки, к сладости акации примешивается запах гари.

«Внимание, внимание! Говорит Москва...»

Что-то недоброе шевельнулось в алюминиевых колокольчиках репродукторов. Их немедленно окружили стайки прохожих и замерли в ожидании.

«Сегодня, двадцать второго июня, в 4 часа утра, без объявления войны германские войска напали...»

Группки у репродукторов притихли, как птицы перед грозой.

* * * *

С матерью так и не удалось попрощаться. Кое-как дозвонился до неё. Она бежала на почту по пыльным, неасфальтированным дорожкам Глухова, мимо больницы святой Ефросинии и приюта для сирот, а потом между домами — так короче, и он слышал её прерывистое дыхание в трубке в тот момент, когда их наконец соединили.

Время билось в часах, как неистовое, и он легонько поглаживал циферблат, но это не помогало.

— Береги себя, слышишь? Кимуля, береги себя, сыночек...

— Да, мама, да, и ты тоже себя береги, и Женю, и бабушку. Я вас всех люблю.

— А может, не пойдешь, подождешь, пока призывной возраст исполнится?

— Мам, ну что ты... Я же с училищем... Многие так, что ж я, хуже других?

— Лучше, ты лучше, ты лучше меня и всех нас... Сыночек! Папу забирают в пехоту. Готовлю ему с собой вещи.

— Прощайся с ним от меня, мама...

— Да, да, конечно... О чем это я?

— У вас осталась минута, — бесстрастно сообщила телефонистка на том конце.

— Как минута? Как минута? Это мой сын, мы даже ничего не успели сказать...

— У всех сыновья. Линия перегружена. Заканчивайте.

— Мама! Я вернусь, я вернусь!

— Кимуля, бере...

Все. Связь прервана. Но только та, которая по проводам. Другая растет, крепнет, разветвляясь жилами, сосудами, нервами...

* * * *

Резкий порыв ветра сдувает птиц с веток, а за ними срываются листья, и вихрем вторгается в мир осень — не романтическая, не красочная, не «очей очарованье», а облезлая, мокрая, в драных листьях.

Бьются, хлещут ветки по окнам, по крышам, по лицам. Почтальоны ходят неслышно, как роковые вестники, как тени, переплывшие Лету. Двери ждут их настороженно, держа наготове приколоченные почтовые ящики.

За окнами — лица ожидания, все разные. Вот лицо ребенка-галчонка: рот приоткрыт, глаза серьезные, смотрит, что там, за окном, до подоконника еле подбородок дотянул. А вот лицо жены. Жены ли ещё? В глазах испуг, до ящика бы дойти как можно незаметнее. Почему незаметнее? Да кто ж знает, почему? Таков инстинкт.

Земля колеблется под ногами, нет в ней прежней устойчивости. Штормит земля, только почтальоны по ней и перебираются беспрепятственно. Ветер гонит их, как серые парусники, дает им направление, смысл. Несут свои письма с морей, полей и небес.

Слова размыты...

Он ворочается с боку на бок, в море качает, дождь накрапывает. В прежние времена от этого только ещё крепче спишь, а теперь... Тревога в сердце, тревога в море. Тревога! Вскакивает — неужели-таки вздремнул под шорох мыслей? Тихо. Качает по-прежнему. Уже светает, сереет густая тьма, будто продавщица из молочного магазина разбавила её водой. Товарищи спят, только сменились. Юрик смешно причмокивает во сне — небось, вареники снятся, что мать в дорогу налепила. Димка хмурится, а потом вдруг улыбается, бормоча что-то невразумительное.

До Новороссийска он так и не добрался. В начале июля 1941 г. все практиканты были отправлены к местам жительства. На барке оставалось 50 % команды. Адамыч на шлюпке ушёл из Новороссийска в Мариуполь, потом в Ейск.

Кима откомандировали на другое судно. Эх, Адамыч... Не довелось встретиться. Он вздохнул, вспоминая своего учителя. Удастся ли свидеться?

Корабль плавно двигался по курсу. Стараясь не шуметь, Ким натянул одежду и вышел на палубу.

Тихо, красиво, словно и нет войны. Ким смотрел, как солнце медленно выныривает из вод. Завтра ему исполнится восемнадцать, а оно будет всё так же выныривать, как ни в чем не бывало. Дома, наверное, будут отмечать его совершеннолетие, и мама всплакнет, а бабушка обнимет её и будет молча прислушиваться к чему-то.

Бабушка связана с землей и водой, она руку ко лбу приложит, пошепчет что-то, и жар в землю уходит. А ещё она может в будущее заглянуть, только никто не знает, как это у неё получается. Сядет, бывало, руки на коленях сложит, и смотрит куда-то, то ли вглубь, то ли вдаль. Он тоже рядом с ней садился, когда маленький был, и смотрел, задрав голову, ей в глаза. Но она, казалось, этого не замечала, ничего не замечала, пока так сидела.

— Бабушка, кем я буду, когда вырасту?

Они сидят на ступеньках и смотрят на горизонт. Вечереет.

— Когда ты вырастешь... — она задумывается, — ты станешь... взрослым.

— Ну, бабушка, ну, скажи!

— Сам узнаешь, всему свое время.

— А ты знаешь?

— Не знаю.

— Нет, знаешь, знаешь, только сказать не хочешь! Ну, скажи, ну, пожалуйста, ну что тебе стоит?

Она внимательно смотрит на пятилетнего внука, потом прикрывает глаза и, слегка поглаживая его по голове, говорит нараспев:

— Ты будешь на гребнях стихий, и они будут слушать тебя, как тело слушает голову. Они будут нести тебя, а ты будешь ими управлять. И всегда, и везде вы будете единым целым.

— А кто они такие, стихи эти?

— Не стихи, а стихии. Это невидимые силы мира.

— Так значит, я буду их повелителем?

— Значит, будешь.

Вот и сейчас, должно быть, бабушка сидит и смотрит на солнце, как оно поднимается из вод, влажное, красное. Ким даже видит её,

напряженно наблюдающую восход, а как видит — и не знает. Где-то внутри это зрение.

— Бабушка!

Она сидит неподвижно, и солнце накаляется от её взгляда, который буравит его, вызывает солнечную бурю. Солнце начинает метать языки пламени, воздух дрожит, в него врываются самолеты.

Тревога! За минуту все уже на палубе. Пушка бьет, орудия гремят, все бегут куда-то, и только бабушка сидит неподвижно, вперившись в солнце. Корабль подбрасывает, и ещё раз... Крики, стрельба, разрывающиеся прямо в воздухе тела.

— Прыгай, — почти не разжимая губ, говорит бабушка где-то внутри него. Лицо её по-прежнему каменное.

Он прыгает. Вода обжигает, заклинивает дыхание на миг. Вокруг — месиво из тел и обломков, не разобрать, где части человека, а где — корабля. Кто-то поодаль выхватывает пистолет и прикладывает дулом к виску. Он зажмуривается и плывет в какую-то сторону. Красные круги настигают его — это ранили солнце, чтобы завтра оно не вынырнуло из вод. Главное — не оглядываться. Оглянешься — окаменеешь.

Люди камнями идут под воду. Звук булькающей воды раздается за спиной в паузах между взрывами.

Бабушка уже ушла. Наверное, прочитала на горизонте всё, что нужно. Теперь он совершенно один.

Последний, сокрушающий взрыв за спиной, а потом — тишина. Он плывет, и даже всплеска волны не слышно. Полный покой. По воде расплываются алые паруса. Состояние покоя проникает сквозь одежду и кожу, продвигаясь к сердцу.

Чувствительность потеряна. Он плывет просто так, в никуда, плывет, как плывет сама жизнь, как эта чайка, что молчаливым сфинксом качается на волнах.

— Держись! — слышит он позади себя.

Но он не оборачивается. Оглянешься — окаменеешь...

А вода вдруг оживает, начинает колыхаться, хлопнуть, и чайка встревоженно слетает с гребня, издав гортанный звук.

— Держись, сынок...

Человек в шлюпке настигает его. Это Лавренко Михаил, Ким узнал его по голосу и обращению.

Шлюпка почти поравнялась с Кимом, и Лавренко протянул ему руку.

— Хватайся, сынок! Жив, молодец... А вот корабля не стало... Да и спаслись только мы с тобой. Так что не подведи, сынок, держись...

Оставшуюся часть пути они плывут в полном молчании, окруженные внезапной пустынностью мира. Вдали виднеются берега Мариуполя. Хочется спать.

— Погоди, сынок, не спи. Нужно до берега дотянуть.

Ким соглашается, но ничего не отвечает, и в конце концов их подбирает взявшийся неизвестно откуда тральщик. Им дают по полстакана спирта, а потом боцман ведет их в баню отмыться от мазута. Начинает гореть кожа, все пылает внутри и снаружи. Доктор осматривает Кима. Шрапнель застряла в левой руке, чуть ниже локтя, и у плеча, недалеко от сердца. Даже я увижу бугорок у него под кожей много лет спустя и затемнение на снимке в области сердца. Вот она, война, её можно потрогать, рассмотреть...

— А это не опасно? — спрашиваю врача, который на мгновение сливается с тем, из военного времени.

— Нет, не опасно. Осколки вросли в ткани и уже никуда не двинутся.

Пока война медленно вырастает в моего отца, он кое-как доползает до каюты и бухается в койку.

Потом все исчезает.

* * * *

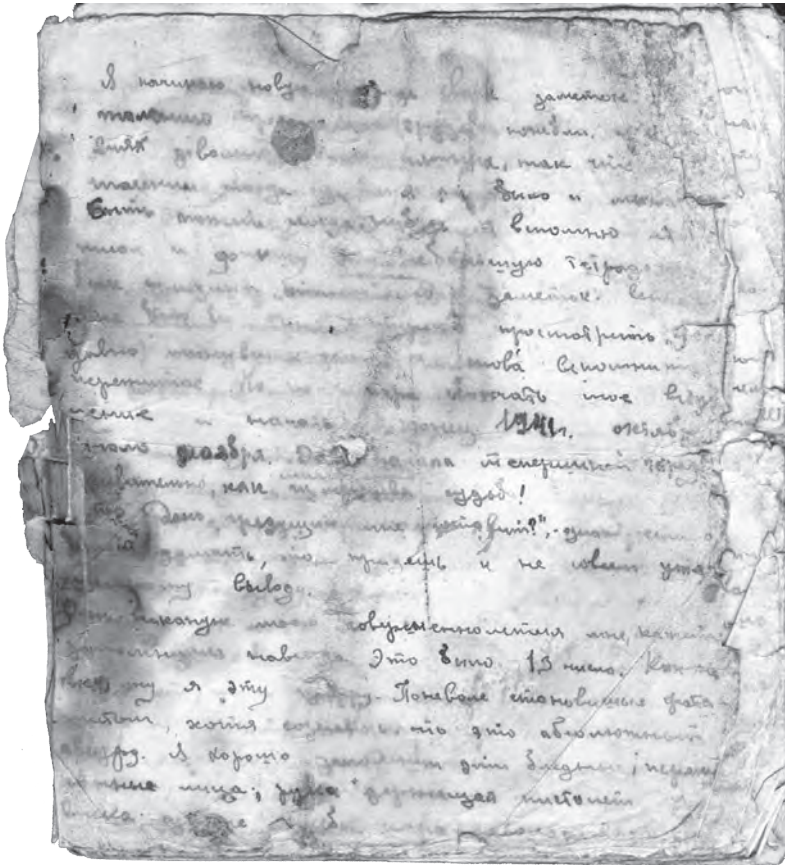
Из дневника 1941 года

Я начинаю новую тетрадь своих заметок. К сожалению, предыдущие с друзьями погибли при условиях довольно неблагоприятных (слова размыты), так что (слова размыты) ... спасении тогда бы меня не было и мы (слова размыты)... Быть может, когда-нибудь я вспомню об этом и допишу ту небольшую тетрадочку ... Сейчас мне было бы очень трудно просмотреть «дела давно минувших дней» и снова вспомнить пережитое. Но пока пора кончать мое вступление.

1941 г. Начало ноября. Дата начала теперешней тетради. Удивительно, как переменчива судьба! «Что день грядущий мне готовит?»

День накануне моего совершеннолетия запомнится навсегда. Это было тринадцатое число. Как же ненавижу я эту цифру! Поневоле становишься фаталистом, хотя осознаешь, что это абсолютный абсурд. Я хорошо запомнил эти бледные, перепуганные, растерянные лица, руку, держащую пистолет у виска, густые клубы пара, заволакивающие всю эту картину, и судно, медленно погружающееся в воду... Картины смерти (слова размыты)...

Меня волнует отсутствие всякой связи с матерью и сестренкой. Связь с отцом была потеряна с момента его взятия в армию. Где они? Что с ними?..

Дороги

Стучат, стучат подводы, бегут, бегут дороги... Дороги...

Вот уже который день семья Кима с колоннами беженцев переправляется бог знает куда. Бегут почти налегке — самый тяжелый груз не в руках, а на сердце, поскольку незадолго до эвакуации получены были две похоронки — одна на него, а другая на его отца.

Обе-две, в один день. И день стал ночью.

Птицей серой почтальон прилетел вместе с декабрьской стужей, стукнул пальцем-клювом в дверь, и заплакала дверь, застонала, вспомнила о том, как ствол рубили-распиливали, как дом сколачивали, как её на петлях прилаживали. А теперь что? От стука этого пошатнулась — в самое сердце пальцем своим острым клюнул. «Это конец, это конец», — заплакала-заскрипела.

Вышла мать — платок прабабкин на плечах. Сколько их выходило вот в этом самом платке принимать вести о мужьях и сыновьях? Не от ветра он, платок этот, не от стужи. Холодно в нем, тяжело.

Почтальон два письма из-под крыла молча вынул, отдал, и понес его ветер дальше по бесцветной дороге. А мать стоит как вкопанная — уже обелиском стала, и только письма трепещут в руках, как птицы, которым не взлететь.

Два конверта. Оба одинаковые. Такого в жизни не бывает. Жизнь родит всё разное, хоть по мелочи, но разное, а если что одинаковое, то это от смерти, это она всё сравнивает-сглаживает, всё, что одно от другого отличает.

В конвертах холодно. Там ничьё сердце не бьётся, и привета там ни от кого нет. Мать не обманешь, она и раскрывать не станет. Вот так и будет стоять под этим небом каменным, пока не разорвут её на клочки самолеты.

— Зайди в дом, Феня, дверь закрой — Женю, не ровен час, застудишь.

— Мама! — Она протягивает оба конверта.

— На стол положи и свечу зажги.

Стол просторный, дубовый, за ним семье никогда тесно не было. Во главе, где корни, бабушка восседала, по одну сторону от неё дочь с мужем, по другую дети, а на противоположном конце — никого, только даль в окне.

— Бабушка, что это за письма? Это от папы с Кимом?

— Нет. От папы с Кимом другие письма, не эти.

— А почему не распечатываешь? Бабушка, дай открою!

Свеча забилась, заметалась, тени на стене заплясали макабр.

— Не для твоих это глаз, деточка, сама открою.

Две похоронки лежат на столе, одна подле другой. «Ваш муж»... «Ваш сын»... Все остальное — одинаково в обеих.

— Мама! — вскрикивают обе одновременно, падая грудью на стол.

Нет им утешения. Больше почтальонов не будет, а дом, который обходят почтальоны, превращается в трухлявый пенёк. Уже почти вся улица в таких пнях, почти весь город.

Бабушка садится у основания стола, руки сложены в замок. В окне напротив смеркается, кроме сумерек ничего не видно. Перед ней письма. Взглянула на них, словно вглубь прошла, чуть задержалась взглядом на одной из похоронок.

— Муж твой погиб. Не жди его, не вернется. А Ким — жив. Не смей оплакивать его.

Ни слова не прибавила, не утешила, не подбодрила, только дом обвела прощальным взглядом.

И ушли они вдаль, смешиваясь с эшелонами.

* * * *

Три женщины ехали длинной и трудной дорогой, и точно такой же длинной и трудной дорогой ехал Ким, и дороги эти не пересекались.

Из дневника 1941 года

Скоро Новый Год. Двухнедельный так называемый отдых сменился путешествием Тамань — Джемете. Этот сравнительно небольшой участок пути мы прошли в течение трех суток. Длинная, однообразная дорога, метель... За спиной котомка чуть меньше двух пудов и на ногах порванные сапоги, а впереди и сзади тебя идут ещё тринадцать таких же, как ты.

Тринадцать... Число, ставшее датой его второго рождения, словно воплотилось в идущих, и он движется вместе с ними, под их прикрытием с фронта и с тыла: тринадцать впереди, тринадцать позади.

Из дневника 1941 года

Как длинна и однообразна зимняя дорога! Насколько может видеть глаз, столбы и столбы. Столбы без конца... Сколько мыслей приходит в течение этого пути! Только от неимоверной усталости невозможно сосредоточиться ни на одной — они набегают друг на друга и тут же улетучиваются, как сны... Но главная мысль и главный вопрос неизменно присутствует: когда же дойдем, когда же конец пути?

Он идет, сыплет снег, набегают волны памяти с лицами погибших друзей с «Товарища». Одно лицо сменяется другим, третьим... Вновь видятся ему в метели семь самолетов, что кружат чёртовым колесом, по очереди пикируя, сбрасывая бомбы и обстреливая судно. У носового орудия Алёшка с помполитом подают снаряды. Алёшка... Он так мечтал сбить «фрица» и получить орден! Первая половина его мечты сбылась в тот роковой день. А вот вторая... Изрешеченные пулемётной очередью Алёшка с помполитом остались лежать на полубаке рядом с пушкой. Но главную мечту Алёшки, которую тот поведал ему втайне, Ким унес с собой. Алёшка мечтал выучиться на капитана, только никто не должен был об этом знать, иначе бы его засмеяли, поскольку в свои девятнадцать он сумел закончить всего шесть классов.

«Вот придут они наниматься на работу, — шептал он Киму, кивая на спящих ребят, а тут я выхожу — в фуражке, при погонах. А они...»

Эх, Лёшка, Лёшка! Быть тебе героем, а капитанами уже другие будут...

С этими мыслями пересел Ким на грузовик, который повез всех в Новороссийск.

* * * *

На причале везунчиков ожидал начальник отдела кадров Медведев. Впоследствии выяснилось, что Медведев отличался феноменальной памятью. Работая почти два десятка лет в кадрах, он никогда не заглядывал в личное дело моряка, знал всех в лицо, помнил о взысканиях, наградах, семейных неурядицах. Он был близорук и носил огромные роговые очки с большим увеличением, отчего глаза его казались состоящими из одних зрачков.

Двадцать семь человек окружило Александра Михайловича в ожидании дальнейшего.

— Здравствуйте, герои! — бодро поприветствовал их начальник отдела кадров, пожимая каждому руку. Затем повернулся к капитану одного из кораблей и кратко осведомился: — Кто погиб?

Капитан стал перечислять погибших, которых Медведев нанимал на работу, и весть о смерти того или иного моряка воспринималась им как личная утрата.

— Третий механик Вербицкий, матросы Максютя и Головань, второй механик Харченко...

— Харченко? Борис?

— Да...

— Ой-ой-ой!.. Не зря Оксана так боялась отпускать его в этот рейс. У них младшему сыну едва годик исполнился, сама она чудом спаслась с детьми при эвакуации из Одессы. Помните гибель «Чкалова»? Она эвакуировалась на нем. Ума не приложу, как сообщить ей об этом... Кто ещё?

— Кочегары Риндин и Бородай и помполит Черкезов.

— И Черкезов тоже... Каких людей теряем!.. Комиссар, бывший красный партизан, герой Цусимы. Просил же его переходить в управление — на пенсию давно пора. Так нет, «буду там, где больше нужен». Как он погиб?

— Был на полубаке у орудия. Его и Максютю прошило пулеметной очередью.

— Дела... — Он опустил низко голову, помолчал, а через минуту скомандовал: — Ну, на абордаж!

Строй шевельнулся, и матросы стали живо запрыгивать на грузовик с брезентовым верхом.

Ехали молча. Все зверски устали и мечтали поскорее плюхнуться в постель. Вскоре грузовик остановился у борта «Проциона» — деревянного барка, поставленного на прикол и превращенного в общежитие, где по большей части жили моряки с погибших судов.

«Процион» стоял в тихом уголке на нерабочем причале. Туда долетал лишь слабый отголосок порта. В конце причала начинался волнолом. При сильных ветрах с моря волны набрасывались на бетонную стенку, разбивались и, превращенные в пыль и брызги, высоко

поднимались, перелетали волнолом, потеряв большую часть своей мощи.

«Процион» с голыми мачтами, со снятым бегучим такелажем выглядел жалким и сиротливым, несмотря на отчаянные усилия команды содержать его в чистоте и порядке. Краска поблекла, кое-где облупилась, а покрасить заново нечем — всё снабжение доставалось действующему флоту. И хотя подшкиперу удавалось выпросить кандейку-другую белил или чернил у знакомых боцманов, это не меняло положения дел.

Дважды вблизи «Проциона» рвались бомбы, и в нескольких местах деревянный корпус его потек. Пришлось поставить цементные ящики. Несмотря на все это, чистота на барке соблюдалась идеальная. Старые матросы (многие из них начинали свое плавание ещё на парусниках) каждое утро производили приборку и мойку палубы по всем правилам: скатывали, швабрили, лопатили, а раз в неделю волочили по палубе тяжелый гладкий камень, после чего доски палубы блестели, словно лощеная бумага.

Команда парусника состояла из пенсионеров и инвалидов. Капитан «Проциона» завёл обычай встречать экипажи погибших судов, выстраивая на палубе весь свой пенсионный личный состав. Завидев прибывших, он подавал команду «смирно» и, приложив руку к посеребренной от времени мичманке с зеленым крабом, пропускал на барк новых временных постояльцев.

На памяти Кима это был единственный случай, когда капитан стоял по стойке смирно перед матросами. Затем в подшкиперской усатый подшкипер дядя Коля выдавал обмундирование и неизменный ватник небесно-голубого цвета. Список ему заранее приносил Медведев, и матросам оставалось лишь подобрать одежду по размеру и расписаться в получении.

Незаметно перекрестившись, дядя Коля вычеркнул фамилии погибших из списка. По штатному расписанию должность его называлась «заведующий складом вещевого довольствия». Когда в начале войны Медведев предложил это место дяде Коле, находившемуся на пенсии, старый моряк с возмущением отказался, считая, что не моряцкое это дело — заведовать какими-то складами. Тогда начальник кадров переименовал заведующего складом в подшкипера, а кладовую в подшкиперскую, куда капитан приказал перетащить паруса и снятый бегучий такелаж барка.

Дядя Коля, не усмотрев подвоха, с радостью принял новое назначение, поселился в каюте подшкипера и даже ночевал на паруснике, лишь изредка навевываясь домой.

— Старухе моей не привыкать оставаться одной, а у меня здесь дело есть, — отвечал он любопытствующим. — Вдруг ночью потребуешь, что ж, до утра меня дожидаться?

Вахтенный показал им дорогу и, толкнув дверь в кубрик, сказал:

— Вот и дом ваш, вниз по трапу. Занимайте любую койку, на всех припасено. Долго тут народ не задерживается. Ну, недельку побудете. Один кочегар, правда, Белов, тут надолго присох, третью неделю мается, его два «деда» не схотели взять на коробку.

— Пьёт, что ли? — поинтересовался Ким.

— Не-е, сурьёзный человек, только невезучий. Четыре раза тонул. Только назначат на коробку, как в тот же раз пароход и потопнет: или на глину напорется, или разбомбит фашист. А он, как замороженный — хоть бы царапина. Вот и слава о нем пошла. Ну, отправляйтесь-ка на боковую, а завтра с утра — документы получать. У кого сохранились, тот предъявит, а остальным новые выписут.

Все уснули почти мгновенно. Только Киму уснуть не удавалось. Он ворочался с боку на бок, менял позу, почему-то считал койки и лампочки. Тридцать восемь коек, по четыре в секции, проходы между секциями, тумбочки в проходах у борта, на потолке семь лампочек. Койки... лампочки... дневальный... белые переборки и серые тумбочки... море, как чудо-рыба, ударяется брюхом о борт... тишина...

Очнулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Открыл глаза и увидел выкрашенный белой масляной краской потолок и две металлические штанги от койки. Где я?

— Ну, и здоров ты спать, Кимуха! Уже девятый час. Пора документы новые получать.

Санёк, сосед с нижней койки, усмехнулся. Он уже был одет и готовился на выход.

— Какой девятый...

Ким взглянул на часы. Ого! Больше четырнадцати часов проспал!

Не плачь...

— Проснитесь, проснитесь же! — Мать тормошит Феню что есть силы.

Стоны ветра перемешиваются со стонами больных. Кому холодно, кого в жар бросает, кто просто спит тихо, слишком тихо...

— Что, мама? — Феня ещё в полусне, ничего не понимает, ёжится.

Подводу на каждой кочке подбрасывает, но Женечка спит как убитая. Нет, нет, нехорошее это сравнение, не к месту...

— Береги Женю, слышишь? Береги Женю! Меня оставь, если что, а от Жени не отходи!

— Да что вы, мама! Что вы такое говорите! Никогда мы вас не бросим, спите, спите.

Но мать продолжает тормошить её, понимая, что та от усталости, как в дурмане.

— Слушай, что я тебе говорю, слушай внимательно и запоминай. Что бы ни случилось, оставь меня. Бог обо мне позаботится. А у тебя Женя. Женю береги.

Наконец-то сознание возвращается к ней, а с ним и озноб. Ночь выдалась холодная, промозглость от земли тянется к людским телам, тепло в себя перетягивает, а у человека зуб на зуб не попадает. Огонь пляшет, пляшет, от одного тела к другому перебрасывается, и тела трещат, как сухие поленья, и земля им снится, где гниль да мрак.

Бабушка в огне том мечется уже с вечера. Как только зорька вечерняя взошла, так и задрожала она, точно осиновый листочек сухонький. Ни стати бывшей не осталось, ни размеренности движений. Вот-вот сорвёт её ветер с древа жизни.

— Мама, мама, да что ж это вы расхворались некстати, — дочь ей шепчет.

— Тиф, сыпняк, — кратко говорит доктор и удаляется к следующим подводам, точно почтальон тот серокрылый.

Бабушку снимают с подводы и перекладывают на другую, а их дальше везут. Из пятерых уже двое осталось, птица Сириин...

— Женечка, какая птица Сириин? О чем ты?

— Птица Сириин, птица Сириин...

— Сыпняк, — кратко говорит доктор и снова удаляется.

Мать падает на трясущееся тело дочери, закрывает его, как солдат амбразуру, и огонь прошивает её, изрешечивает, ну и пусть, пусть...

* * * *

Палата белая-белая, из снегов небесных изваянная. И потолки белые, и стены, и постели, а на них — побелевшие люди, притихшие и обессиленные. Нет больше крови в них, всю отдали огню, вот и белеют в палатах как лилии. Много, много белых лилий, ими и полы усеяны, и кровати, и раскладушки.

— А где бабушка?

— Пей, деточка. — Сестра милосердия, сама белоснежнее всех лилий, дает ей запить белые таблетки белой водой. — Мама твоя в соседней палате поправляется.

— Бабушка, бабушка где?

Идёт снег, несёт тишину белокрылую. Бабушка там под снегом леденет, не отыскать её в братском сугробе. Женя беззвучно плачет, и лилии вокруг удивленно шевелятся, раскрываются.

— Не плачь, деточка, не плачь. Погоди, все образуется, — поёт ей самая белоснежная лилия. — Бог милостив... Видишь, мать жива, и ты скоро на ноги встанешь...

* * * *

Вахтенный был прав насчет «Проциона». Вскоре Ким покинул обшежитие, получив место на одном старом корыте, но он и этому был безмерно рад, хоть капитан ему сразу не понравился. Ничего, решил он тогда про себя, лучше синица в руках. А журавля поймаем после.

Торговый флот и всякие специализированные суда работали на оборону по правилам мирного времени, если не были задействованы в спецоперации. Вахту отстоял и отсыпайся. А если судно у причала, то отпускали в увольнение, чтобы психика не перегружалась и люди не зверели от одних и тех же лиц и замкнутого пространства. Команда формировалась по разным признакам. Кого-то капитан приводил с собой, кого-то назначали из кадров пароходства. Ну, а не сработался с кэпом — ищи повод уйти в другую команду.

Ким ещё раз осмотрел кубрик — уютно, обжито. Ребята устроили печку, привели в порядок койки. По вечерам здесь собираются отдельными группками и начинают рассказывать анекдоты, и вообще разводят «травлю». Это отвлекает от грустных мыслей, которых у

каждого хоть отбавляй. Но особенно отвлекают девушки, которые приходят в красный уголок на танцы. Танцы начались сравнительно недавно, и слух о них разнесся моментально, так что по субботам в красный уголок было уже не протолкнуться.

Красный уголок находился на «Проционе». Когда Ким, привлеченный звуками фокстрота и танго, спустился туда однажды, он просто обалдел от количества девушек, толпящихся там. «Откуда же столько девушек?» — недоумевал он, зная, что без пропусков в порт не пройти. Оказалось, что все они приехали на курсы радисток и живут теперь на «Проционе». После окончания учебы они будут сдавать экзамены, а затем отправятся на месячную практику, после чего станут хозяйками радиорубок.

Ошеломленный такими сказочными переменами на «Проционе» Ким быстро подошел к первой же девушке, не разглядывая, не выбирая, и пригласил её на танец. Танцевала она скованно, опустив глаза, и он почти не чувствовал её тоненькой руки, лежащей на его плече. Ему даже показалось, будто она обрадовалась, когда танец закончился, и быстро исчезла, растворившись среди подруг. Её место почти мгновенно заняла другая, полная противоположность ей, и они танцевали вместе остаток вечера. Слабые попытки Кима откланяться в паузе и поискать других партнерш не увенчались успехом. Рыженькая Ш. цепко удерживала его до последнего, а на прощание выразила надежду на то, что вскоре они увидятся вновь.

Из дневника 1941 года

Некоторое время я встречался с Ш. Я познакомился с ней на танцах. Она небольшого роста, быстрая и хорошенькая девушка, к тому же хорошо танцует. Иногда после танцев или прогулок я провожал её домой и у дома садились на скамеечке и болтали о всякой всячине. В один из таких вечеров мы пошли в турецкий сад и взобрались немного выше — в лес. Там она призналась мне в любви. Мне было неприятно осознавать, что я не испытываю подобного чувства к ней, и я, отшучиваясь, замыл этот разговор. Многие парни хотели бы встречаться с Ш. Для меня же Ш. была только приятной собеседницей и хорошим партнёром в танцах. В дальнейшем она поняла это. Мы с ней ещё до сих пор не потеряли дружественных отношений, хотя она и встречается теперь с другим парнем. Точка и ша.

Это знакомство не вдохновило его, да и вообще Ким подумывал о том, как двинуться дальше.

Из дневника 1941 года

Меня не оставляет вопрос о дальнейшей учёбе, т.е. о дальнейшей моей судьбе. Что-то нужно предпринять, но что — пока неясно. Оставаться матросом мне было очень обидно. Разве для этого я 8 лет учился в школе и потратил два года в техникуме? Но пока такое время, что об этом не приходится беспокоиться. После войны это все уладится. А при благоприятном случае это может уладиться ещё и до её окончания. Финал 1941 года.

Любовь и война

1942-й начался интересно. Причём во многих и разных смыслах, о чём свидетельствуют краткие, недатированные записи.

Из дневника 1942 года

The 1942! The zone (light) is in the blue sky. Very well! This morning is beautiful. This is my lay off. Редко бывают у меня такие хорошие дни, но когда они бывают я стараюсь их использовать так, чтобы после не жалеть о пропавшем дне, чтобы это действительно был выходной день в полном смысле слова. Часто мне это удаётся достигнуть. К вечеру выходного дня я иду или в кино, или к другу поболтать, а иногда на танцы. За последнее время они очень надоели. Меня абсолютно уже не тянет на танцы. Танцевальный идеал сменился другим. В это время подходит, вероятно, период, когда я должен расстаться с работой. Мне уже надоело вечное ворчание этого старого дурака капитана. Время от времени я не выдерживаю и огрызаюсь, а однажды даже поругался с ним в присутствии всей команды.

*

Наше бревно превратилось в общежитие для «бичей»! Первым у нас поместился экипаж... Устроили печку, привели в порядок

койки и выдали постельное бельё. Кубрик принял вполне жилой вид. По вечерам собираются отдельными группками и начинают рассказывать анекдоты и вообще разводят «травлю». Пару дней назад сюда приехала группа радисток из Баку. В этот же день со мной случился небольшой конфуз — я отморозил себе правое ухо и даже не заметил, как это случилось. Ухо приняло огромнейшие размеры и немного издали напоминает блин в масле. Придётся мне с ним повозиться в течение некоторого времени.

*

Среди радисток, которые приехали на практику, есть пара хорошеньких девочек. Одна из них чёрненькая, небольшого роста, не знаю, правда, её имени, мне немного понравилась. Если судить по внешнему виду, она должна быть ветреной или, быть может, она ни с кем не встречается и ради проведения времени — сегодня с одним, а завтра с другим.

Я хотел было упомянуть К., но это, по-моему, одна из мимо-лётных сцен в жизни, а поэтому даже не стоит об этом вспоминать. Это уже было, и наверное будет в жизни не раз.

*

Вчера разругался с капитаном и помощником. Это был коллективный разговор между кубриком и ими. В результате сражения они отступили «униженными и оскорблёнными». Завтра попрошу расчёт. Что он запоёт!

*

Сейчас я живу в предчувствии, т.е. в уверенности, что я последние деньки проживаю на этом старом «пароходе». Выхожу часто из порта, спешу хотя бы последние дни нагуляться по горло. Теперь мне сопутствует весёлое настроение. Я смеюсь, шучу, в особенности, если на меня оказывает воздействие 40 градусов, соединяясь с моими тридцатью и шестью. Но скоро этому наступит конец.

На сегодня у него назначена встреча с начальством теплохода, на который он хотел бы перейти. Если все пойдет по плану, то перед ним откроются новые перспективы, включая продвижение по службе и дальнейшую учебу. Но это в будущем. Пока что так далеко он не собирался загадывать. Загадывать вообще не стоит, и в особенности

сейчас, когда каждый новый рейс может круто изменить все планы, всю жизнь. Он-то знает, уже не салага...

* * * *

Чутье подсказывало Киму, что встреча с начальством закончится положительно. Ну, во-первых, у него была хорошая репутация ещё со времен работы с Адамычем, а репутация в морском мире быстро распространяется по волнам, достигая слуха руководства. Во-вторых... «Во-вторых» он объяснить не мог, но знал, что оно даже сильнее, чем «во-первых».

Расстояние от кубрика до теплохода небольшое, но появиться нужно без опозданий, ровно в назначенное время. Раньше тоже приходиться не следует — это молодняк пусть ошивается по двадцать минут у дверей капитана. А он уже опытный, ему пунктуальность продемонстрировать нужно, так солиднее.

Улица сама ведет его к теплоходу, точно речушка, — попал в её течение, она и несет тебя. Все хорошо, все хорошо, и на небе синь-синевая, и море ласково переливается у причала, в общем — вперед и с песней.

Впереди шел, не совсем соблюдая равновесие, старый моряк. Из-под расстегнутого ворота рубахи виднелась уже порядком вылинявшая тельняшка. В правой руке он держал бидон с керосином. Добродушный легкий старик с седыми казацкими усами продвигался по синусоиде и сам себе командовал, когда курс его подходил близко к мостовой: «Лево помалу!» Он медленно сворачивал с мостовой на середину тротуара. «Так держать», — раздавалась следующая команда, но выполнить её оказывалось чрезвычайно сложно, и сразу же слышалось: «Помалу вправо». На этом курсе ему встретилась пожилая женщина. Дабы избежать столкновения, он скомандовал: «Полный назад!» — и, остановившись в опасной близости от неё, сказал:

— Пардон, мадам!

Женщине, видимо, было не до шуток, и она зло ответила:

— У, наклюкался с самого ранья, черт старый!

— С радости, мадам. Сынок Героя получил и три дня отпуска.

Причина показалась женщине уважительной, она остановилась, что-то начала говорить старику и заплакала.

* * * *

Ким постучал в дверь минута в минуту.

— Входите! — послышался голос капитана, и Ким переступил порог капитанской каюты. — Ну-с, молодой человек, с чем пожаловали?

Магерам Сулейманович — тучный мужчина кавказской наружности сидел в кресле у стола, поглядывая на стоящего перед ним курсанта. Цель прихода ему была ясна, и спрашивал он для проформы. Главное — не что, а как ответит ему новенький, какое впечатление произведет. Команда — это ведь большая семья, и принимать в семью дело весьма ответственное. В море развода не возьмешь. Если что не сложится во время рейса, весь экипаж может пострадать. А в военное время особенно важно, чтобы все было слажено.

Капитан изучает Кима, а Ким краем глаза оценивает обстановку в каюте: старинный английский барометр с двумя стрелками, неуклюжая подзорная труба в кожаном футляре, массивные медные лампы, наглухо привинченные к переборке над столом. Между лампами к той же переборке прикреплен маленький шлюпочный компас в кардановом подвесе*. Картушка** его, по-старинному разбитая на румбы, плавает в спиртовом растворе.

Каюта облицована полированным красным деревом. Кресло, стол, просторная койка — все сработано добротнo, рассчитано на комфорт и уют хозяина в часы, когда море позволяет капитану отдохнуть.

На минуту Киму кажется, что он перенесся на несколько веков назад во времена чайных клиперов и пиратских корветов. Прищуришь глаза и увидишь квадратного, заросшего рыжей щетиной капитана с двумя пистолетами за поясом. Вот рыжий разбойник склонился над столом, где лежит карта тропических широт и, попыхивая трубкой, размышляет об очередном рейде.

Голос капитана возвращает Кима к действительности.

— Говоришь, на судно мое хочешь, да? — то ли спрашивает, то ли размышляет вслух капитан, машинально водя короткими плотными пальцами по карте, разложенной перед ним.

* Карданов подвес — универсальная шарнирная опора, позволяющая закрепленному в ней объекту вращаться одновременно в нескольких плоскостях.

** Подвижный диск (или кольцо) из немагнитного материала в магнитном компасе.

— Хочу, Магерам Сулейманович, очень хочу! — поспешно отвечает Ким.

— Вижу, что хочешь. Ну, а прежнее чем же не устроило?

Сказал бы он, чем, да не может. Все, что скажешь о бывшем руководстве, может сыграть против тебя. Тут нужна дипломатия, такт, чтобы не получилось, что бывший — дурак, а ты умный.

— Мне дальше двигаться хочется, Магерам Сулейманович. Нужен новый опыт, новое окружение.

— Новый опыт, говоришь... Так Сергей Данилыч капитан опытный, — продолжает вкрадчиво испытывать его Магерам Сулейманович. — Слушай, зачем так торопиться? Побудь ещё с ним, да? Или тебе его опыта недостаточно уже? Сам опытнее капитана стал, да?

— Нет, Магерам Сулейманович, не опытнее. Опыта мне набираться и набираться. Вот только...

— Ну, что запнулся, говори, я тебя слушаю.

— Вот только хотелось бы разного опыта. У каждого капитана свой подход, своя школа. Мне интересно поучиться у вас, Магерам Сулейманович.

В прищуре капитана забрезжила улыбка.

— Говоришь, поучиться у меня... Дипломат из тебя получился бы что надо. Ладно, возьму тебя в команду. Упорный ты юноша, Ким, и правильно думаешь, не как некоторые другие. Есть такие, есть... несерьезные, мало думают. А кто за них думать будет — капитан, да? Для глупостей — большие, а думать — маленькие, да? Слыхал, небось, как матросы надебоширили?

— Так они ж поминали товарищей...

— Поминали, говоришь? А потом гранаты трофейные в воду бросали, рыбу глушили, пока одного из своих не ранили. Как дурак, мог он умереть сам от себя. А употребление спиртных напитков на судне разрешается, да?

Ким потупился, ничего не ответил.

— То-то! Смотри мне... Чтoб никаких загулов, да? — Ким попытался что-то сказать, но Магерам Сулейманович остановил его жестом. — Знаю, знаю... И твою историю знаю... Матери ничего не пиши о том, что с кораблем твоим произошло, да? Потом, война закончится, все потом расскажешь. Не волнуй мать.

* * * *

Выйдя из кабинета, Ким полетел к себе на всех парусах. Сбылось! Перешел-таки под командование Магерма!

В солнечном свете на бирюзовой воде бухты слепящими зайчиками искрились зеркальные блики. По бухте носились два катера-охотника и сбрасывали в воду глубинные бомбы, чтобы уничтожить спущенные вчера вечером на парашютах немецкие мины. Вода после каждого взрыва вспучивалась темной массой, доносился глухой, словно отдаленный раскат грома, звук. Иногда на месте взрыва появлялось белое пятно — это всплывала оглушенная бомбой рыба.

Ким уже подходил к своей общаге, как за кормой одного из катеров поднялся столб черной воды — взорвалась вражеская мина. Он приостановился и стал смотреть, как оседает и растворяется в лучах солнца черная вода. ещё одна тайная смерть уничтожена, подумалось ему.

Война присутствовала повсюду, видимая и незримая, и в этой подорванной mine, и в разрушенных зданиях, и воронках от бомб, и в замаскированной зенитной батарее, притаившейся на вершине горы. И в бесшабашном веселье матросов, уходящих завтра с десантным кораблем в опасный рейс, тоже чувствовалась война. «Пей, ребята! Все равно война!» И ребята пили. Пили за победу, пили за тех, кто ещё вчера был с ними.

Моряки уходили за горизонт мальчишками, а возвращались мужчинами и воинами, чтобы, пролежав положенный срок в госпитале, вновь идти на схватку с врагом.

Ты мало что рассказывал об этом времени, но то, что довелось мне услышать краем уха, когда ты делился с матерью воспоминаниями, навсегда запечатлелось в памяти. Память — она такая, от одного уходит — к другому приходит.

Помнишь встречу с Мишкой? Шел матрос в бушлате, в надраенных до флотского блеска полусапожках и вдруг:

— Кимка!

Ты остановился, не узнавая. А потом бросился к тебе, и радостнее встречи этой за всю войну не было.

Мишка Одесский — соученик, которому не раз классный руководитель Моисей Израилевич записывал в дневник круглые двойки по поведению и внизу выводил красным: «Родителям явиться в школу!» А Мишку любили все в классе. И озорство его было веселое и

безвредное. Сейчас Мишка казался взрослым и чужим в матросской форме, и ты любовался им и немного завидовал его бравому виду.

Он ушел в Севастополь, обещал писать, но так и не написал...

Через полчаса Ким с собранными вещами уже мчался на новое место. Нужно было ещё с товарищами попрощаться, но это уже вечером, после танцев в красном уголке. Там он намеревался во что бы то ни стало разыскать её, ту самую радистку из Баку. Во что бы то ни стало.

* * * *

Девушки, девушки, девушки... Красный уголок усеян, как цветами, молоденькими радистками. Танго набирает обороты. Иллюминаторы в измороси, водяная пыль разлетается по пирсу (ночной ветер усилился и швыряет на него волны), а на барке — весна. Запах цветочных духов, помады и ещё чего-то, что придает воздуху особую тонкость и романтичность.

Девушки движутся в такт музыке, даже те, которые не танцуют. Ким пытается отыскать в толпе ту, черноволосую, но на него недовольно натыкаются танцующие, и приходится огибать пары, протискиваясь сквозь тех, кто ещё раздумывает, кого бы пригласить.

Изловчившись, Ким протискивается между парочкой, которая уже сделала шаг навстречу друг другу.

— Эй, потише! Не видишь, что ли? — недовольно восклицает парень, испугавшись, что кто-то другой перехватит его девушку.

— Да вижу, вижу... Извиняй.

Он ловко проныривает у парня под рукой и направляется в другую часть зала. Парень с девушкой немедленно бросаются друг к другу и через секунду уже выделывают па.

— Ой, вы тоже здесь! — раздается за спиной Кима. Он оборачивается. Это его недавняя знакомая Ш.

— А, это вы... Здравствуйте! — говорит он с поддельным энтузиазмом.

— Здравствуйте! — Девушка явно обрадована и отпустить его не намерена. её круглые зеленоватые глаза словно впечатываются в Кима. Он смотрит по сторонам, явно не расслышав её вопроса. — А пойдёмте потанцуем, — наконец предлагает она, понимая, что пауза затянулась не в её пользу.

— Да-да... Пойдемте.

Он снова протискивается сквозь толпу, только уже в обратном направлении. Девушка идет чуть позади, танцующие прижимают их друг к другу все плотней, в какой-то момент разворачивая их лицами друг к другу.

— Ну, вот и встретились, — говорит она игриво, положив руку ему на плечо. Они движутся в такт музыке почти механически, не вкладывая в это никакого смысла. Вскоре танго сменяется фокстротом, но это ничего не меняет.

— А вы живете здесь или на другом пароходе? — пытается завязать разговор Ш.

— На другом пароходе.

— А мы живем здесь.

— Да, я помню.

— Очень приятно это слышать. Девушек ведь много, всех упомянуть невозможно. — Она многозначительно смотрит на него.

— Действительно... невозможно...

Кто-то пытается протиснуться между ними. Он чуть отстраняется от Ш., давая пройти.

— Спасибо! — благодарит его на ходу девушка.

Он мгновенно узнает её. Это — как удар молнии.

— Девушка! Пойдите...

Он пытается удержать её за рукав. Она удивленно оборачивается.

— Вы меня?

— Вас, вас... Куда вы бежите?

— Я? Собственно, никуда...

Рыженькая Ш. зло смотрит на них круглыми глазами.

— Танцевать будем или как? — вызывающе говорит она.

Но он не слышит вопроса и не видит, как толпа незаметно оттирает её. А может, она сама уходит. Этого он уже никогда не узнает.

— Да не реви ты, пошли лучше со мной, — слышится где-то далеко за спиной Кима.

Музыка, наверное, прекращается, поскольку пары начинают расходиться, освобождая пространство, но они продолжают стоять, ожидая, что кто-то заговорит первым.

— А вы приехали, из Баку, — наконец говорит Ким.

— Да.

— Я вас видел. Снова пауза.

— Вас как зовут?

Она называет свое имя.

— А я Ким. Может, потанцуем?

— Танцы закончились.

— Правда, закончились, — растерянно улыбается он. — А вы спешите?

— Да нет...

— Так может, пройдемся немного по воздуху?

— Можно...

— Так я возьму ваше пальто из гардероба?

— Оно в каюте наверху.

— Хорошо, тогда я сбегую за курткой, а вы за пальто, и встретимся у входа. Она кивает.

Он бежит в гардероб, быстро набрасывает куртку и направляется к двери. Она уже ждет его у входа в бежевом пальто. На голове у неё белый вязаный беретик со смешным снежком помпончика.

— Ну, вот и я, — говорит он, открывая перед ней дверь.

Они выходят, и соленый морской ветер захлестывает их. Она ёжится, но он берет её за руку: «Сюда, сюда!» — и они прячутся за носом барка. Моросит мягкий снег. Снежинки кружат над фонарем и, приземляясь, сразу же растекаются по дощатому пирсу.

— Какой странный снег, — говорит она, робко вскинув глаза на Кима.

У неё длинные темные ресницы («траурные», — почему-то отмечает он про себя) и продолговатые карие глаза с теплым отливом.

— И вечер странный, — говорит он.

— Почему странный? — её лицо выглядит почти прозрачным в белом свете фонаря. Лицо грустной маленькой феи.

Ему вдруг хочется взять её лицо в ладони и держать, пока оно не отогреется, не порозовеет.

— Просто странный и всё, — машинально отвечает он. — Необычный, точнее.

— А я до сих пор не верю, что война, — говорит она. — У меня уже и нескольких подруг не стало, а все не верится.словно в кино или в книге, словно не со мной. — Она поднимает глаза и смотрит на небо. — Вот и небо то же, и море, и зима, и люди, а время другое.

— Да, время другое.

— Интересно, как нас будут представлять те, кто будут после?

— Наверное, героями...

— Наверное... А я вот никакая не героиня. Я самая настоящая трусиха и больше всего боюсь тараканов.

— Ну, тараканы! Это ж мелочи... Они тихие, не кусаются и от света бегут.

— Нет, они страшные, непонятные. Вот их нет — и уже через минуту появляются прямо на самом видном месте. Словно ходы какие-то в пространстве знают... Я даже слова этого боюсь — «таракан»...

Он смеётся.

— И впрямь трусиха!

Синие лучи быстро обыскивают небо.

— Мне пора, — говорит она.

Удерживать нельзя.

— Я провожу, можно?

— Конечно, можно...

Какое-то время они идут молча, словно молчание восполняет недосказанное.

— А я завтра перевожусь на новое судно, — говорит Ким.

— Вот как? Поздравляю! А когда в рейс?

— Скоро, должно быть. Точно неизвестно, но долго бездельничать не позволят. — Он усмехается. — И с ребятами ещё нужно попрощаться сегодня. А то переехал и даже «до свидания» никому не сказал.

Лёгкая грусть слышится в его голосе.

— Жаль, наверное, было расставаться?

— Жаль, конечно. Привыкли мы друг к другу, уже почти как одна семья...

— Семья... это хорошо, — кивает она. — Моя семья давно разлетелась.

— Как — разлетелась?

— Как чашка — бах! — и только осколки... Отец был моложе мамы, а как я родилась, бросил нас и ушел к другой. У меня два сводных брата, да только мы не дружим. Мама больна, ноги у неё... Еле ходит... — её голос дрогнул.

— Не плачь, не плачь, все должно быть хорошо.

— Да что ты, не плачу я. — Она мягко улыбается оттого, что они так естественно перешли на «ты». — А твой? Что с ними?

— Отец погиб, бабушка умерла от сыпняка в эвакуации. Осталась мама и сестра младшая. В Одессе они...

— Счастливый, родная сестра...

— Любимая притом. Вот закончится война, я тебя с ней познакомлю.

— Правда? — Её лицо лучится изнутри.

— Правда. Если захочешь, конечно.

— Посмотрим, — вдруг тихо говорит она. — До окончания войны ещё дожить надо.

— Доживем, обязательно доживем! Должны дожить.

Пока они идут, снег прекращается, и звёзды выходят из своего укрытия.

Свернув на тропинку, они усаживаются на валун и какое-то время разглядывают звёзды, словно проверяя, все ли целы.

— Как город в огнях, — говорит Л., запрокинув голову. — Я помню, мы с мамой часто смотрели фильм «Огни большого города». Она его очень любит. И всегда плакала, хотя знала каждый кадр наизусть. Моя мама удивительная. Все трудности всегда переносит с улыбкой. И меня научила быть стойкой и терпеливой. А вот на этом фильме... Мы ревели как маленькие...

Она сидит спиной к нему, все ещё глядя в небо, и он ощущает подбородком детское тепло её макушки. Никогда и ни к кому не испытывал он подобной нежности. Разве что к маленькой Женечке. Сколько знакомых девушек у него было — выбирай любую, а только с этой и сроднился внезапно.

— И как только люди могут так легко расставаться? — вдруг вырывается у него. — Ну, понимаю, война. Она не церемонится, раскидывает всех по разным уголкам. И все только и мечтают, чтобы снова встретиться, только и ждут, чтобы сесть вместе за стол. А в мирное время? Так бомбят друг друга, что хуже всякой войны. Я семью свою любить буду. И беречь! Не допущу войны в своем доме.

— Значит, твоя жена будет самой счастливой женщиной на свете...

— Я хочу, чтобы ты была самой счастливой женщиной на свете, — неожиданно вырывается у него.

Она поворачивается к нему лицом и пристально смотрит ему в глаза.

— Правда?

Он кивает.

Какое-то время они наблюдают за морем, как оно перекатывает лунные блики.

— Смотри, — говорит она, показывая на окруженные влажным свечением отражения деревьев в ночной воде. — Как ангелы... Ни войны у них там, ни потерь... Ну, ладно. Мне пора... Завтра рано встать. Не хочется уходить, но нужно.

— Да, нужно, — машинально подтверждает Ким, и они идут к её общежитию. На прощание она протягивает ему руку. Он берёт её и бережно касается губами.

Идти в кубрик было невозможно. Ему казалось, что за дверью окончится очарование последних минут — то новое, что зародилось в нём, требовало уединения. Он повернул к морю, пошел к широкому деревянному планширю и стал разглядывать чёрную воду, как она поднималась и опускалась вдоль борта, искрясь тусклыми расплывчатыми точками звезд и убаюкивая старый парусник.

* * * *

Наутро он решил повторить их вечерний путь. Л. была уже на занятиях. Около восьми они встретились у трапа, и он проводил её к серому двухэтажному зданию клуба, где помещались курсы. Когда высокие резные двери захлопнулись за ней, он постоял, прислушиваясь к её удаляющимся шагам и представил, как мысли её переключились на конденсаторы и сопротивления, радиокоды и писк морзянки, на фиолетовых жучков и линии длинных формул и схем... Он улыбнулся и зашагал прочь.

Вот и знакомая тропинка. Без Л. все выглядело иначе в дневном свете, и тропинка, прозаичная и будничная, вела просто на заросшую невысокой травой и кустарником полянку, где паслась без призора коза и две беленькие козочки, привязанные длинной веревкой к деревьям. Вот и валун, на котором они сидели — камень печали и нежности...

* * * *

Из дневника 1942 года

Вот я уже на другом пароходе, то есть, извиняюсь, теплоходе. С утра заскочил проводить на занятия Л., а вечером мы с ней встретились опять. Я окончательно в неё влюбился, и если придется с ней расстаться, то мне будет очень тяжело.

Вопреки всем ожиданиям, вечером встретиться не удалось. Возле общежития его ждал вахтенный, сообщивший, что их отправляют в Камыш-Бурун на «Серове», находившемся под командованием другого капитана.

* * * *

Теплоход «Анатолий Серов», на котором они отправились, славился своими подвигами. Этот небольшой рудовоз, вмещавший всего лишь 4880 тонн, был построен ещё до войны и назывался «Коллективизация». В 1939 году он был переименован в честь погибшего в том же году военного летчика Анатолия Константиновича Серова, Героя Советского Союза, мастера высшего пилотажа, воевавшего в Испании против франкистов под именем Родриго Матео. Ему принадлежала идея ночного воздушного боя.

Отважный дух Серова определял атмосферу корабля. С первых дней войны теплоход стал участвовать в боях и, кроме того, выполнял много других важных заданий по вывозке в тыл железнодорожного транспорта и оборудования с одесских предприятий. На нем доставлялось в Одессу все необходимое для защиты города, эвакуировались раненные и жители. Далекую не второстепенную роль играл «Серов» и в Керченско-Феодосийском десанте и регулярно совершал рейсы в Новороссийск и Камыш-Бурун.

Из дневника 1942 года

Утром я ушёл на судно. Нас отправили в Камыш-Бурун. Мы простились у парохода, когда ещё шла погрузка. В предстартовой суете прощание не казалось тяжёлым, и только на следующее утро пришло осознание того, что её нет со мной. Больше всего на свете мне хотелось её увидеть, хоть на несколько минут! И тогда я сел у столика и начал чертить что-то карандашом. Совершенно машинально рука моя вывела букву «Л»...

Ну, прямо сюжет для сентиментального романа! С той лишь разницей, что пока он вычерчивал свою букву, фашистские авиаторы вычерчивали свои смертоносные петли над кораблем. На порт Камыш-Бурун осуществлялись постоянные воздушные налеты.

18-го января немцы повторно заняли Феодосию и наносили сильнейшие удары по судам, которые снабжали войска через Камыш-Бурун и Керчь. «Серов» вез очередное снабжение.

Когда именно его судно было отправлено в Камыш-Бурун, неизвестно. Все его военные записи датированы только годом, с редким упоминанием времени года. Дни и месяцы выводятся уже опосредованно, что придает некую вневременность повествованию. Вести дневник или вообще делать какие-либо фронтовые записи запрещалось, поскольку, попав в руки к врагу, они могли стать источником информации.

Тот, кто вел дневник во время войны, серьезно рисковал. Его могли обвинить в шпионаже и даже расстрелять.

Знал ли об этом 18-летний курсант? Как ни смешно это звучит, но единственное, что зашифровывал отец в своем военном дневнике, помимо дат, это имена девушек, словно они и были той самой большой государственной тайной, которую нельзя открывать врагу.

* * * *

Итак, пока корабль двигался в направлении Камыш-Буруна, Ким, воспользовавшись ранним часом, сидел у стола, выводил на листке начальную букву имени своей возлюбленной. Вслед за этим стали рождаться первые строчки, посвященные ей.

Из дневника 1942 года

*Я помню вечер временной разлуки.
Шептали оба нежные слова,
Потом пожали мы друг другу руки,
И я ушёл, пока не навсегда.*

Пока не навсегда... В этом «пока» — грустный опыт военного времени. Смени контекст, и все будет выглядеть легковесно. Пришел, ушел... Только ушел он не «к кому», а «куда», и это «куда» было заминировано, как все, что на войне. Но откуда же он знал, что вернется, что это ещё «не навсегда»?

Он думал, что пишет стихи, а на самом деле писал судьбу, их судьбу, словно оказавшись на волне предвидения. История о разлуке с последующей встречей, которая в тот момент рождалась из-под его

и первый раз, можно сказать первая
интересная для меня в "тихой луженной"
эпохе. Вот это, это у меня было.

Всем известно ** впрямую с тобой:
Был тихий вечер, и тогда к тебе
И тихо тихий вечерний порок
И помню тебя. Все было как во сне... (?)

И помню: вечер временной разлуки
Меняли оба некоторые слова;

Потом потом мы друг-другу руги
И я ушел, пока не навелся

И слова встретились. Я угадал на первом
Улыбку твою, улыбку твою нас,
Но оказалось мне, что ты уж все забыла,
Что два слова разделили нас...

Но нет, улыбка, тебе я не забуду -
И как забыть мне улыбку твою?

И как забыть тебе некоторые буквы
И буквы некоторые моменты без слов.

Может быть за это время много не прошло
время, о чем можно было бы говорить
в моем замке? Нет, было много много
о том же, и в другие времена...

неопытного пера, на самом деле ещё не произошла — она только вызревала, как чей-то замысел, медленно разворачивающийся во времени.

Как страшно и как точно совместятся контуры этого сюжета с тем, что произойдет в дальнейшем! Осознает ли он однажды, спустя годы, что писал в тот час под диктовку судьбы?

«В смысле литературы эти стихи не представляют никакого интереса, но интересно то, что я в первый раз, можно сказать, нечаянно высказал свои мысли в стихотворной форме», — запишет он сразу же после этих стихов в своём дневнике.

«Прозрения, а не просто мысли», — хочется сказать, но я не смею вмешиваться, не смею править его страницы, не смею накладывать свой почерк поверх его...

Так или иначе, его корабль движется в опасных водах, а он, уже однажды ощутивший дыхание смерти, вслушивается в будущее. У людей оно свое, у кораблей — свое, но в море они едины, и душа корабля становится душой экипажа.

Раннее утро, тишина, всплеск волны за бортом, полутемная каюта... Будто и нет войны. Где-то её действительно нет. Через много лет не будет и здесь... А пока она — везде, в том числе и в его ближайшем будущем. Когда летом фронт почти вплотную приблизится к Новороссийску, «Серову» выпадут особо тяжелые испытания. 12 августа на него будет сброшено свыше 100 бомб в открытом море, и только одна из них окажется роковой. Она пробьет кормовой трюм, и будет отдан приказ военного командования затопить судно, чтобы врагу не достались сотни боеприпасов. И тогда экипаж встанет на защиту судна, на этот раз — от своих.

— Взрывайте вместе с нами, — ответят серовцы на приказ Ставки верховного главнокомандования. — Судна мы не покинем.

Ставке придется отступить, а капитан и помполит разработают план действий по спасению корабля, посадив его предварительно на мель. Будет решено перебраться с экипажем на берег и днем маскироваться в лесной чаще, а по ночам ремонтировать судно. Через восемь суток «Серов» будет отремонтирован, а 20 августа 1942 года снят с мели и отправлен в Потти для дальнейших действий.

Он переворачивает исписанную страницу, и ему открывается безбрежная равнина, белоснежная, ещё не тронутая пером. Интересно, что будет вписано в неё, какие пути-дороги? Да и будет ли?

Он захлопывает тетрадь, и на время исчезает в туманности моря, растворяясь вместе с кораблем, войной и девушкой Л.

* * * *

Снова вместе. Пространство линейно — время циклично, поэтому в него можно вернуться в каждой точке пространства, как это делаю я, вдали от тех мест, но вблизи этих дат в его дневнике. В этом метафизическом поле сосуществуют наш опыт и память.

Сегодня он должен был уже вернуться из рейса, предвкушая встречу с Л. Как она произошла? Передо мной его дневники, но в них ни слова о сокровенном. Все сжато, кратко, информативно просто. О подтексте приходится только догадываться. О самом рейсе тоже ни слова. Значит, все прошло благополучно.

Хорошо, пусть так: Л. была допоздна на занятиях, они кратко обнялись при встрече, и он оставил все разговоры на завтра.

Завтра он непременно вытянет её на прогулку перед сном, а то она почти истаяла над своими конспектами. Она обрадуется, они пойдут к морю, будут смотреть, как светятся огоньки кораблей.

— На том корабле ты, — скажет она, указывая на крохотное суденышко в отдалении.

— Почему на том? И вообще, разве я не здесь, не рядом? Разве мы не вместе?

— Нет, не вместе...

Превратности любви

Из дневника 1942 года

Уже почти месяц, как мы встречаемся с Л.

Сегодня зашёл на «дуб», проведать своих, поболтать с кубриком, пока выдалась минутка. Лучше б не делал этого! Ребят, с которыми дружу, все равно не было. Я покрутился, хотел было уйти, как меня окликнул один из тех, кто был занят покраской судна.

— А, Кимуха! В гости на наше дырявое корыто пожаловал? Ну, проходи! — Веснушчатый белобрысый Санек многозначительно ухмыляется.

— Здоров, Санек!

— Здоров, здоров... Чем обязаны? Соскучился по кубрику? — Санек ослабил, выставив щербатые зубы.

— Да есть немного, хоть скучать некогда... Как ребята?

— Да кто как. Твои работают до вечера. А мы вот красим коробку. Боцман чернил притащил, покоя не дает. Сенька палубу драит... Ну, а ты что?

— Да ничего, сейчас в отгуле. А так — работаю. — Не хотелось ему с Саньком откровенничать.

— Ну-ну, работай, работай, да только не зарабатывайся.

— А что ты имеешь в виду?

— Да так, ничего. За девчонкой своей присматривай получше, а то она тут по кубрикам вечерами греется...

— Что? А ну повтори, что ты сказал?

— Да ты брось петушиться-то. Сенька, подь сюда! — подозвал он своего дружка, сбегавшего вниз по трапу.

— Ну, чего тебе? А, Ким! Здоров! Как жизнь на новом месте?

— На новом месте приснишь жених невесте, — хмыкнул Санек. — Я тут ему за девчонкой его советую приглядывать.

— А-а, — Сенька протянул, прищуриваясь. — Ну да, ну да, за девчонкой нужен глаз да глаз... А то снова к нам переводись!

Оба хватаются за бока.

— Вы мне дело говорите, не паясничайте, — угрюмо подступился к ним Ким. — Заметили что?

— Заметили, заметили, — кивнул Санек. — Имеющий глаза да заметит. — Он подмигнул Сеньке, и оба расхохотались.

— Глянь, Санек, легка на помине! — Сенька кивнул на приближающуюся фигурку Л. и тут же улетучился.

— Ну, ладно, некогда мне тут с вами разбираться, дел по горло, — пробормотал Санек и тоже исчез вслед за дружкой.

Ким быстро сошел на пирс.

Завидев его, Л. радостно замахала ему издали и ускорила шаг. Он искоса глянул в её сторону и, облокотившись на перила, уставился на воду.

Л. подошла к нему и тронула за плечо:

— Кимчик, ты что? Случилось что? Письмо получил от родных?

Он резко отбросил её руку, продолжая смотреть на воду.

— Ну, знаешь... — Она хотела было уйти, но он повернулся к ней.

— Что «знаешь»? — почти выкрикнул он. — Я-то знаю, а вот ты... — У него перехватило горло от внезапно нахлынувшей ярости.

— Я? Что я? Что ты имеешь в виду?

— Сама знаешь!

— Не знаю. Скажи — буду знать.

С трудом подбирая слова, чтобы гнев не разыгрался ещё пуще, он отрывисто поведал ей то, что услышал от товарищей.

— Вот как, — только и сказала она. — Ну, раз такое дело, то больше меня не ищи и подходить ко мне не пытайся.

Он смотрел, как она удалялась, хотел что-то крикнуть ей вслед, что-то злое, ужасное, но вдруг гнев отхлынул, и он ощутил жгучий стыд.

— Боже мой, что я наделал, — пробормотал он, срываясь с места. Вслед ему несся хохот Санька с Сенькой.

Ким догнал её у поворота.

— Постой, ну постой же... — Он схватил её за рукав пальто и решительно повернул к себе. — Я... я... — Слов так и не нашлось, и он порывисто обнял её, прижав к себе, чтобы она не вырвалась.

— Ну, как ты мог! Как ты мог! — восклицала она, сопротивляясь. Беретик съехал на затылок, и помпончик возмущенно раскачивался при каждой новой попытке высвободиться.

— Да я и сам не знаю... Прости... Простишь?

— Ты ведь знаешь Санька, он же с любым шутку сыграет — глазом не моргнет. И Сенька туда же... Ну, а ты, ты... Ты ведь говорил, что войны в своем доме не потерпишь! А сам при первом же...

Помпончик гневно затрясся.

— Ну, дурак, дурак... Стой, не уходи...

Она прерывисто полувздохнула-полувсхлипнула и зарылась лицом в его шинель. Он стоял, боясь шевельнуться, и только придерживал подбородком трепыхающийся заячий хвостик.

— Ты когда отвернулся, — тихо сказала она, дыша в шинель, — мне показалось, что земля стала в обратную сторону вращаться. Это было ещё страшнее бомбежки.

— Это моя голова стала в обратную сторону вращаться... — выдал из себя. Через секунду оба хохотали навзрыд, распугивая собравшихся неподалеку чаек. Потом они гуляли по городу, вдыхая полужимнюю мартовскую свежесть. Что-то ностальгическое было в воздухе, словно настоящее стало уже прошлым, и теперь они вспоминали о нем в каком-то неизвестном будущем, вдали друг от друга. Сколько ещё таких весен отберет у них война?

Он захотел прижаться щекой к её щеке, но она стыдливо отстранилась, глядя по сторонам.

— Не нужно... На нас смотрят...

— Ну, и пускай! А если мы женаты?

— Но мы не женаты...

— В моем сердце мы женаты. Что нового прибавит бумажка к нашим отношениям?

— Не знаю... Может, и ничего, а может, и прибавит.

— Например?

— Например... Ты ведь хочешь дослужиться до капитана?

— Ну, хочу.

— А зачем?

— Ну, чтобы управлять кораблем, быть за него в ответе.

— Вот именно.

— Понял. Значит, бумажка и на семейном корабле нужна. — Он лукаво улыбнулся.

— Только вот...

— Что?

— Двух капитанов на одном корабле не бывает.

— Ну, есть помощник капитана...

— Во-во! Так кто же из нас будет помощником? — Наконец, и она улыbnулась.

Потом они вместе обедали в столовой команды на «Проционе», и Л. была молчалива, да и ему не очень хотелось говорить. Молчание всегда было минутами их самой глубокой близости.

Вечером Ким проводил Л. до общежития, и, когда они уже попрощались, вдруг сказал ей вслед:

— Я люблю тебя.

Она медленно обернулась. Уличный фонарь освещал её слегка удивленное лицо.

«Как тогда», — мелькнуло у него в памяти о самой первой прогулке после танцев в красном уголке. А она продолжала растерянно смотреть на него, не понимая, почему он выбрал именно этот вечер и эту минуту, когда она почти уходила, чтобы впервые сказать ей это.

Если бы она спросила его тогда, он вряд ли сумел бы ей объяснить. Но она не спросила, и он вдруг резко повернулся и, не сказав больше ни слова, зашагал по направлению к своему кораблю.

Всю ночь ему снились тревожные сны о том, что она уезжает и он не успевает с ней проститься. Он проснулся ещё до рассвета, словно кто-то растормошил его, и некоторое время лежал в темноте в странном оцепенении — ничего не ощущая и ни о чем не думая.

Чёртова Керчь

Утром весь экипаж был вызван командованием на собрание. По опыту службы это ничего доброго не предвещало.

— Небось, на Золотые Пески хотят отправить, — угрюмо пошутил Митяй, дюжий хлопец из Днепропетровска.

— Ну и нехай! — махнул рукой Петро, укладывая вещи на всякий случай.

Ким ушел из общежития на полчаса раньше, чтобы повидаться с Л. Кто знает, что у руководства на уме?

Он застал её, когда она была уже на выходе.

— Ким! Что ты тут делаешь? — В её продолговатых глазах мелькнул испуг. Ким замялся.

— Да так... Хотел увидаться и попрощаться, в случае чего...

— В случае чего именно?

Беретик резко съехал на затылок, но она быстро надвинула его на лоб, ожидая объяснения.

— Да я и сам не знаю, чего... Может, и ничего... — Он попытался улыбнуться. — В общем, так — нас вызывают на собрание... Срочно. Весь экипаж. Скорее всего, будем отчаливать.

— Отчаливать... Куда? — Она слегка побледнела, и голос её стал совсем тихим.

— Ничего не известно.

— А как же быть? — Она по-детски чуть приоткрыла рот, совсем растерявшись.

На войне нужно быть готовым к разлуке. Сколько раз он говорил себе это! И, казалось бы, усвоил... умом. А как только угроза разлуки становится реальной, то все эти правила военного времени терпят фиаско.

— Ладно. Мне нужно бежать, — пробормотал он, взглянув на часы. — А то ещё дезертиром сочтут и в тюрьму посадят.

Она жалко улыбнулась его полущутке, не зная, что ещё сказать.

— Ну, все, будь! — Он наклонился и быстро поцеловал её. — Может, все ещё обойдется.

* * * *

На корабле все были в сборе. Ким едва успел занять место у стола, как вошло руководство вместе с капитаном.

— Значит так, — кратко сказал Магерам Сулейманович, — через полчаса отбываем в Керчь. На сборы пятнадцать минут.

Известие встретили полным молчанием. Все прекрасно знали о положении в Керчи — это была горячая точка. 28 января Кавказский фронт был переименован в Крымский, и войска пытались прорвать вражескую оборону при поддержке Черноморского флота. Уже две попытки были совершены, и в результате наступательных боев части 51-й армии потеснили фашистов на 12 км, а 44-й — на 5. В результате февральского наступления войск Крымского фронта 18-я пехотная дивизия противника потеряла более половины своего состава и почти всю артиллерию. Были также разгромлены ещё три вражеских полка.

В начале апреля планировалось провести третье наступление. Их отправляли в самую гущу боев.

Капитан вышел из каюты. За ним последовали остальные. Петро незаметно перекрестился.

Корабль быстро загружался боеприпасами и военной техникой. Вскоре были подняты пары в котлах, раздался характерный звук продуваемого котла. Голос штурмана в переговорной трубке приказал поставить точное время. Боцман отсоединил телефонный кабель и убрал из-под трапа грузовую сетку.

— Машина готова! — доложил вахтенный механик по телефону.

Ему вторил третий помощник, сообщая, что карты и навигационные приборы подготовлены к переходу. И после того как вахтенный штурман сообщил старпому о том, что экипаж на борту, прозвучал доклад о готовности сниматься.

Дробный звон сигнальных звонков, последовавший сразу за приказом капитана приготовиться к съемке, призвал команду на аврал, и вскоре корабль отчалил.

* * * *

Плыли в полном молчании, боясь вспугнуть судьбу.

Мягко плескались волны, отстукивая сердечный ритм моря. Постепенно наступило оживление; то тут, то там раздавались краткие реплики, а за ними и шутки.

Некоторые матросы грелись у теплой трубы прямо на шлюпочной палубе. Орудийные стволы напряженно целились в небо из закрытых трюмов и возле них выстроились ящики со снарядами.

Ким стоял на полубаке и глядел на удаляющуюся береговую черту. Удастся ли свидеться вновь?

Постепенно стемнело, тихий вечер мерно покрывал фиолетовой рябью поверхность воды. Неожиданно поднялся ветер и все нарастал, швыряя судно и всячески препятствуя его продвижению.

Пробыв ещё какое-то время в болтанке, начали сворачивать к пристани и вскоре стали на якорь.

Из дневника 1942 года

На море сильный ветер от NO, и мы стали на якорь из Кабардинки. В каюте тепло, и никого кроме меня нет. Воспользовавшись этим, я продолжаю записывать всякую ерунду в мою терпеливую тетрадь. Как приятно лежать в это время в теплой

каюте, читать газету или какую-нибудь книжонку под свист ветра, под равномерное покачивание судна, стоящего на якоре!

Скоро наступит весна. ещё месяц-полтора, и распустятся почки на деревьях, и зацветут цветы.

О весне пишется уже в полудреме. Люльку корабля покачивает, ветер убаюкивает...

Кабардинка находилась ровно посередине между Новороссийском и Геленджиком. Ким любил этот городок, знал его историю. Карбардинка была основана ещё при императрице Марии Александровне и поначалу называлась Александрийским фортом. А позже форт переименовали в Кабардинский по имени полка, стоявшего там. Много славных историй было связано с этим местом. На строительстве форта работал сосланный туда после сибирской каторги поэт-декабрист Александр Бестужев-Марлинский. Свое звание унтер-офицера он получил по завершении строительства.

История плывет перед глазами, из неё ткуются краткие сны вблизи линии фронта, в 20 км от позиций противника. Мирно в каюте, а на берегу, сразу за Кабардинкой, в направлении Новороссийска дежурит бессменная батарея капитана Зубкова. Её корабельные орудия контролируют всю акваторию Цемесской бухты, не подпуская врага, не давая ему возможности использовать причалы. Батарею бомбят с воздуха, обстреливают с суши и с моря, но она выдерживает огненный шквал, оставаясь рубежом, который врагу так и не удастся взять.

Ким слышал краем уха, что поддержать боевой дух батареи приезжали такие знаменитости, как Аркадий Райкин и Рина Зеленая. Даже ансамбль песни и пляски Черноморского флота наведывался туда!

Пока все это витало в памяти, море немного приутихло, корабль снялся с якоря и отчалил в Керчь.

* * * *

По мере приближения к Керчи стали заметны отдаленные всполохи сигнальных ракет — знак того, что судно уже недалеко от сражающегося города.

Вскоре появились очертания порта.

Машина начала затихать, сбросили якорь, становясь на рейд. Вокруг простиралось темнеющее море. Поблизости не было ни единого корабля.

— Похоже, мы тут одни, — озадаченно произнес Евсей, невысокий паренек лет двадцати.

Митяй только присвистнул. Вновь воцарилась тишина, как при отплытии. На палубу спустился старпом Никитич. Все вопросительно глянули на него.

— Стоять будем здесь, на внешнем рейде, — ответил он на немой вопрос команды.

— Как здесь? Без прикрытия? Прямо на виду у фрицев? — слышались встревоженные голоса матросов.

— Да они что, пушечное мясо из нас собираются сделать? — возмутился Митяй. На мостике появился капитан. Все притихли.

Вдалеке послышался рев приближающихся самолетов.

— Орудия к бою! — скомандовал капитан.

* * * *

Снаряды вонзались в тело моря, рвали его артерии. Брызги соленой морской крови обдавали одежды и лица моряков, вокруг неистово свистели пролетающие мимо снаряды. Корабль находился в эпицентре взрывов.

По ним били нещадно, и порой казалось, что фрицы собираются израсходовать все боеприпасы Великого Рейха на этот единственный корабль.

— Лешка, сюда, сюда! — кричал лейтенант маленькому худенькому матросу, который, казалось, потерял ориентир от страха.

«Необстрелянный!» — мелькнуло в голове у Кима. В этот момент он брал на мушку очередного фрица. Вращая рукоятки наводки, он тщательно прицелился и...

— Получай, гад! Получай! — Он зашелся длинной очередью. Самолет дал крен, и густая полоса дыма потянулась за ним из хвоста.

— Молодец, Ким! — крикнул лейтенант.

— Бей их, бей! — в запале прокричал Лешка, дрожа всем телом, словно его бил озноб.

Между тем, их собственные боеприпасы заканчивались. Они по-прежнему были единственным судном на подступах к Керчи.

— Нихто нам на допомогу нэ прыйдэ, — угрюмо пробормотал Петро, перезаряжая орудие.

Словно в подтверждение его догадки раздался голос командира:

— Огонь вести экономно!

Это означало, что снаряды на исходе и других не будет.

— Твою мать, — сплюнул Генка по кличке Шрам. — Они нас тут в расход хотят пустить вместе с кораблем!

— Ну, нет! Голыми руками не возьмешь, падла! — взревел Митяй, налегая на пушку всей грудью. — Не для того я в живых остался, чтоб... — Он не договорил, дав мощный залп по противнику.

Из дневника 1942 года

Снова начались дни, которые я испытывал в ноябре в не-много больших масштабах... Эта чертова Керчь, наверное, никогда не изгладится из памяти. Нет дня, чтобы не было налетов. Ежедневно налетают по 4–5 раз в день группами от 4 до 12 самолетов. Уже скоро кончатся снаряды для наших пушек, хотя мы начали вести огонь экономно. В это время отпадает всякое желание работать. Уже дней десять как я не брился, не снимаю даже рабочей рубы до самого сна. Вчера вечером был массовый налет. Мы стояли (уже четвертые сутки!) на внешнем рейде. Весь Керченский канал был освещен прожекторами и взрывами снарядов. В воздухе стоял сплошной вой от осколков, свистящих и рвущихся бомб. Мы были в центре этого содома. В ста-ста пятидесяти метрах упали и разорвались в воде три бомбы, которые легли параллельно правому борту. Они, вероятно, предназначались для нас.

*

Вчера на моих глазах сбили один самолет. Лейтенант сказал, что в этот день сбили ещё одного фрица. Два летчика спустились на парашютах. Сегодня наш «ишак» (так называют у нас И-16) сбил тоже одного двухмоторного бомбардировщика.

*

Несмотря ни на что, ни на какие бомбардировки, я все время вспоминаю о моей любимой, славной девчурке. Она мне часто снится. Мы не виделись уже целых двенадцать дней. Для меня это вечность.

*

Несмотря на туман, прилетел фриц, и я вынужден временно прекратить свою писанину.

*

Сегодня прилетело двенадцать фрицев. Я побежал на бак к пушке. Там кроме командира никого не было, и мы начали обстрел вдвоем. Мне показалось, что один из наших снарядов попал в крыло фрицу, но он почему-то продолжал лететь дальше. Во всяком случае, мы его подбили. Через некоторое время, с другой стороны, тоже прилетели самолеты. Очень много бомб они сбросили на город, на приморскую часть.

Я не понимаю, из каких соображений держат судно, груженное боезапасом, на виду у всех на внешнем рейде более десяти суток? Но мы — маленькие люди и нам «не должно сметь свое суждение иметь», хотя больше всех достается нам.

А действительно — из каких соображений держали корабль на внешнем рейде? Было ли это отвлекающим маневром или просто недосмотром высшего командования? Многое в то время происходило по недосмотру. Вся Керченская катастрофа 1942 года была результатом трагических ошибок и «неожиданным и неоправданным», по мнению историков, прорывом нашего фронта с последующей сдачей Керчи и всего полуострова.

Возможно, и корабль, оставленный без прикрытия на внешнем рейде, тоже был одной из таких ошибок. Этого уже не узнать. Доподлинно известно лишь одно — невзирая на высокую вероятность попадания, ни один снаряд не коснулся судна.

* * * *

Черный крест, как заговоренный, маневрировал между снарядами, сбрасывая боеголовки одну за другой. Но они не достигали цели несмотря на то, что мишень была как на ладони.

Дьявольский азарт овладел черным крестом, пикирующим на жерла орудий.

— Сука! Смотри, что вытворяет, — услышал Ким позади себя голос Митяя.

Его гнев передался и Киму. Он вдруг отчетливо представил себе, как этот самый черный крест завтра появляется над кораблем Л... Ах, ты ж! Он остервенело завращал рукоятками наводки. Черный крест ухмыльнулся, на минуту повиснув в воздухе, словно говоря:

«Вот он, я, бери, если можешь! Ну что, слабо?» — и стал петлять, пытаясь сбить наводку.

— Не уйдешь, — сквозь зубы проговорил Ким, давая залп по самолету. Черный крест удивленно покачнулся и вдруг на бешеной скорости начал приближаться к воде носом вниз.

Неужели попал? Ким оторвался от окуляра. Натужено рыкнув, чудище стремительно полетело на дно морское.

* * * *

На время их оставляют в покое, видимо, фрицы нуждаются в отдыхе. Тишина, едва перекатывающиеся волны вводят в сомнамбулический ритм.

Впервые за несколько суток Ким засыпает.

Ему снится Лукоморье. Оно немного похоже на Глухов, каким тот виделся ему в детстве — светлым, с солнечными бликами на куполах Михайловской надвратной церкви, поразившей его детское воображение. Не церковь, а какой-то сказочный дворец! И полдневная прохлада за стенами Глуховского Петропавловского монастыря снится, и Павловское озеро, окруженное тайной густых деревьев и пахучих трав. Таинственный лес его детства...

Когда тебя отсекают от мира и будущее в любой момент грозит разлететься вдребезги, о чем можно думать, кроме спасения, кроме чуда уцелеть? В кратких передышках, находясь между сушей и небом, слушая разбойничий свист смерти, он мысленно возвращался в детство, словно оно и было тем спасательным кругом, удерживавшим на гребне свихнувшегося времени.

Из дневника 1942 года

Таинственный лес моего детства...

Я один в лесу. Птичьи голоса несутся со всех сторон, на опушке стрекочут кузнечики, промелькнет и скроется в траве зеленая ящерица, воздух опьяняет и наполняет каждую клеточку радостью. Не чувствуешь никакого одиночества. Здесь все мое и слито со мной. И это жаркое солнце, и высоченные разлапистые ели, и березки (сколько о них писалось и с чем только их не сравнивали!) — все, все это частица моей души. И я смотрю на это с восторгом и удивлением.

А под слоем прошлогодней хвои и листвы копошатся букашки, идет своя жизнь, и кажется, что там скрыто какое-то чудо, тайна. А душа старого леса говорит о подвигах былинных богатырей, о многих и многом, уже ставшем прошлым, и о тех, чья жизнь ещё впереди, кто также будет чувствовать всю прелесть и красоту, и бесконечность жизни.

В Керчи, под обстрелами вспоминает он поименно друзей детства. Вспоминает малейшие детали их внешности, их пристрастия, таланты.

Из дневника 1942 года

Я помню, как в нашем большом, залитом асфальтом дворе собирались мы теплыми летними вечерами и болтали обо всем. Тут были и анекдоты, и Шерлок Холмс, и Нат Пинкертон с их ужасными и увлекательными приключениями.

Особенно в рассказах отличался Михаил Тернов, мой друг, с которым я дружил более семи лет. Он был высокого роста, немного сутулый и уже в очках от бесконечного чтения книг, которые он читал заоем.

Интересно рассказывал анекдоты Володя Брейман, мой сосед, одноклассник, паренек среднего роста, плечистый. Он очень увлекался рисованием, и все рисунки нашей стенгазеты были сделаны им.

Вовка Коваленко был не прочь подшутить над девочками, веселый паренек, любитель футбола тоже часто рассказывал, но рассказы его были из реальной жизни, и он им часто придавал юмористический оттенок.

Два брата — Адольф и Эмиль — здорово отличались друг от друга. Эмиль был серьезным, хорошим пареньком, часто любил играть в шахматы, домино и волейбол, а Адольф — наоборот — замкнутый, хмурый, его во дворе почему-то недолюбливали.

Много было в нашем дворе ребят и девочек (двор имел двадцать четыре квартиры), но это были основные, костяк двора. Приятно иногда вспомнить, что было хорошего совсем недавно!

Эти дни уже не вернуться, и я не жалею об этом. Сейчас другие дни, и если мне удастся их пережить, то тогда будет мне о чем вспомнить.

Не знаю, писал ли кто-то что-то подобное под обстрелом и дожил ли кто-нибудь из перечисленных им ребят до победы. Но точно знаю, что все они были живы в тот момент, когда память его возрождала их на той странице.

* * * *

Из дневника 1942 года

Мы стоим на рейде. Уже двадцатые сутки, как мы вышли из Новороссийска и, признаться, до того надоело стоять тут, что пешком бы пошел, кажется... куда-нибудь подальше от этой Керчи.

*

Дней пять фриц не летал над нами, и мы за это время немного отдохнули. Погода стояла преимущественно хорошая, солнечная. Мы начали красить свой теплоход.

*

Изредка солнце сменялось туманами, которые шли из Азовского моря, и тогда все были уверены, что фриц не прилетит. За это время мы в Керчи достали байдарку и покрасили её. Скоро сделаем весло и будем кататься, если условия позволят.

Все эти невзгоды ерунда, это проза — поэзия ещё впереди.

Он был прав. По свидетельству историков, из всей 2500-летней истории города самым драматичным был кровавый 1942-й год. «Керченская катастрофа 1942» — так называется книга В. В. Абрамова. Речь в ней идет о майской катастрофе — о событиях, в которых отцу, к счастью, участвовать не пришлось. Образовавшийся 28 января 1942 года Крымский фронт с февраля по апрель направлял войска на освобождение районов Феодосии и Белогорска, но эти попытки не увенчались успехом. В связи с большими потерями Ставка отдала приказ временно прекратить наступательные действия. Сражение под Керчью началось 8 апреля. По официальным данным, 9–11 апреля были последней попыткой советского наступления в Крыму.

Из дневника 1942 года

Опять, невзирая на то, что уже десять вечера, фриц наве­сти­л Керчь. Одного поймали прожектора, но сбить его не смогли, и он себе преспокойно улетел спать, наверное, до завтраш­него утра. Весело. Ну, пока все. Лягаю спочивати до ранку. На добраніч, моя любя!

Хотел бы в единое слово
Я слить свою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

Да, ужасно хотел бы её увидеть. Интересно, о чем она сей­час думает. Думает ли... она обо мне...

Он пытается представить её — лицо, волосы... Но перед его взо­ром возникает только светящийся абрис. Он почему-то уверен, что в этот самый момент и она чувствует его. Вот отложила свой конспект в сторону и смотрит куда-то в сумерки, поверх настольной лампы.

Там они и встречаются — поверх её лампы, и ночных фонарей, и домов, и кораблей.

Большие перемены

Двадцать два дня на вздымающейся бездне. Двадцать две ночи рваных снов. Наконец он ступил на твердую почву, да только и на земле нет прежней устойчивости. Кто по ней ходит, а кто в ней лежит — трудно сказать наверняка. Все перепутывает военное время. Смешиваются голоса живых и мертвых, сталкиваются в одночасье противоречивые известия: «Жди!» — «Погиб». Кому верить? Кого слушать?

Сердце, сердце слушай... Так в сердце все живы! Ну, и хорошо. Значит, живы.

Из дневника 1942 года

Город Новороссийск встретил нас не по-праздничному.

1 Мая провели в Анапе. Впервые за 22 дня мы вступили на твердую почву спокойно. В Новороссийск еженощно прилетают фрицы. Много разрушенных зданий, но это преимущественно небольшие домики. В Новороссийске Л. не увидел. Она пока находится в Батуми.

Он идет по улицам Новороссийска, вглядываясь в худеньких хрупких девушек.

Всех их хочется принять за Л. и окликнуть, и подбежать...

Ничего, ничего, это даже хорошо, что она вдали от Новороссийска с его еженощными бомбежками. Пусть из них двоих она будет в безопасности, ему так разлуку перенести легче.

Из дневника 1942 года

Придется ли ещё увидеться? Хотелось бы, конечно, но и хотелось бы, чтобы она уехала в Баку, домой. Тут плавать опасно. Ежедневно неприятные новости: «Восток», «Пушкин» и другие — покойники. Нет уж, лучше одному рисковать. Может, после войны (если жив останусь, в чем сомневаюсь) мне удастся снова её увидеть и принять окончательное решение. А пока нужно думать о другом.

В управлении записался на курсы штурманов местного плавания, которые будут в Ростове. В списки уже занесли, но зачислят ли? Выгорит ли номер?

16 мая 1942-го года немецкая 170-я дивизия взяла Керчь, а 19-го мая боевые действия на Керченском полуострове были прекращены по приказу командования.

Корабль, на котором был Ким, возвратился без потерь.

* * * *

Он тихонько постучал в дверь её каюты.

— Марина, там открыто, — слышался её голос.

Он чуть приоткрыл дверь и заглянул. Она лежала на застеленной койке с конспектом в руках и отмечала что-то на странице. На во-

шедшего даже глаз не подняла, предполагая, что это подруга, с которой они готовились к экзаменам.

Ким тихонько откашлялся. Л. на секунду замерла над тетрадью, все ещё не поднимая глаз, словно боялась развеять иллюзию его присутствия. Он тоже замер.

— Это ты, — сказала она, все ещё не отводя глаз от конспекта.

— Это я, — сказал он, все ещё не двигаясь с места.

Она сорвалась с постели, как срывается прибрежный ветер, бросилась к нему, и они ухватились друг за друга, то ли пытаясь удержаться от нарастающей качки, то ли нырнуть в пучины, пока течение уносило их, закручивало, подбрасывало...

— Что же теперь будет? — спросила она, когда их наконец выбросило на берег.

Он поглаживал её волосы, ничего не говоря. «Теперь мы как все», — пронеслось у него в голове. И в ту же секунду понял, что это не так, что они никогда не будут как все, по крайней мере, она.

Он разглядывал её лицо, будто по-новому увидел её.

— Ты меня больше не любишь, — прошептала она обреченно.

— Глупенькая, ну какая же ты глупенькая, — так же тихо произнес он, обняв её. — Кто же я теперь без тебя!

— Ты правда так думаешь?

— Правда. Только бы война поскорее закончилась!

Она чуть отстранилась.

— Закончилась... А ты не боишься?

— Чего? Что ты имеешь в виду? Чего я должен бояться?

— Что все закончится...

— Я... я говорил только о войне.

— Но с войной многое кончится, и мы не знаем, что именно... Не знали же мы, что война сведет нас!

— Это правда...

Они притихли, вслушиваясь в далекие сирены. Он вдруг ясно осознал, что ни от одной минуты своего прошлого и настоящего не смог бы отказаться без риска потерять её, не встретиться с ней. И так будет дальше, и так будет всегда: сколько бы он ни печалился о потерях и как бы ни желал все повернуть вспять, всегда помнил, что вернешь одно — потеряешь другое...

* * * *

Л. готовилась к последнему экзамену.

Делать было нечего, кубрик опустел — все были в городе. Ким прошел сквозь строй аккуратно запроваженных коек, подошел к своей. На тумбочке лежала оставленная кем-то книга рассказов Конрада. Полистал её и начал читать рассказ «Завтра». Долго не мог вникнуть в смысл написанного... Л. вытеснила собой все, и без неё время тянулось бесконечно медленно, ненужное и тягостное. А она была рядом, за деревянной перегородкой, в кубрике, куда их недавно перевели. Он представил, как она сидит за столом и учит радиотехнику, запоминает какие-то там характеристики ламп, надежность контуров... А контуры их мыслей теперь уже навечно настроены в резонанс.

Бьют склянки. Старые матросы не в силах забыть вековые традиции, и не зря на баке висит колокол с засаленной, любовно сплетенной самим боцманом рындобулей. Дергают за эту веревку — самую короткую снасть на судне, — и колокол разговаривает понятным морякам всего мира языком. Сейчас он спокойно сообщает время — десять часов. В туман, когда судно стоит на якоре, его тревожные сигналы предупреждают идущие суда об опасности; он говорит уставшим морякам, вручную выбирающим тяжелый якорь, сколько многометровых смычек цепи ещё находится под водой, он веселым перезвоном бодрит их и прибавляет новые силы, радостно сообщая, что якорная цепь смотрит отвесно и ещё немного усилий нужно, чтобы вытащить наверх тяжелое железо. На ночной, «собачьей вахте» моряки считают редкие удары своего медного друга, просят его побыстрее прогнать ночь. В шторм, когда рев стихии заглушает все человеческие звуки, только он один способен своим слабеньким голосом перекрычать ненастье.

Колокол — друг моряка, он гонит прочь ненужное время и приближает встречу с любимыми.

В кубрик нетвердой походкой вошел Белов, тот самый, который считался заговоренным, так что и пуля его не брала. Старый кочегар остановился в проходе, будто припоминая, куда ему дальше двигаться, затем махнул рукой, ругнулся и вдруг заметил Кима.

— Что, салага, и ты скоро в море уйдешь?... Тебя возьмут на коробку, возьмут... — Он повысил голос. — А я? Знаешь, кто я такой?

Спиридон Белов, старшина кочегаров, «дух» — вот кто я! За мной до войны «деды» гонялись, переманивали к себе: «Спиридон Ильич, дорогой, переходи ко мне, пожалуйста, рейсы мировые». А теперь что? Послали к этому «черному когтю» — не берет. «Нет вакансий», — говорит. Знаю я его!.. Пока не перекрестится, за реверсивку не возьмется, гнида. А я плавать хочу, плавать, понял! Надоело в этой пенсионной богадельне щи хлебать! — Белов присел на нижнюю койку, стал расстегивать фланельку. — Сегодня в военкомат пошел, так и на фронт не берут, да ещё и раздолбали: «Дезертировать с флота хочешь?» Куда ж, мать его в туруру, на фронт дезертировать?

Белов снял фланельку и попытался её аккуратно сложить, но непослушные руки так и не могли выполнить эту несложную работу. Наконец он устал бороться с рубашкой и повесил её на царги койки.

— А ты, как тебя, Кимка, что ли?

— Ким я, — ответил спокойно Ким.

Спиридон Ильич посмотрел на него одобрительно.

— Верно, Ким! Честь свою береги. Кимка — он на базаре вениками торгует, а ты матрос, Ким. Пьешь?

— Не приучили.

— И не учишь. — Он сел на койку и засопел, стягивая с ног ботинки. — Я до сорока годов дожил и не выучился. Это у кого язык ворочается, как оглобля, да храбрости как у зайца — пусть пьет.

Ким усмехнулся в душе: а сам-то что? Однако промолчал. Белов разделся и лег на койку поверх одеяла, не укрываясь.

— С горя я сегодня. Обидно, Кимчик...

Кубрик постепенно стал заполняться. Ребята возвращались из города.

Ким вышел на причал. Прошел к носовой части «Проциона». Над причалом виднелся иллюминатор её кубрика, и слабенький кружок света пробивался сквозь щель неплотно прикрытого глухаря. Л. не спала. Он прошел к проходной, дошел до будки вахтера. Тишина напозла на спящий в боевой готовности город. В эту ночь не отдыхали солдаты у зенитных батарей, матросы стояли на вахте, меряли шагами притихшие улицы военные патрули. Спали только влюбленные, поневоле разлученные комендантским часом.

Из дневника 1942 года

Все практикантки уже уехали в Баку, она осталась одна. Быть может, она поедет в Ростов, куда её хотят направить. Дальше видно будет. Тут часто попадаются знакомые. Некоторые мои бывшие соученики тоже многое пережили. Один из них награжден орденом Красного Знамени, другому оторвало руку. Трое занимаются в Батуми, двое сидят, некоторые плавают, некоторые в Армии.

Наш теплоход переходит, вероятно, в военное ведомство. В общем, в ближайшем будущем должны быть большие перемены, может быть, даже решающие в дальнейшей жизни. Что именно — не знаю.

* * * *

С утра шумел веселый дождь. Л. ушла на последний экзамен, и они договорились встретиться в небольшом скверике у клуба, в три часа дня.

Дождь барабанил по палубе, шелестел в снастях. По закрытым иллюминаторам стекали тонкие прозрачные струйки, и в кубрике было людно — дождь отобрал у всех увольнительные в город. В дальнем углу собралась группа моряков, они о чем-то негромко беседовали. Доносились обрывки разговора, смех.

— ...А он спрятал голову за кнехт, а зад кверху торчит и виляет из стороны в сторону мелкой дрожью, от пуль отмахивается. Бежит мимо боцман, на бак к пушке торопится. Увидел такую картину, снял у него с головы каску, положил на эту выдающуюся часть тела и кричит ему: «Зад побереги, а то вдруг лишняя дыра появится, и люди засомневаются, мужик ты или баба».

Все захохотали.

Машинист Щепиков негромко брэнчал на гитаре. На звук гитары потянулись полосатые тельняшки. Присаживались на нижние койки, стояли в проходах.

— Сыграй-ка, Миша, «Три эсминца», — попросил радист с «Белостока».

Щепиков кивнул, взял вступительные аккорды, и радист на удивление чистым и приятным баритоном затянул песню: «Их было три — один, второй и третий, / И шли они в кильватер без огней...»

Четкие отрывистые аккорды гитары, словно взрывы, сопровождали мужественные и печальные слова песни. Молодые голоса негромко пели о выполненном долге и гибели. Ким тихонько подпевал им, вспоминая товарищей, погибших под Одессой и Феодосией, Севастополем и Керчью. Достал фотографию Лешки, припрятанную в нагрудном кармане. Вот он, в бушлате, перепоясанный пулеметными лентами, с двумя гранатами за поясом, на груди комсомольский значок, значок Ворошиловского стрелка и ГТО первой и второй степени. Целый и невредимый. Лешка, Лешка! И пулеметные ленты, и гранаты были трофейными, подобранными им в Феодосии после того, как они принимали участие в высадке десанта. Он просто хотел сфотографироваться таким, походить на героев-моряков времен гражданской войны... И почему каждую войну считают последней? Вот и эта кончится, и все уже сейчас мечтают о наступлении вечного мира после разгрома фашизма. Так ли это? Или, может быть, объявится новый фашизм под другим именем и вновь толкнет народы на кровавую бойню?

В иллюминаторе виднелось выщербленное дождем море. Буксир «Сарыч» двигался к пассажирскому причалу, дымил, и серо-черный дым из высокой трубы стелился понизу, кружил над палубой и таял в потоках дождя. Мысли Кима незаметно выскользнули из кубрика и потекли по направлению к Л. Как она там? Небось, волнуется. А может, все волнения уже позади, и скоро прочтут им отметки и вручат новенькие свидетельства.

По трапу протопал вахтенный. Остановившись на полдороге, он наклонился и заглянул в кубрик.

— Киму и Белову в кадры после обеда.

Ким ждал этого вызова со дня на день, и все же от этой ожидаемой неожиданности екнуло сердце. «Отгуляя», — подумалось вдруг. Что ж, становись на свое место в строй, матрос! Долг и чувство не боролись в нем. Был долг, и было чувство, и они поддерживали друг друга.

Внезапно дождь прекратился, небо очистилось, и только над горами распластались отдельные белые облака.

Радист затянул «Девушку из маленькой таверны», которую «полюбил суровый капитан», но солнце уже сделало свое дело, и голоса подпевали нестройно и без былого подъема. Такие песни хорошо поются на открытой просмоленной палубе под аккомпанемент спокойного моря и бесшумное покачивание звезд. Только нет его сейчас нигде, этого спокойного моря.

* * * *

Дождь украл у него два часа, а вызов в кадры ещё часа на полтора сократил время. Дел предстояло много. Вначале нужно было сходить на барахолку и купить Л. подарок в честь сдачи экзаменов. Туфли у неё были старенькие, ещё довоенные, а из верхней одежды кроме платья и свитера, кажется, ничего и не было. Затем кадры и встреча с Л., а после этого... После этого он и не знал, что будет. Быть может, сразу же придется в рейс уйти.

Ким подсчитал свои капиталы. Не густо, но кое-что купить можно. Решил продать небесно-голубой ватник — все равно он ни к чему, дело к лету идет.

Суббота — рабочий день барахолки. На вытопанной до блеска полянке, огороженной дощатым забором, сновали покупатели, чинно прохаживались и предлагали свои товары продавцы; у ограды на деревянных скамеечках примостились старухи с разложенным на газетах или просто на земле старьем, всевозможной литературой от Библии до фривольного Бокаччо; стоял веселый шум многоголосой толпы.

Ватник он быстро продал за полцены какому-то одноногую инвалиду. Труднее оказалось купить что-нибудь для Л. Ким переходил от кучки к кучке, но того, что интересовало его, ни у кого не было. Уже отчаявшись что-либо купить, он вдруг наткнулся на светло-коричневые туфли-лодочки на высоком каблуке, почти новые, и, главное, размер был подходящий. Не торгуясь, Ким купил их и завернул в газету, да ещё и десятку отдал бабке сверху на радостях. Бабка обрадованно что-то воскликнула, вроде: «Пусть носит на здоровье!» — но он уже не слышал, потому что в этот момент заметил белую шелковую блузку и бросился к продавцу. Блузка была что надо. Он осматривал её, мысленно примеривая на Л. Ей должно быть к лицу. Как раз для жаркого лета. Купил, не торгуясь.

Все! Программа-минимум была выполнена. Посчитал оставшиеся деньги — семьсот рублей. Куда их девать? Скоро на пароход, а там харчи казенные, бесплатное жилье, отопление и освещение.

У самого выхода из толчка пожилой суровый человек в чисто выстиранной синей спецовке продавал дамские часики. Они были не то золотые, не то из какого-то нержавеющей сплава и величиной с пуговицу от кителя. На белом циферблате были нанесены миниатюрные римские цифры.

— Швейцарские, — пояснил мужчина.

— Сколько хотите? — поинтересовался Ким. Продавец посмотрел на него и не сразу ответил:

— Ну... Давай две тысячи.

Ким нехотя возвратил часы. Тотчас же подошел полный мужчина во френче полувоенного покроя, брюках-галифе и блестящих хромо-вых сапогах. Он небрежно взял часы, рассмотрел их, приложив к уху, послушал ход.

— Сколько? — безразлично, с оттенком пренебрежения спросил он.

— Две пятьсот, — прозвучал сухой ответ.

— Бери два куска и по рукам, — начал торговаться толстый.

— Не пойдет, — ответил старик, даже не глядя на покупателя.

— Пол-литра в придачу?

— Сказал две пятьсот и баста! — с раздражением ответил старик.

— Ну, как хочешь. Красную цену даю. — Френч отошел. Ким тоже направился к выходу.

— Эй, моряк, подь сюда! — окликнул его старик. Ким возвратился. — Сколько даешь? Дочкины, да ей теперь уж ни к чему...

— У меня всего семьсот рублей.

— А-а-а... — разочарованно протянул старик. — А для кого брать-то хочешь?

— Да так... для девушки, — почему-то смутившись, ответил Ким.

— Невеста?

— Да.

Он подумал и протянул ему часы.

— Бери! Пусть носит на здоровье! А остальные, как будут — отдашь. — Ким выложил ему все деньги.

— Вы не беспокойтесь, остальные я вам отдам, как заработаю. Адрес только скажите, я занесу.

— Отдашь, коли жив будешь. Сам был моряком, знаю. А адресок мой запиши. — С базара Ким летел на крыльях. Хотелось сейчас же, немедленно вручить Л. подарки, но сперва нужно было зайти в кадры.

* * * *

Новый отдел кадров временно разместился на первом этаже старого двухэтажного дома в комнатке, разделенной пополам фанерной перегородкой с прорезанными в ней двумя окошечками. За первым от входа сидел инспектор по машинной команде, в следующем — по палубной и обслуживающему персоналу. В узком пространстве толпились и сидели на низких подоконниках моряки. Инспектор по машинной команде то и дело высовывал лысую голову и просящим жалобным тоном призывал говорить потише и не курить. Ненадолго разговоры стихали, папиросы прятались в рукава, но затем продолжалось то же самое.

В очереди у первого окошечка стоял Белов. Завидев Кима, он молча кивнул и продолжал чего-то ждать.

Ким подошел к своему инспектору.

— Ким... Ким... — инспектор перебирал бумаги. — Ага, вот он, Ким Беленкович. К начальнику отдела кадров!

«Почему к начальнику?» — пронеслось в голове.

Тщетно перебрав в уме различные причины вызова, он открыл дверь кабинета и, стоя на пороге, представился:

— Матрос Беленкович по вашему вызову прибыл!

Начальник отдела кадров Медведев указал на свободный стул рядом с письменным столом, за которым он сидел. Глаза сквозь огромные очки рассматривали вошедшего пристально, изучающе, но по доброму.

— Беленкович? Стаж работы два года, образование — среднее, член ВЛКСМ. Так, кажется? — все это он сказал, не заглядывая в личное дело.

— Все верно, товарищ начальник отдела кадров, — подтвердил Ким.

— Так вот, поедете во Владивосток. Флот там растет, а с людьми туго. Решено часть черноморцев отправить туда.

Вот так новость! А как же Л.? Оставить её здесь, одну?

— Владимир Михайлович, если можно, прошу не посылать меня туда, — настоятельно попросил Ким.

— Не посылать? Это почему же? У вас есть уважительная причина не ехать?

— Да, — ответил, смутившись, Ким.

— Какая же, если не секрет?

Ну как ему объяснить?

— Причина... личная, Владимир Михайлович.

— Ну, хорошо. Не настаиваю на вашей откровенности, но прошу ещё раз подумать. В конце концов, я могу и не спрашивать вашего согласия — время-то военное.

Видимо, он ждал объяснения, но Ким молчал, понимая, что дальше настаивать на своем нет смысла.

— Кстати, есть ещё одна причина командировать вас туда — у вас среднее образование и вы сможете учиться на штурмана. У вас ведь раньше было такое желание?

— Я сдавал экзамены в мореходку, но не прошел по конкурсу.

— Ну вот, тем более есть все основания ехать.

— Сейчас не могу. Прошу вас месяц отсрочки, а там — куда угодно. — Медведев снял очки и стал протирать стекла.

— Так... Тогда у меня к вам вопрос, тоже частный. Вы уж простите заранее. Я слышал, что вы встречаетесь с Л. Это что, серьезно у вас?

Такого вопроса Ким не ожидал. Справившись с замешательством, он ответил:

— Очень... Очень серьезно, товарищ начальник отдела кадров!

Медведев издал какой-то неопределенный возглас, и очки вновь заняли свое место на переносице.

— Видишь ли, Ким, это как бы и не мое дело, но девушку я знаю, много горя ей принесла война... Вчера я получил ответ на мой запрос в министерство обороны. Мне сообщили, что её отец погиб смертью храбрых под Харьковом. Где и как — подробностей нет. Знаю, что семью он оставил, но все ж таки отец, родная кровь. Я не сказал ей об этом пока, и ты не говори, не стоит волновать её до поры до времени. И ещё... Мать её умерла. Так что теперь она сирота. Так-то... Мы, конечно, не оставим её без поддержки, но и ты береги её. Ну, и, как это сказать, особых вольностей не допускайте — время военное, сам понимаешь...

Он замолчал, что-то обдумывая.

— Ну, раз такое дело, пойдете вместе на «Чауду». Она послезавтра в рейс уходит. А там посмотрим, может, вместе и во Владивосток отправиться.

Он написал что-то на бланке и передал листок Киму.

— Лети к инспектору, он выпишет направление.

Выйдя из кадров, Ким вновь увидел Белова. Он рассматривал какую-то бумагу. Обычно хмурое лицо его на этот раз сияло от радости.

— Что, на судно направили? — поинтересовался Ким.

— На «Серов»! Этой ночью в рейс уходим.

* * * *

Ну и дела! Ким вышел и взглянул на часы. Был третий час, а до скверика всего десять минут ходу. Он шел не спеша, все ещё находясь под впечатлением от разговора с Медведевым. Как же теперь предстать перед Л.? Сделать вид, что он ничего не знает? А с тяжестью этой что делать? Удастся ли скрыть от неё? Но ведь, с другой стороны, у него для неё замечательные новости! Значит, нужно думать о хорошем и помнить о слове, данном Медведеву.

Л. уже ждала его на условленном месте, хотя до встречи оставалось добрых полчаса. Она заметила его издали. По её сияющему лицу он догадался о результате экзамена.

— Привет! Ну, как? Сдала? — спросил он, давая ей возможность поделиться радостью.

— Угадай!

Ким закрыл глаза, подумал и поднял вверх руку с пятью растопыренными пальцами.

— Верно?

— У-у, бессовестный! Зачем ты сразу угадал?!

— Ну что ты, я не сразу, совсем не сразу. Я подумал сначала, прикинул все. А вот ты ни за что не угадаешь, что я тебе принес в подарок.

— В подарок? Мне? Погоди, не говори... — Она тоже закрыла глаза и застыла, чуть нахмутив лоб и вытянув подбородок к небу. Смешная... — Кима, я знаю, что это, — наконец почти шепотом сказал она, не открывая глаз.

— Знаешь?

— Знаю. Ты принес мне в подарок свое сердце. — Она открыла глаза и посмотрела на него серьезно. — Ты хочешь сделать мне предложение.

Такого оборота Ким не ожидал.

— Как... как ты догадалась? — так же тихо спросил он.

— Значит, правда.

— Конечно, правда. Самая что ни есть настоящая правда. Только...

— Что?

— У меня нет паспорта, одна справка пока что...

— Какая справка?

— Для получения паспорта. Паспорт мой потонул вместе с судном.

— Ну, почему все не может быть хорошо! — чуть не со слезами проговорила она. И тут же одернула себя. — Какая же я глупая! О чем горюю? Это ведь хорошо, что паспорт потонул, а ты цел остался. Было бы наоборот, и паспорта не нужно было бы.

Её неожиданное умозаключение развеселило обоих.

— Стой, я, кажется, придумал. Почему бы нам не зарегистрироваться у меня на теплоходе? Капитан сделает запись в судовом журнале. Это равносильно регистрации в ЗАГСе.

— А разве так можно? — с сомнением спросила она.

— Конечно! Такие случаи бывали, когда судно находилось в дальнем плавании.

— Но мы ведь не в дальнем плавании...

— Все равно, давай попытаемся. Объясним все капитану, он должен нас понять, — с жаром и убеждением сказал Ким, совершенно позабыв о подарках, которыми намеревался обрадовать её. — Знаешь, если очень хочешь чего-нибудь, всегда добьешься.

— Попробуем... — без всякой уверенности ответила она. — Хочется вместе войну пройти.

— И пройдем! Вот посмотришь. А у меня для тебя подарок по случаю отличной сдачи экзаменов, — сказал он, протягивая ей сверток.

— Что это? — Она медленно развернула сверток. — Ой, туфли! Ой, какие чудные! На высоком каблуке... Я ещё ни разу в жизни не носила на высоком каблуке! И цвет мне нравится... Идем, сядем на скамейку, я примерю. — Она схватила Кима за руку, и они побежали к ближайшей скамейке...

Он смотрел, как она примеривала правый туфель, затем, вытянув ногу, поворачивала её из стороны в сторону, любуясь обновкой.

— Как на меня шиты!

Затем надела второй туфель, встала и сделала несколько шагов.

— Ходить немного неудобно... Но это ничего, я привыкну. Тем временем Ким вытащил второй сверток — с блузкой.

— А вот ещё...

— Ой, а это что за красота такая! — воскликнула она, немедленно приложив блузку к себе. — Ну как?

— Тебе к лицу. Я так и думал, — подавляя счастливую улыбку, сказал он.

— Кимочка... Да ты... Да ты просто... просто волшебник. Мне никто никогда ничего подобного не дарил!

— А теперь кто-то будет тебе все время что-то подобное дарить. — Он наконец открыто просиял.

— Ну, пойдем же, пойдем скорее в общежитие, я переоденусь в новое.

— Погоди. Тут вот ещё кое-что для тебя... — Он вытащил из кармана часы. — нравятся?

— Кимочка-а-а, — протянула она, и глаза её округлились. — Кимочка-а-а...

— Это... это в честь нашей помолвки. У нас с тобой ведь сегодня помолвка, правда?

— Правда! — Она бросилась ему на шею, радостно чмокнув в щеку.

— А теперь слушай ещё: нас с тобой вместе направляют на «Чауду», и пароход послезавтра уходит в рейс!

— Ой, Кимчик... Нет, ты шутишь... Ты не шутишь?

Вместо ответа он вытащил из кармана направление и показал ей.

— Не шутишь... Не шутишь! Так нужно же скорей бежать в кадры за направлением!

— Погоди, направление мы успеем получить и завтра, а сейчас мне нужно пойти на судно и поговорить с капитаном.

Они вышли на Приморскую улицу, дома с левой стороны глядели раскрытыми окнами в бухту. Невысокий парапет ограничивал улицу, и за ним чуть слышно шелестел морской прибор. Какой-то матрос в полуметровых клешах сидел рядом с девушкой на парапете, обняв её за плечи, и рассказывал о чем-то. Его рассказ то и дело прерывался звонким смехом девушки.

— Так я пойду, а ты меня здесь подожди, — сказал Ким, когда они приблизились к пароходу.

Л. кивнула ему, и они расстались у трапа.

* * * *

Магерам Сулейманович встретил Кима дружелюбно, но сдержанно. Видно, его уже ввели в курс дела.

— Значит, хотите в судовом журнале расписаться? — уточнил он. Ким кивнул в знак согласия.

— Слушай, а почему бы вам не пойти в ЗАГС и там не расписаться, как все люди?

— Паспорта у меня нет, Магерам Сулейманович, — вздохнул Ким. — Завтра воскресенье, милиция не работает, а послезавтра нам в море уходить.

— Ну, что ты стоишь тут на глазах, видишь: диван есть! — внезапно вспыхнул капитан.

Ким сел на диван.

— Слушай, зачем так торопишься? Мы, конечно, можем оформить законный брак в судовом журнале по причине военного положения. Только ты где проведешь свою первую брачную ночь? Есть где? Нет! И дома нет, и мамы-папы нет. Несерьезный ты человек, Ким, мало думаешь. Кто за тебя думать будет — капитан, да? — Он развёл короткими руками. — Извини, пожалуйста, — для свадьбы ты большой, а думать маленький, да?

— Да у кого сейчас дом есть — война, Магерам Сулейманович, — робко возразил ему Ким.

— Война, война...

Капитан встал с кресла, подошел к двери и, открыв её, свистком вызвал вахтенного и приказал ему пригласить к себе старпома и подшкипера. Затем снова уселся в кресло.

— Ну, хорошо, капитан думать будет. — Слово «капитан» он подчеркнул энергичным жестом руки. И почти тут же: — Хорошо, сделаем морскую свадьбу. Пусть будет так, пусть люди на свадьбе погуляют, веселые будут. Пусть капитана ругает руководство, а я ему скажу, что пусть хоть раз люди на свадьбе погуляют, а не только поминки справляют, радуются пусть, смеются.

— Разрешите войти? — спросил старпом, открыв дверь каюты. За ним стоял подшкипер.

— Да, да. Ты уже вошел, чего спрашиваешь. Такое дело, старпом, свадьба завтра, прямо здесь. Да, да, свадьба, говорю я, не удивляй-

ся. — Он тыкнул пальцем в сторону Кима. — Вот этот и... как её фамилия?

Ким назвал фамилию Л.

— Ну да, да, такая радистка красивая. Так вот, завтра вечером, в шесть часов, скажем, приготовим праздничный ужин. Повар пусть обед не готовит, а сделает хороший ужин. Ну, там, как это, винегрет, консервы-мансервы. Народ согласится поголодать полдня по такому случаю.

— Согласится. Сегодня матросы набрали полшлюпки глушеной кефали, будет прибавка к ужину, — заметил старпом.

— Хорошо, пусть повар её приготовит, знаешь, по-гречески. О вине жених позаботится. Мы немножко поможем. Да, старпом?

— Поможем, Магерам Сулейманович.

— Только народ предупреди строго. Пусть пьют, сколько могут, каждый свою норму. Чтоб прилично, чтоб ни одного пьяного не было. Да, да, скажи им, старпом, у нас праздник, а не попойка, понял?

— Ясно.

— Ну, хорошо. Иди, старпом. А ты, Николай Харитонович, останься.

— Слушаю, товарищ капитан!

— Садись, пожалуйста, Николай Харитонович. — Капитан поднялся с кресла и, смотря на палубу, несколько раз прошелся от стола к двери. Затем остановился перед подшкипером. — Скажи мне, была ли когда-нибудь свадьба на парусном корабле?

— Никак нет, товарищ капитан. И духом бабьим там не пахло.

— Вот-вот. А мы свадьбу решили делать. Как думаешь, правильно?

— Да, как сказать... — замялся дядя Коля.

— Раньше многого не было. И капитан не встречал матросов у трапа, честь им не отдавал.

— Так точно, товарищ капитан, сроду такого не бывало, — подтвердил подшкипер.

— А я так делаю. Герои они, жизни своей не жалеют и за нас с тобой, стариков, воюют. Потому и честь им и слава. И свадьбу сыграем! Как война началась, ни одной свадьбы не было, все поминки да поминки. Пусть теперь люди выпьют за молодых, как в мирное время, пусть молодая народит нам моряков. Я правильно говорю?

— Оно, конечно, так, товарищ капитан. Время такое... — неуверенно ответил дядя Коля, не зная, к чему клонит капитан.

— А ты почему домой не ходишь? Старуха твоя волнуется. Сегодня встретила меня у проходной, спрашивает, жив ли, может, в тебя бомба попала. Ты после свадьбы иди домой. О каюте не беспокойся. Я прикажу молодым ночью охранять её, понял? Послезавтра они в море уходят.

Дядя Коля не торопился с ответом.

— Чего ж каюту. Негоже так, товарищ капитан. Я смекаю, молодым дом нужен, по-людски надо. А у меня свой домик есть, три комнаты, садик. Нам со старухой и двух комнат хватит, и им комнатенка достанется. Пускай живут, доколе своей не заимеют.

Неожиданно завывала самая пронзительная сирена, с элеватора. Ей начали вторить другие гудки и сирены.

— Опять тревога. Значит, Николай Харитонович, договорились. А теперь иди, проверь, чтоб все в укрытие попрятались, а то тут некоторым стыдно в щели прятаться. Молодой народ, глупый ещё. И сам тоже туда иди, а то по кораблю как молодой бегаешь, а туда — ноги болят.

Дядя Коля пытался что-то возразить.

— Иди, иди. Знаешь мой приказ: на судне кроме капитана и вахтенного никого не должно находиться во время воздушной тревоги. И ты бери свою невесту и иди, — обратился он к Киму, — обрадуй её.

Ким вышел из каюты вместе с подшкипером.

— Так ты, сынок, перебирайся в мой дом. У меня хорошо: вишни, яблони, груши прямо в окна глядят — руку протяни и ешь себе на здоровье. Винограду пятьдесят кустов, свое вино. Старуха у меня хозяйская, боцман, а не женщина. Ну, поворчит когда, так вы не шибко пужайтесь, она добрая. Завтра и приходите. Вещей, чай, не больно много?

— Какие вещи! Все на себе носим.

— Ни кола, значит, ни двора. Ну, Бог даст, фрица побьем, образуется. А ты беги в убежище. Неровен час, бомба попадет али осколок какой — вот ты и не вояка.

Подошел Белов со свертком постельного белья.

— Я жду вас. Вещи сдать надо, — обратился он к дяде Коле.

— На судно, чай, назначили?

— На «Серов».

— Ну, в добрый час. Отмаялся здесь. А вещи в один момент примем. Ступай за мной.

Л. ждала Кима у трапа.

— Ну? — спросила она с тревогой в голосе.

— Порядок. Завтра здесь и свадьбу сыграем. Пошли в бомбоубежище, — ответил он радостно, обняв её за талию.

Она отвела его руку.

— Люди смотрят. Расскажи все по порядку.

Ким поведал ей о разговоре в капитанской каюте, о предложении дяди Коли. Она слушала, не перебивая, но в глазах появился радостный блеск, она разругнулась и заулыбалась.

— Даже не верится, — приговаривала она всю дорогу. — Так все получилось... неожиданно... А завтра все будут кричать горько... Я ни за что не поцелую тебя, мне стыдно при всех, — прибавила она с радостным волнением, и звук её голоса стал более низким, грудным. — А давай не пойдем в бомбоубежище, ладно? Просто подойдем к волнолому и будем смотреть. Я хочу закалять свою волю.

— Судьбу испытывать? Ладно, согласен!

Налет уже начался, но Ким думал о чем угодно, только не о налете. И радость, и тревога, и думы о завтрашнем дне — все это пронеслось, как в калейдоскопе. Мысли сменяли одна другую. Завтра, завтра, завтра... С завтрашнего дня и до конца жизни Л. — его супруга... Когда кто-то говорил «супруга», ему представлялась дородная, благоразумная хозяйка, мать кучи детей, хранительница домашнего очага. Никак этот образ не вязался с Л. Эта девочка — будущая мать его детей... Интересно, какими они будут? Сынишка будет ползать по комнате, смеяться и, наконец, произнесет первое слово. Этим словом, конечно, будет «мама». Мама... Он подумал о своей матери, о Жене. Не придется им погулять на его свадьбе. Ну, ничего, свадьбу ещё одну справим, уже после войны, все вместе...

Гремели выстрелы, где-то свистели бомбы. Видимо, фашистских летчиков встретили на подходе к городу советские истребители, и сюда удалось прорваться лишь одиночным самолетам, да и те сбрасывали свой смертоносный груз с большой высоты куда попало.

«Хорошо, что мы будем вместе на одном пароходе, — думал Ким. — Всегда с ней, видеть её, слышать её голос, Какой день! А завтра ещё много дел. Нужно зайти в кадры, попросить аванс, купить вина...»

Послышался гудок отбоя воздушной тревоги.

— Мне впервые не было ни капельки страшно при налете, — весело сказала Л. — А что у меня тут творится... — Она прижала ладонь к груди, но вдруг сама себя прервала, словно вспомнив о чем-то. — Ну, все. Пока я покину тебя, и до самого утра ты не увидишь меня. Понял? И не спрашивай почему, все равно ничего не скажу. Это — тайна. И вообще сегодня ложись спать пораньше, чтобы завтра был свеженький, как огурчик. Мама мне всегда так говорила перед экзаменами.

* * * *

«Что же мне такое снилось? Вначале я летел. Взмах руками, и я полетел. Очень приятно и немного страшно. Подо мною овраги, речушки, ковыльная степь...»

Пока он вспоминал, сон снова начал одолевать его. Продолжилось состояние полёта. На высоком берегу реки белел одинокий домик, цвели яблони. Ким хотел спуститься на землю, но неодолимая сила влекла его вперёд. В сердце нарастала тревога.

«Куда я лечу? — думал он. — Ах, да! Я Л. ищущу».

Он знал, что она где-то рядом, и ему необходимо найти её. Вдруг он услышал свое имя. Кто-то звал его. Голос был грубый и называл его по фамилии.

— Да проснись ты, наконец! — сердитым шепотом говорил вахтенный, тормоша Кима.

Ким вскочил на ноги, ничего не понимая. За окном все ещё стояла ночь.

— Одевайся быстренько. За тобой машина пришла.

— Какая машина?

— Дежурная. Иди туда, там все объяснят.

У кормы «Проциона» стоял крытый брезентом «Додж». Обе дверцы кабины были распахнуты, и у радиатора стояли и курили шофер в кожаной куртке и ещё какой-то человек. Ким подошел к ним.

— Ким? — осведомился второй. Ким узнал в нем инспектора по кадрам. — Быстренько собирай вещи и едем на «Серов».

Ким смотрел на него бездумно, ещё не вникнув в смысл сказанного.

— Для чего на «Серов»? У меня направление на «Чауду» с застрашного числа.

— Отменяется. Вот новое, на «Серов». — Он протянул направление. — Там не хватает двух матросов. Их ранило в городе при налете. Судно отходит в три часа.

— Сколько сейчас времени?

Инспектор посмотрел на часы со светящимся циферблатом.

— Без десяти час

— Сейчас соберусь... — едва слышно ответил Ким.

Все его вещи уместились в спортивный чемоданчик. Постельное белье он сдал вахтенному и попросил его вызвать Л., но тот сказал, что он сам может к ней зайти, она ещё не спит.

На его стук дверь приоткрылась, и выглянула одна из девушек.

— Ой! Жених пришел, — протяжно и задорно крикнула она в кубрик.

Л. что-то шила из белой ткани. Девчонки помогали ей. На столе рядом со швейной машиной были разбросаны обрезки материи, стоял электрический утюг.

Л. вскочила и выбежала к нему в легком светло-синем халатике, тапочках на босу ногу. В отверстии халата торчала игла с длинной белой ниткой.

— Что случилось?

Ким молча смотрел на неё.

— Что? Скажи, что! — почти выкрикнула она.

Он опустил голову, как виноватый.

— Я... уезжаю. Прости.

— Как? Почему? Куда? — она перешла на шепот, словно потеряла голос.

— Срочно вызвали на «Серов».

— На «Серов», — беззвучно повторила она.

— Да. Проводи меня до машины.

* * * *

Когда они вышли, она обвела ночную улицу взглядом.

— Скажи, что это неправда, скажи, что ты пошутил...

Ким молчал.

Они сошли на причал. Полная луна освещала парусник, вдали виднелись силуэты портовых зданий, стоящие под погрузкой пароходы, высокие горы угля на бункеровочном причале.

— Чуюло мое сердце, — уже смирившись, сказала она. И прибавила: — И Белов туда же назначен...

— Ничего, все будет хорошо.

— Нет... Хорошо уже не будет. Не с таким раскладом. Дай мне слово, что ты будешь беречь себя и... что будешь сигналить мне мысленно. А я буду сигналить тебе...

— Даю... Даю слово. Буду сигналить тебе мысленно и буду ждать встречи. Я вернусь, вот увидишь. И мы поженимся.

— Вернись... вернись, — как заклинание, повторяла она.

Они продолжили путь, больше не глядя друг на друга. Почему-то особенно рельефно очерчивался крупный серый гравий сразу же за гранитной оторочкой причала, блеснул холодным самоцветом осколок стекла, чугунная швартовая тумба черным пауком распростерлась под иллюминатором кубрика, и от неё, похожие на паутину, уходили стальные тросы на «Процион»...

Иллюминатор остался позади, позади осталась и самая счастливая пора жизни, но они все ещё были рядом.

Они остановились, не дойдя десятка шагов до машины. Она протянула ему руку.

— Прощай. Дальше не пойду...

— Да... — опустив голову, согласился он. С машины нетерпеливо просигналили.

Он вдруг бросился к ней и стал целовать её лицо, волосы, руки... Все невысказанное ушло в эти поцелуи. Она стояла безучастная и тихо плакала.

С машины вновь просигналили.

Он отстранился, все ещё не сводя с неё глаз, словно стараясь запомнить каждую деталь. Тогда она взяла его склоненное лицо в свои ладони и медленно прижалась губами к его сомкнутым губам. Так они стояли неизвестно сколько, впитывая каждую клеточку соединяющего их тепла.

Просигналили в третий раз.

— Это вместо «горько», — пошутила она.

Он выдохнул, затем резко повернулся, побежал к машине и забрался под брезентовый тент...

* * * *

За десять минут до отхода Ким прибыл на судно. Старпом взял у него направление, сунул его в папку и сказал, чтобы он занял место в девятнадцатой каюте и готовился к авралу. Его вахта на руле с четырех до восьми, утром и вечером. По боевому расписанию — у носового орудия.

Заканчивалась посадка. По широкому грузовому трапу легко взбегали на судно десантники.

— Живей, сибиряки, не мешкай! — весело торопил солдат молодой лейтенант, командующий с берега посадкой.

Десантники — все крепкие рослые парни, — очутившись в незнакомой обстановке, сразу же освоились с непривычным местом своего временного пребывания и, быстро оценив ситуацию, выбирали место на брезенте трюма или на шлюпочной палубе у теплой трубы и по-хозяйски расположились там с возможным комфортом.

С палубы и закрытых трюмов глядели в небо орудийные стволы. Часть из них была подготовлена к отражению возможных воздушных атак, и у этих орудий стояли наготове ящики со снарядами.

Последним, вслед за десантниками, на борт поднялся лейтенант, командовавший погрузкой.

В три часа ноль-ноль минут «Серов» снялся в осажденный Севастополь. Условия были крайне тяжелыми. Севастопольские фарватеры были заминированы, все корабли на трассах, ведущих к Севастополю, постоянно обстреливались. И, тем не менее, «Анатолий Серов» только в апреле-мае сумел доставить городу около 6 тыс. тонн продовольствия, более трехсот тонн боеприпасов и тысячу тонн оружия и амуниции. Это было подвигом.

Ким стоял на полубаке, опершись о поручни, и смотрел на затемненный город. Спать уже было некогда — скоро нужно было заступать на вахту. Кроме неясной полоски береговой черты ничего не

видать. На миг ему привиделись белые мачты с реями. Но нет, померещилось...

Безмятежно, крепким молодым сном спали солдаты под своими шинелями, легко вздрагивал корпус от работы винта, дробно стучала рулевая машинка, а над головой плыли тихие звезды, и среди них выделялась яркая красная звезда. Нет, это планета. Марс, бог войны, тысячу лет назад придуманный людьми и до сих пор не свергнутый со своего кровавого престола.

* * * *

После ужина подул северо-западный ветер, началась бортовая качка. Вся палубная команда во главе с боцманом проверяла крепление орудий, выбирала талрепами слабины тросов, подбивала, где надо, клинья.

Курс, выбранный капитаном, оказался удачным, и хоть удлинил время плавания, но зато ни одного вражеского самолета не появилось за весь дневной переход.

Среди солдат нашелся гармонист. Весь день не утихали на палубе фронтовые песни и частушки. Они перемежались с шутками, побасенками и анекдотами. Настроение на палубе вовсе не вязалось с той адски трудной задачей, которую предстояло им выполнить.

Только к ночи закончилась работа. Ким зашел в каюту. Нижняя койка, аккуратно застеленная, пустовала — сосед по каюте находился на вахте. Сняв рабочую робу и помывшись под душем, Ким залез под одеяло. В каюте стоял приятный, едва слышный запах натуральной олифы — видимо, не так давно производили покраску. Что-то было в этом родное, успокаивающее. Незаметно для себя он уснул.

* * * *

Сон был не долгим. Вскоре Ким заступил на вахту. Справа по носу колыхалось зарево пожара. Огонь то ярко вспыхивал, то утихал, темнел, становился багрово-красным, и вновь яркая вспышка белого пламени озаряла развалины зданий, черные деревья, отражалась в темной маслянистой воде.

Смолкли разговоры. На мостик поднялся капитан.
— Севастополь... — только и сказал.

И в этом было все, все, что можно было вложить в это слово.

Время от времени слышалась команда «на руль».

— Есть на руль, — отвечал Ким. Это была его последняя вахта перед Севастополем.

Поворот, ещё поворот. Зазвенел машинный телеграф. Судно замедлило бег. На востоке небо посерело. Близился рассвет.

Ручка машинного телеграфа смотрела вверх, и стрелка его стояла на делении «стоп». Борт судна касался деревянного привального бруса, дрожали от напряжения стальные тросы, подтягивая сопротивляющийся пароход к причалу. Наконец они слились в одно целое — «Серов» и земля Севастополя.

Севастополь... Пылающий и ревущий ад.

«Серов» выгружался под заслоном дымовой завесы. Руководивший выгрузкой капитан третьего ранга, с забинтованной рукой на перевязи, появлялся то тут, то там, подбадривая словом, торопя, помогая советом. Вездесущий капитан заражал своей неумемной энергией и неутомимостью всех, и работа шла быстро, несмотря на сплошной гул и грохот от разрывов бомб и артиллерийской стрельбы. В воздухе носились сотни вражеских самолетов.

— Давай, давай, ребята! — торопил капитан. — С двадцатого апреля эта музыка не утихает. Ничего, привыкли и огрызаемся. Да ещё как! А зенитки нам во как нужны. — Он провел здоровой рукой по горлу.

Ребята давали. На выгрузке работал весь экипаж. Не уходили с палубы матросы, машинисты и кочегары, механики и штурманы, отстояв вахту, тотчас же спускались в трюмы, становились на лебедки, командовали разгрузкой.

Только судовому врачу капитан третьего ранга запретил работать.

— Здесь у вас дело поважней, — сказал он, отбирая у врача ящик с гранатами. — Приготовьте-ка аптечку и будьте в готовности. Всяко может случиться.

— Не вижу смысла, — пробовал протестовать доктор. — Если на судно попадет бомба, то тут уж не врач потребуется, а портной. Да и тому не удастся собрать все лоскутки.

— А осколки? — возразил капитан. — Слышите, как свистит вокруг? Так что со мной не спорьте, я тут стрелянный воробей.

Помощь врача все же потребовалась. Из кочегарки, даже не помывшись и не переодевшись, вышел на разгрузку Белов. Вдруг он

как-то странно взмахнул рукой, будто отгоняя с лица муху, и сразу же из кончика носа выступила кровь. Осколок срезал самый кончик носа, а другой впился в плечо. Через полчаса Белов продолжал работать, но больше не таскал ящики, а стоял на лебедке.

Вот тебе и заговоренный!

Перед самым концом выгрузки не стало врача. На берегу ранило кого-то из солдат. Доктор выбежал на причал и вдруг упал. Когда его принесли на судно, он уже не дышал. И осколок-то с булавочную головку, сразу и не могли обнаружить, куда он попал, пока не заметили капельку запекшейся крови у самого сердца.

«Серов», весь израненный, черный от приставшей копоти и дыма, с десятками пробойн в корпусе и надстройках, той же ночью ушел из Севастополя.

Капитан приказал усилить наблюдение за морем и поставить у носового орудия одного человека — в море могли встретиться подводные лодки или торпедные катера противника. «Серова» сопровождал военный тральщик.

Через час облака закрыли звезды, и судно растворилось в темноте ночи, но долго ещё виднелись всполохи и мертвенный свет сигнальных ракет над тем местом, где остался сражающийся город.

Внезапно Ким ощутил тишину, именно ощутил — не слухом, а всем телом. Какая необыкновенная пленительная тишина, тишина до нереальности! Можно говорить шепотом, можно слышать легкий всплеск воды под форштевнем. Ничего режущего, угрожающего, мчащегося на тебя — только тишина. Можно думать о чём угодно.

Можно думать об Л.

Где она сейчас? Может быть, в этот час отходит «Чауда» и идет им навстречу? Может быть, не успели они окончить ремонт и завтра он её увидит? Хоть издали, хоть мельком... Как хорошо, что не было её в этом режущем аде.

Сгущается пелена тумана. Незнание одерживает верх. То, что не знает он, не узнает уже никто. Следующая запись будет датирована, и это уже какой-то временной ориентир. Он пишет, что это первая дата в дневнике, давая понять, что ранее дат не ставил намеренно. Стало быть, эту тоже поставил намеренно. Она появляется дважды — в начале и в конце записи, словно он хочет закрепить её,

указать на её важность. Все остальное скрыто под вуалью неопределенности — никаких деталей, касающихся личной жизни.

Итак, я продолжаю. Сегодня 25 мая. Это первая дата во всей моей летописи. Сажу на старом месте и пишу. То, что поддерживало — обнадеживающие письма от матери и встречи с Л., — теперь отсутствует.

Сегодня получил от мамы письмо, которое меня очень взволновало — первая новость, а потом узнал, что Л. вчера только выехала в Ростов. Я не понимаю, как можно объяснить, что она не пришла ко мне попрощаться. На этом может кончиться наша история. Я её очень любил, и она меня любила не меньше. У нас не было друг от друга секретов. Все шло так хорошо и вдруг сломалось. Вчера уехала в Ростов. Быть может, это и есть конец.

Завтра думаю писать письмо матери и немного ободрить её. Жду письма от Л. Пока все. Уже 25 мая 1942 г. Может быть, это начало.

Почему эта дата оказалась настолько существенной, что ему потребовалось повторить её дважды с уточнением? Какое напоминание для себя он оставляет здесь?

Так или иначе, запись закольцована датами и предложениями «может быть, это конец» — «может быть, это начало». Именно в этой последовательности. Но от того, что «начало» появляется после «конца», оптимизма не прибавляется — оно читается скорее, как «начало конца». Следующая запись тоже датирована.

Из дневника 1942 года

Сколько воды утекло с того дня! Сегодня 11 сентября, т. е. уже прошло три с половиной месяца. За это время произошло очень много перемен.

Из перемен становится известной только эта: 6 сентября 1942 г. он был зачислен в Каспфлот и направлен на пароход «Онега» матросом. Это не из дневника, а из его трудовой книжки. Из неё же узнаём и о последующих переменях. Так, 12 ноября 1943 г., за два дня до своего

Помощь. Имя моему кому-то
наша помощь. А ее очень много и она
мне нужна не только. Благодаря тебе
ярко была и не перестала. Также
было моя поддержка до сих пор и она
составляет в жизни жизни. Как только
было много. Потому она составляла и
мне была и она была. У нас не
было ни дня без тебя. Все это так
и было. Прощай. Прощай. Прощай.
Ваше имя мое и это мое

Теперь нечего сказать о своем
нашем разрыве. Прощай.
И вот теперь - с каким-то
А вы знаете - так разрывая нас...

Ваша душа моя и мое сердце
и мое сердце обрываете ее. Мы знаем и
это все. Имя мое и это мое
25 мая 1942г. мое имя мое
Скоро же придет время и оно
и! Прощай 11 сентября, м.е. мое имя
и оно и оно мое. Да это было
и оно мое и оно мое.

двадцатилетия, он переведен на теплоход «Свердлов» заместителем помощника капитана, а через год, 16-го сентября 1944 г., назначен вторым помощником капитана на теплоходе «Багиров». От матроса до помощника капитана всего за два года!

Все остальное остается достоянием молчаливых глубин.

Из дневника 1942 года

Вчера было грустное настроение. Все время вспоминал о матери, сестре, и захотелось мне просмотреть свой дневник, вернее, записки 1941–1942 гг. Вспомнились бомбежки, обстрелы, рейсы, уходя в которые часто не надеялся возвратиться в родной дом. И я снова прочел, что неразлучно со мной во всех невзгодах, во всех скитаниях была семья, в особенности, постаревшая, наверное, за это время, но ставшая во сто крат ближе мне мать.

Дорогая мама! Образ твой всегда у меня перед глазами. Как хочется увидеть тебя счастливой! Пароход уходит в рейс. Таможенный досмотр окончен. Формальности также. Я сижу за столом в небольшой, но уютной каютке. Вокруг полная тишина, и тараканы ласково улыбаются на потолке. Сейчас вечер, поздний мартовский вечер 1944 г.

Что будет?

Часть вторая ВО ЛЬДАХ

Большая любовь

дин и тот же сон: он стоит на «дубке», всматриваясь вдаль, где переулок петляет между домами, вливаясь в пирс.

Город вымер — ни людей, ни машин, ни даже птиц. Ему чудится, будто и в домах никого нет, только тени от фонарей раскачиваются по стенам. И вдруг... В конце переулка, из-за угла кособокое дома появляется: бежевое пальтишко, вязаный беретик. Увидала его, руками замахала радостно и к нему бросилась. А он вдруг возьми да отвернись. В сердце у него обида на неё скопилась, но какая именно — он и не помнит. А она бежит, бежит, беретик поправляет. Об обиде его ничего не ведаёт.

И вдруг жалость его пронзает — такая острая, внезапная. Жаль ему этого беретика съехавшего, и её — тоненькую, хрупкую, и радость её детскую жаль. Он резко оборачивается, но в тот же миг улица как сквозь землю проваливается, а вместо неё море накатывает — ночное, чёрное, без огоньков. Он стоит посреди вод на лоцманском мостике, а судна его не видать, словно оно под воду ушло. А может, и впрямь ушло? Только бы отыскать её в этой мгле беспросветной...

На этом сон обрывается. Ночь. Все, кто не на дежурстве, спят изо всех сил, стараются как можно лучше отдохнуть. На море стараться нужно везде и во всем, даже в отдыхе, иначе не выдюжить.

Из дневника 1948 года

*В нашей хмурой маленькой каютке,
Выбрав час свободный на двоих,
Мы с тобой взгрустнули на минутку,
Вспомнили о наших дорогих,
Молча рюмку спирта потянули,
Закусив полою пиджака,
Как по уговору вдруг вздохнули,
Зная, что дорога далека,
Что с семьёй не скоро будем вместе,
Что полно лишений впереди,
И отрадой лишь скупые вести,
Что приносит радио с земли.*

* * * *

После войны Киму удалось закончить курсы штурманов местного плавания и затем курсы штурманов дальнего плавания и получить работу в Китобойной флотилии. Работа сложная, но благодаря ей открылось много возможностей и для его журналистского пера.

Война несколько лет уже как закончилась. Но это на берегу. А в море она, наверное, не закончится никогда. Не отпускают её воды — то голосами погибших товарищей стонут в ночи, то призраками затонувших кораблей колеблются на поверхности вод. Образы те душу переворачивают, особенно в шторм, когда снова видишь лица тех, кто за борт корабля ухватиться пытается. А корабль кренится, кренится... Да нет, это волны. Всего лишь волны.

На стене — фотография семьи: белокурая женщина в парке на скамеечке, сынок в коляске скривился, и он сам рядом с ними улыбается. В общем, всё как положено.

Ким встаёт и закуривает. Думы о семье возвращают из сна в явь.

Таня... Судьба связала их в прямом смысле этого слова, если под «связала» понимать зародившуюся однажды жизнь Сашеньки. Когда Таня сообщила о том, что беременна, Ким только голову опустил. От их механических встреч любовь так и не зажглась. Ну хоть ребёнок будет...

Как они познакомились, он точно и не помнил. Может, шёл по Приморскому бульвару, а она стояла, на море смотрела. Наверное, он решил, что мужа ждёт и тоже подошёл, заговорил, спросив, на каком

корабле муж плавает. Она, должно быть, удивилась и ответила, что не замужем, что море любит, а сама — из Сибири, приехала к подруге да так и осталась.

А может, кто-то из знакомых представил их друг другу.

Год после окончания войны Ким провёл одиноко, время от времени знакомясь с девушками, а потом так же быстро расставаясь с ними. И помнил он об этих встречах ровно столько, сколько помнят о набежавшей волне. Была и нету.

Вот и с Таней всё поначалу было так же.

И как они стали встречаться, он тоже не помнил. Скорее всего, случайно, а потом всё как-то само собой завязалось. Он помнил уже, как они были вместе, как она навещала его, как ходили в кино. Похоже, она неплохая, думалось ему. Не мешает, много не говорит, сдержанная. Любовь он уже пережил, на гребне побывал, дальше — обычная семейная жизнь. Без восторгов и разочарований.

Как Таня ко всему этому относилась, он не знал и не интересовался. Она была в курсе о радистке из Баку, о которой он как-то обмолвился за рюмкой водки, но претензий не предъявляла и не расспрашивала его больше ни о чём. Ему вообще казалось, что после войны у всех всё перегорело внутри и каждый стремился лишь к элементарной устойчивости в жизни. Работа и семья делают мир устойчивым, а из чувств самое устойчивое — уважение.

Уважение, кажется, между ними было. Во всяком случае, Таня им гордилась. Он не раз замечал, как она смотрела на него, когда он шёл к ней на встречу по бульвару, как слушала его, как встречала из рейса. Да и он старался её не обижать, проявлял внимание и всё такое.

Известие о ребёнке обрадовало его. В смысле — не огорчило. Значит, будем семью строить. Ей, конечно, он так не сказал. Вообще ничего не сказал, так и стоял с опущенной головой.

Вечером поделился новостью с матерью и Женей.

— Ты предложение ей сделал? — спросила строго мать, утерев слезу.

— Предложение? Я как-то не подумал об этом... А нужно?

— Конечно, нужно, что ты спрашиваешь, как маленький! Твой отец был мне мужем, и ты с него пример бери, не дури! Ребёнок в семье расти должен.

— Он и будет в семье, только при чём тут формальности?

— Всё, разговор закончен. Предложение сделай и веди жену в дом.

Ким вышел покурить, а Женя — за ним. Подошла, обняла тихо, в глаза заглянула.

— Ты её любишь?

— Люблю, наверное. По-своему...

— Что значит «по-своему»? Все любят по-своему, но когда любят, не говорят: «наверное», Кимуля.

— Ох, сестричка моя, да что ж теперь о любви рассуждать? Вот у нас новый член семьи появится скоро — это и есть самое важное.

— Да... Только не один, а сразу двое...

— Погоди... Да что ты? Неужели? Вот это новость! А что ж вы мне с Сергеем сразу не сказали?

— Ну, вот, сразу... Сразу ты нам сказал, ну а я после.

Ким почувствовал, как она улыбается в темноте. Сестрёнка у него что надо! Красавица, умница. Все на неё заглядываются. Нелегко пришлось ей — и за мамой уход нужен, сердце-то слабое, сколько пережила! — и по дому управиться (Сергей ведь с инвалидностью, позвоночник на войне пострадал) — и на работе показать себя с лучшей стороны. Женечка быстро освоила профессию массажиста, закончила с отличием курсы, и молва о молодом специалисте быстро разнеслась по городу. Много ли надо для хорошей репутации? Помогла людям, они прислали своих друзей, и так по цепочке, по цепочке, пока не устроили молодого специалиста в лучший санаторий в Черноморке.

Женя оказалась талантливой не только как массажист. Она была чуткой к особенностям пациентов, думающей и при этом очень приветливой, просто лучезарной.

Ей доверяли самых сложных пациентов, включая и большое начальство, и каждый уходил от неё довольный и с улыбкой на лице. Никто и не подозревал, что в обличье лучезарного ангела скрыта настоящая железная леди, умеющая справляться с самыми сложными житейскими задачами и мягко, но твёрдо добывающаяся своего.

Ким прижал сестру к себе, погладил светлые волосы с завитушками.

— Женюля... Вот как время-то пролетело... Только сами детьми бегали, я тебя дразнил, за косички дёргал, а вот уже и родителями скоро будем. — Он помолчал, затягиваясь и выпуская дым в сторо-

ну. — Я в рейс ухожу. Ты за Таней присмотри, ладно? Ну, сама понимаешь, если что нужно ей... Вы теперь в одном с ней положении, а у неё здесь из семьи никого, кроме нас... вся родня в Сибири. — Сказав это, он вдруг впервые проникся сочувствием к Тане, даже ощутил что-то типа вины перед ней. Да, не много тепла получала она от него, это правда. Жили, как соседи за смежной стеной. Нехорошо...

— Так ты не оставляй её, Женюль, обещаешь?

— Да не беспокойся ты, не оставлю твоё северное сияние. Только б сама не возражала против моей помощи. Суровая она у тебя, с гордостью. Молчит, словом не обмолвится, а я вижу, как в ней гордыня бродит.

— Да уж, что правда, то правда, суровая она. Решительная. Как она мне эту новость преподнесла о ребёнке, ты бы видела! Глаза стальные, голос негромкий — если, мол, не хочешь отцом быть, то и не надо, обойдёмся без тебя. Я этот подтекст сразу понял.

— Ну вот ещё не хватало! Что это за подтекст такой? Мы что ж, кровинушку нашу на произвол судьбы бросим? Спятила она, что ли? Вот гордость до чего доводит!

— Да нет, сестрёнка, это ж я так сам подумал. А она, может, и вообще не имела ничего такого в виду. Ты не сердись на неё.

— Ладно, не буду, но сердцем чую, что прав ты был. Именно так она и подумала. У тебя глаз далеко видит, глубоко смотрит. Помнишь, бабушка так приговаривала?

— Помню, помню. Как не помнить. — Он затушил окурок. — Ну, пошли в дом, а то мать заждалась.

* * * *

С Таней расписались через несколько дней. Всё было просто, включая и предложение. На следующее утро после разговора с матерью Ким пришёл к Тане с букетом полевых цветов и спросил:

— Ну что, распишемся?

Ему показалось, что глаза у неё слегка увлажнились. Она молча взяла букет и скромно ответила:

— Хорошо.

После ЗАГСа отправились к Киму. Там мать уже накрыла на стол. Квартирка на Мясоедовской была ветхая, обшарпанная, приспособленная для жилья из какого-то чердачного помещения, зато на вто-

ром этаже, самостоятельная, с окном на крышу, небольшой прихожей и закуточком для кухни.

Внизу жила Циля с невесткой Мусей и сыном Яциком, и Муся всегда мыла лестничную клетку Кима.

— О, старается вже, — хмыкала Циля, когда невестка шерудила тряпкой по лестнице. — Ты бы ишо к нему палубу пошла драить.

— Та шо вы такое выдумываете, мама! — огрызалась раскрасневшаяся Муся. — Какую ишо палубу?

— Знаем мы, какую.

— Яцик, пойти утомони свою маму, расскажи ей за дружбу народов, — отдуваясь, звала мужа Муся.

Выходил Яцик в тельняшке, чесал живот и вываливал тараньку на стол посреди двора.

— Нехай, мама, она чистоту сделает. Шо, тебе не всё равно? Меньше пыли будет на голову сыпаться. А Кима мне коллега.

— Да какой он тебе коллега! Ты бындюжник, а он — морская интеллигэнция! — взрывалась Циля. — Слухал бы маму, тоже интеллигэнцией стал бы.

— Ой, скажите уже сразу, мама, шо вам невестка не та досталась, — отжимая тряпку откликалась Муся с последней ступеньки.

— Ай, брось, — махала рукой Циля, желая закрыть тему.

— Ну так я и знала! А кошёлки с буфета вам, значит, подходить. — Это был козырь, и на нём перепалка прекращалась.

Сегодня Муся особенно тщательно вымыла лестницу по случаю бракосочетания дорогого соседа. Когда молодые пришли, лестница блестела, и пахло свежевымытыми досками.

— Витаемо, — встретила их у порога Циля. — И Яцик с Муськой велели передавать вам свои поздравления. Муська перед работой всё надраила — это вам её свадебный подарок.

— Спасибо, тётя Циля! Заходите к нам, посидим, — пригласил Ким.

— Та не, я на Прывоз. У мене таранька вже созрела на окне. На тебе от меня связочку — свадебный подарок пусть уже будет.

— Спасибо вам! А таранька замечательная у вас, самая лучшая. И душистая какая! — Ким с наслаждением понюхал связку лоснящейся рыбки.

— Ну идите, идите — ваши вже сидять там, ждуть.

* * * *

За стол сели сразу. По-деловому выпили, закусили. Никто даже «горько» не крикнул. Да и кому было кричать? За столом только мама да Женечка с Сергеем.

Вскоре Ким ушёл в рейс.

Из дневника 1948 года

Ночь тёмная, тёмная. Тучи многоярусные скрыли все светила небесные. Не мелькнёт звёздочка, луна не осветит мрачный океан и льды, уходящие до самого горизонта. Вдали справа, скорее чувствуешь, чем видишь, огромный айсберг. Свирепый ветер свистит и завывает. Брызги ледяной солёной воды то и дело срываются с гребней и обдают стоящих на мостике. На трубе толстым слоем выступила соль. Напрягая зрение, смотрит вперёд вахтенный, а свободная команда спит в тёплых каютах, спит спокойно. Их сон и безопасность, безопасность всего корабля охраняет вахтенная служба. Чем темнее ночь, чем сильнее ветер, тем зорче

всматривается вперёд вахтенный. А впереди много опасностей! Огромные айсберги усеяли океан, стали на пути корабля плавучие льдины едва заметные, ночью почти сливающиеся с водой. Трудно различить даже вблизи. На вахте стоишь всё время в напряжении.

Ким на борту

Возраст растет, и вы не знаете
Да будет счастье в семье
И адекватно как ^{с самим} океаном
Иже будет в организме сам

Рано не надо, не надо, тогда не успеете
уже успевать все сделать вовремя.
На нехватку витаминов, выно не хватает
Своим организмом ^{VITAMIN} колоссальную энергию
организм океан и тогда постепенно со
временом размножится. Тогда еще
своего выживете, вы будете выжи-
вать адекватно. Лучшим будет звание
да забудется. Тогда не надо ~~идеально~~
боже не да же и глотать с предель
и обдумать историю на море,
На море же не надо всем организму
сам. Тогда же спешит еще и
ред ~~идеально~~ и ~~идеально~~
Своей же не надо сам в семье
на море, сам не надо. На сам в
организме, организме все не надо
вперед и вперед сам. Тем
не менее не, тем не менее
не не жале в ~~идеально~~ ~~идеально~~
лучшим. А лучше не надо ~~идеально~~
организме не надо океан, там
на море не надо, не надо не надо
уже же не надо, не надо не надо

Бывает, что ещё ко всему начинается снегопад. И стоишь наверху, на открытом со всех сторон мостике под снегом и брызгами солёной воды. Холодно, сыро, ветер продувает насквозь, пробирается во все щёлочки одежды. Но зато как приятно после вахты зайти в тёплую каюту, которая кажется тебе такой уютной, выпить стакан горячего чаю и прилечь отдохнуть с книжкой в руках! Вполне заслуженный и честно заработанный отдых. А там, наверху, заступившая вновь вахта так же внимательно и зорко следит за горизонтом. Но ночь уже проходит. Постепенно начинает светать. Вот уже можно увидеть далёкие айсберги, линия горизонта становится резче. Наступает рассвет, наступает новый трудовой День, и матрос поднимается на мачту.

*

Да, далеко забрели мы от родной стороны своей. Моря и океаны, тысячи и тысячи миль морских дорог осталось позади и столько же впереди. А там, далеко на родине, остались родные, близкие, остались думы, надежды и жизнь — новая задорная жизнь с её поистине богатырским размахом. За работой некогда грустить. Но иногда, особенно в шторм, взгрустнётся и вспомнишь о далёкой родине, и в этот момент она становится в тысячу раз милей и краше, как будто оглядываешь всё с высокой горы.

* * * *

Когда Ким вернулся из рейса, Таня уже изменилась. Суровость заретушировалась мягкостью, словно округлость форм повлияла на её внутреннюю строгость. Впервые за все эти месяцы он улыбнулся ей при встрече, прижал к себе, погладил по плечам. Она стояла, не зная, чем и как ответить на эту неожиданную ласку, и он, ощущая её напряжённость, отпустил её и прошёл в комнату.

В нём начался уже процесс брожения, словно что-то стало оттаивать внутри, и он знал, что это было началом возвращения. Не к ней — к себе. Он вдруг ощутил весну за окном, удивился, что не заметил цветения акации, когда шёл по улицам, и долго ещё смотрел из окна на деревья, на крыши, позабыв о Тане, о том, что они были почти четыре месяца в разлуке.

Когда он, наконец, повернулся к ней, это был уже другой, незнакомый ей Ким. За обедом она опускала глаза всякий раз, как ловила на себе его взгляд. Вечером расстелила постель и вдруг ощутила стыд при мысли о том, что должна раздеться и лечь с ним рядом.

Она любила в нём айсберг, любила, не приближаясь, восторгаясь им на расстоянии, обходя его. Она любила эти ледяные воды, по которым шла к нему почти незамеченной. А теперь, когда вдруг началось потепление и айсберг окинул её человеческим взглядом, она отпрянула, не зная, как с этим быть.

Она потушила свет и молча легла, то ли ожидая чего-то, то ли готовясь ко сну.

Это она, думал Ким, разглядывая её в темноте, моя жена. Это навечно, навсегда. Ну что ж теперь поделать! Он коснулся её руки, лежащей поверх снежной постели, и тепло его было враждебным всему, что доселе хранило её любовь.

Вскоре он ушёл в рейс, потом ушёл снова, потом родился Сашенька и несколько строк в записной книжке.

Он любил родные берега, любил с особенной тоской, когда отчаливал, и с особенной остротой, когда приближался к ним. Что же касалось всего остального, то тут уж нести его волшебным крыльям было некуда, разве что в сны. А там жила другая, даже не жила, а пыталась прорваться сквозь толщу небытия, сквозь воронку военного времени, материализоваться хоть на мгновенье. И это сводило с ума. Хоть не ложись...

Таня не снилась никогда. И постепенно он понял, что любовь — это когда мечтаешь о женщине. О Тане он мог только думать, вспоминать. А вот об Л. он мечтал постоянно.

Работа была его страстью. Без моря он себя не представлял. Молодая страна была его Пенелопой, и ею он гордился не понарошку. В какой бы иностранный порт не заходила «Слава», местные жители встречали моряков, как героев, признавались, что желали посетить или даже навсегда переехать в расчудесную страну Советов. Ну как же тут не возгордиться!..

Но забыть о земле нельзя, никак нельзя. Земля — это большая любовь. Она придаёт сил, вселяет надежду, исцеляет...

Из дневника 1948 года

Двадцать три человека на маленькой скорлупке, и у каждого свои мысли, свои надежды, свои желания. Но у каждого одна общая мысль, одно стремление — не отстать, не посрамить чести отчизны в соревнованиях с заграницей. И люди напрягают все силы, всю волю для достижения этой цели. Тяжело порой и даже очень тяжело. Приходится работать в потоках воды, то и дело обрушивающихся на палубу через борт. Палуба скользит и уходит из-под ног, качка, ледяной ветер, кажется, пронизывает до мозга костей, но надо работать, нельзя отстать, и вся команда, преодолевая трудности, в насквозь промокнушей одежде до конца делает своё дело. Ни одной жалобы, ни одного упрёка. Здесь, казалось бы, уже не до шуток. А впрочем, какую я ерунду пишу. И всё это тысячу раз рассказано, известно. И, по правде сказать, очень трудно. Как хочется сейчас быть дома в тепле и уюте! И какие грустные настроения сменяют друг друга... Эх, Антарктика, Антарктика, зачем тебя я узнал!

*В суровых морях, в Атлантических водах,
Где серые дни, словно волны, плывут,
Где сердце моё зачерствело в походах, —
Немало испытано сильных минут.*

*Вот ветер крепчает и волны, как звери,
Окутавшись пеной, грозятся бедой.
Корабль болтает, стучат где-то двери
И, кажется, небо слилось с водой.*

*Корабль, как пылинка средь грозных громадин,
То на гору лезет, то в пропасть летит.
Надстройки и винты в ледовом наряде
И в сто тысяч флейт лютый ветер свистит.*

*

Удачный день сегодня. Вот уже третий день, так сказать, везучий. Тьфу, тьфу, не сглазить... утро наступило хмурое, как обычно весь день здесь, но к полудню небо начало очищать-

ся от туч, и показалось солнце — довольно редкое и приятное событие. До чего капризен климат! Барометр скачет вверх и вниз. На день десять перемен: то снег выпадет, то туман холодный и какой-то колючий. Внезапно туман рассеется, на минуту выглянет солнце и опять прячется; и тут без всякого перехода начинает моросить мелкий, до невозможности тоскливый дождь, который так же внезапно может смениться снегом. Влажность и мерзость. Ветры постоянные. За последний месяц было всего около десятка дней без штормового ветра. Ветер тоже особенный — не так, как у людей. Начинается с определённого направления, потом заходит по часовой стрелке почти что на обратный, после чего — снова, но уже против солнца, возвращается в исходное направление. И так может продолжаться три дня, неделю, две недели... И всё это время болтанка, как говорится, переворачивает вверх ногами. В общем, метеорология Антарктики и план флотилии — две вещи несовместные. Но мы идём против метеорологии и китам не даём покоя даже в шторм.

*

Он в последний раз взглянул на пристань,
Быстро уходящую назад.
Вечер. Городских огней монисто
На минуту приковали взгляд...

Порт, такой родной, такой знакомый,
Медленно растаял в темноте.
Раздавался гаммой монотонной
Звук гудков прощальных вдалеке.

Он скорей угадывал, чем видел,
Мимо проходящие места
И как будто на волшебных крыльях
Уносился мысленно туда...

*

Как прекрасно море в летний вечер,
Когда волны, галькою шуруша,
Что-то ласково и тихо шепчут,
И темнеет неба бирюза.

И легонько на волне качаясь,
Чуть виднеясь сквозь вечерний мрак,
Лодка, лов окончив, возвращалась,
И уставший вёл её рыбак.

Лунный путь рябит и серебрится.
Вёсел плеск доносит ветерок.
А вода за лодкой фосфорится,
Будто кто-то в ней огни зажжёт...

*

Утром, ещё солнце не взошло, а на горизонте, прямо по носу появились расплывчатые очертания небольшого гористого острова *Bough*. Становилось светлей, с каждой минутой остров приближался, и вот уже можно разглядеть его высокие обрывистые скалистые берега, покрытые зеленью. Подошли к острову и стали на якорь. Остров выглядел очень живописно. Небольшие водопады, срываясь с высокого обрыва, дробились тысячами брызг и сверкали на солнце, как самоцветные камни. Скалистые горы, достигающие местами высоты свыше километра, изрезаны ущельями, покрыты зеленью. Вблизи берега, как два сказочных великана причудливого вида, высились две подводных скалы. Ветер доносил с берега запах каких-то йодистых водорослей. Спущена шлюпка. Желаящих высадиться на берег шлюпка не могла вместить, и оставшиеся с завистью смотрели вслед уходящей шлюпке.

*

Вот и берег. Огромное стадо пингвинов встретило нас на берегу своим гортанным, возмущённым криком. Птицы, видимо, не знали людей и с любопытством разглядывали нас, даже не пытаясь бежать. Никаких признаков пребывания человека на острове нельзя было заметить. Остров был необитаем.

В воздухе кружились разноцветные птицы. Вот одна из них, разновидность орла, неподвижно повисла над нами, вглядываясь в странных пришельцев, не решаясь опуститься вниз, на напуганная нашим криком, взвилась высоко в воздух и скрылась за ближайшей вершиной.

Остров

*

Полоска берега, на которой мы высадились, была усеяна крупными гольщиками, выброшенными морем. Дальше берег круто подымался вверх. У наших ног звучал родниковый ручей с прозрачной и холодной, приятной на вид водой. Мы начали взбираться на гору. Небольшие деревья росли по склону горы. Нам, в течение полугода не ступавшим на твёрдую почву, с непривычки было нелегко взбираться вверх. Наконец мы достигли вершины и огляделись вокруг. Высились вершины гор, внизу, по другую сторону нашей горы зеленела небольшая площадка, на которой белыми пятнами выделялись пингвины. Пингвинов на острове было огромное множество, мы начали спуск вниз.

Отдышавшись от быстрого спуска, мы стали ловить пингвинов, птицы отбивались клювами и маленькими крылышками, но, тем не менее, без особых происшествий попадали в мешок, где ещё долго криком и энергичными движениями изъявляли своё недовольство. Вскоре набралось три мешка пингвинов. Мы двинулись к шлюпке. Пингвины благополучно улеглись на дне шлюпки, и тут мы заметили четырёх огромных омаров, ползших по дну шлюпки. Это оставшиеся в шлюпке забросили сетку и, вытащив её, обнаружили запутавшихся омаров. Мы возвратились на судно с добычей и ещё долго слышали гортанный крик пингвинов, возмущённых пленом своих товарищей.

Через два часа флотилия снялась с якоря. Курс проложен на Кейнтацы. Дан полный ход и, идя с попутным ветром 12-ти мильным ходом, флотилия начала приближаться к первому порту захода. С каждым часом родная земля становилась ближе на двенадцать миль. Сколько ещё таких миль впереди!

Будни китобойцев

Иногда он вспоминал с улыбкой
Страхи и волненья первых дней,
Визг мышей, скребущих под обшивкой,
Ропот волн седых и скрип снастей.

*

До родного порта осталось не более недели. Впереди шесть дней пути, позади семь месяцев... Семь месяцев упорного труда, штормовых погод, оледенений, радостей и неудач промысловой жизни; семь месяцев на зыбкой палубе маленького судёнышка, дум о семье и Родине, дум о встрече с родными и близкими... Сколько испытано лишений, какую выдержку надо иметь людям. Да, действительно, люди — они крепче стали. Лишь немногие, по пальцам пересчитать можно, не выдержали всей совокупности условий. В чём же состоит трудность рейса, неужели действительно так тяжело проходит это время?

Вот вкратце реальная картина нашего бытия. Путь в Антарктику. Отошли от пристани, и родные, близкие остались позади, и единственная связь с ними — это коротенькие радиogramмы, в которых так много сказано и так много хочется сказать. Впереди тропики, Экватор. Жара невыносимая. В машине температура доходит до семидесяти градусов. После вахты ночью отдохнуть нельзя — духота. На палубе, если есть незначительный ветерок, немного лучше, но к утру встаёшь мокрый, сильные испарения, роса. Отсюда — головные боли, недомогания, чувствуешь себя весьма не прекрасно. Но, наконец, жаркие широты остались позади, неделя отдыха в умеренных широтах, если не дует встречный штормовой или даже 5-ти бальный ветер. На мостике стоишь в потоках воды, весь мокрый до нитки. Плащи не защищают от солёной воды. На камбузе кок, как акробат, воюет со своими кастрюлями, которые то и дело стремятся улететь с плиты. На койке трудно улежать, хотя и привыкаешь к этому. Временами висишь в воздухе и снова падаешь на матрац. Наконец — порт. После месяца пути два-три дня стоянка, и странным кажется, особенно во сне, что не слышишь шума

На палубе

В океане

винта, работы машины, что нет качки. Первую ночь даже не удаётся уснуть. Через три дня снова океан, и теперь уже на четыре месяца забудь, что такое земля.

*

Сороковые южные широты — вечные, никогда не прекращающиеся шторма, сильные западные ветра, доходящие до урагана. В английской морской терминологии эти широты называют *Roaring Forties* — ревущие сороковые. Можно представить себе китобойцев посреди гигантских валов. Рядом идущий китобоец то взбирается на гребень волны, то скрывается из глаз за волной. Ветер ревёт и несёт ледяную пыль, волны заливают китобоец, вся палуба в воде, можно даже сказать, — под водой, крен доходит до сорока-сорока пяти градусов. Спать почти что невозможно. Но это только почти, потому что спать всё равно надо, и кое-как ухитряешься пару часов поспать.

Сколько дум передумано, сколько мыслей прошло
Под унылое пение ветра, под волны монотонный напев...
Надо мной небо вечно туманное и седой океан подо мной.
О тебе лишь мои все мечтания, о любимой, желанной, родной.

Не пройдёт наша молодость зрелая —
Прочь вы, чёрные думы-ужи.
И не плачь ты, пурга озверелая —
Слышишь?! В сердце огня не туши!

Знаю, всё преходяще — желания,
Радость дружбы, блаженство любви,
Тайны бывшие станут нетайными,
Страсти стихнут, угаснут мечты...

И быть может, под старость забвение
Будет в том, что порой вспомнётся
Эти дни — дни тревог и волнений,
Дни, которых уже не вернёшь...

* *
Сколько там предумано, сколько мислей ушло
Под шумные песни ветра, под волны монотонной канав.
Надо мной надо векины поумножило и сейчас выван,
О тебе мизь мои все мекитанис, о ^{пого мной} ~~моим мой~~
меланной, радной.

Не пройдеи наша молодость зрелая -
Ахчь вы, седые думы - уми
И не плачь ты, мурга озверелая -
Слышешь!?! в сердце огня не тужи!

Знаю, все переходяще - меланна,
Радость дружба, влечение в любовь,
Тайны девичьи стиснут не тайнички,
Страсти стиснут, утаснут нести...

И даге может под старость забвение
Будет в том, что порой вспомнить
Эти дни, дни тревог и волнений,
Дни, которые уже не вернуть...

Мечты и реальность

Огни. Поздний вечер.

Ким в последний раз оглядывает каюту. Тетрадь с собой, подарки в чемодане. Через несколько часов он уже будет сидеть в троллейбусе, а вся эта переполненная до краёв морская жизнь будет тихо плескаться на страницах его журнала в ожидании следующего рейса.

* * * *

Домой он вернулся, как возвращаются из мечты в реальность. Первая встреча с семьёй прошла в умеренных широтах объятий и без горячих поцелуев.

Сашенька-крошка — тоненький, хрупкий, глазёнки открытые, карие, на мир смотрят галчатами. А мир холодный, строгий, того и гляди, заморозит, в полёте остановит.

— Сашенька, Сашенька, ну что ты, я — папка твой, — приговаривал Ким, поглаживая ребёнка по белесой головке. — Ты не гляди, что небритый — борода во льдах греет. Я сбрую её, завтра же и сбрую, — пообещал он, обняв ребёнка и чмокая Таню в прохладную щёку.

— Ни за что не хотел спать укладываться. Как услышал, что ты приезжаешь, вскочил и заявил, что будет папу ждать, — сообщила она в ответ на приветствие.

Сашенька внимательно глядел на него, не проронив ни звука.

— Вот ты какой... Серьёзный. Что, дождался папку? Дождался! — Ким присел на корточки и взял его тоненькую ручку. — Ну что? Узнаёшь? Мамку-то охранял тут без меня?

Сашенька смотрел молча на него во все глаза. У детей время совсем по-иному течёт: от первой мысли до первого слова — вечность. У Сашеньки вечность прошла с тех пор, как отец ушёл в плавание. Он уже и говорить понемногу начал, хотя молчун по натуре, как его батька. Смотрят друг на друга, словно изучают свои собственные отражения во времени.

— Ну что ж вы стоите? — подтолкнула их в комнату Таня. — Будет ещё время изучить друг друга. Все уже ждут, и стол накрыт.

Стол действительно был накрыт, но всё так чинно, сдержанно. Хозяйка двигалась от стола в кухню, вносила блюда, голова величаво приподнята, светло-русская коса на ней короной уложена. Глаза серые, строгие. Так и не соприкоснулись душами...

Ким бросился к родным напролом, сквозь ледяную завесу воздуха. «Дзинь-дзинь!», — посыпались за спиной ледяшки-стекляшки.

— Мама! Женечка!

Слёзы. Ну вот, всё и оттаяло, слава Богу. Достаточно во льдах он пожил. И водка, и вино — всё капало радостно на открахмаленную царевну-скатерть, и оливье из миски — «шлёп!» мимо тарелки. Всё правильно, всё по-человечески! А теперь наполним-ка рюмки...

Все наполнили, у кого что было — кто рюмку, кто чашку, кто кружку. Семья ждала ответов — трудно ли? Холодно ли? Опасно ли? А он медлил. Да разве расскажешь про всё это домашним? Разве расскажешь, как от холода вода не успевает сходить с палубы и заковывает судно в ледяную броню? А о том, сколько моряков в мешки зашито и дну предано, никому и поведать нельзя. Молчит вода, молчи и ты.

Эх, Антарктика, Антарктика, зачем тебя я узнал!

Он наливает рюмку, а присутствующим вместо ответа на расспросы говорит:

— Выпьем-ка лучше за тех, кто в море!

Он хотел прибавить — за тех, кто пробивается к родным берегам сквозь туман и непогоду, кто рискует здоровьем и жизнью, кто выдерживает натиск стихий, и кто никогда, никогда не посрамит чести отечественного флота. Но лишь прибавил: — За них...

Все молча опрокинули рюмки и задумались, а Сашенька на колени к нему взобрался — наконец-то признал! — и за бороду потрогал. Эко диво!

Вскоре все разошлись по домам, обнявшись на прощание и расцеловав ребёнка.

— Ну, пошли, сынок, я тебя спать уложу, — сказал ему Ким, когда стихли шаги на лестнице. — Пора тебе. А завтра бороду сбривать будем... Будем, да?

Сашенька поглядел серьёзно, понять попытался, да где ему, детёнышу! Ким рассмеялся и поцеловал его в нежную, пухом покрытую макушку. — Поживём...

* * * *

Проснувшись в своей постели на следующий день, Ким некоторое время не мог понять, почему они стоят на рейде, и только голос ребёнка вернул его к действительности.

Таня уже убежала на работу — она устроилась машинисткой в одном бюро, а Сашенька запрыгнул к нему в постель и первым делом потянулся к бороде.

— Завтрак на плите. Обед в холодильнике, — сообщила Таня, на ходу подкрашивая губы.

Ким кивнул, оглядывая её в утреннем свете. Что у них было этой ночью?

Близостью это вряд ли назовёшь. Скорее всего, отдаление. Чем ближе, тем дальше...

— Спасибо, — ответил он, глядя Сашеньку по голове.

Начались каникулы, отпуск, мечты о котором казались уже несбыточными в конце плавания. Казалось, так и будут они болтаться в водах, просыпаясь на одной и той же широте, как заколдованные. Ким знал, что это переутомление, но поделаться с этим ничего не мог, только внушал себе, что скоро дом, а всё остальное станет воспоминанием. Ну вот он, дом, принимай и радуйся.

Каждый день, пока Таня была на работе, Ким с Сашенькой ходили на море. Он учил сынишку плавать, читал ему книжки, кормил, укладывал днём спать. Потом возвращалась с работы Таня. Они все вместе ужинали, а после ужина шли в парк, ели мороженое, катали Сашеньку на качелях, возвращались домой и пили чай.

Семейная жизнь всё больше напоминала Киму дальнейшее плавание, где море и берег поменялись местами. Берегом было его прошлое, к которому он стремился в штормовые минуты жизненных передраг.

Плавание в семейных водах становилось невозможным. Видимый штиль отношений угнетал. Иногда его сменял тихий северный ветер, который только усугублял давящую атмосферу. Так прожили молчком неделю, не сдвинувшись с мёртвой точки. Впереди было ещё три. Три недели без цели.

— А я тебе говорю, не пара она ему, — делилась своими мыслями Ция с невесткой, наблюдая, как Ким выходит с Сашенькой на улицу.

— Ой, мало вам своей невестки, так вы за чужую прыйнялись, — откликнулась Муся, мешая сливовое повидло.

— Так Ящик же тебя любит! Вон как гоцает — скоро все пружины на кровати полопаются.

— Не выдумывайте, мама. Спите себе и спите.

— Так я ж не глухая!

— Ящик, иди утомони свою маму, а то у меня всё повыдло повывлезае из таза!

* * * *

Неожиданно на подмогу пришло руководство. Киму было предложено отправиться в Баку на курсы повышения квалификации. Когда-то во время войны он стремился попасть на те же курсы в Ростове в надежде, что туда переведут Л. и им удастся быть вместе на учёбе... Сбылась только первая половина его мечты — её действительно отправили в Ростов. После этого всё потеряло смысл.

Предложение поехать на курсы было воспринято им как глас providения. Ким взволновано ходил по квартире в ожидании, когда Таня придёт с работы, чтобы поделиться новостью.

Таня сразу смекнула, в какую сторону ветер дует, но перенесла всё молча, без объяснений, как это делала всегда. А что ей оставалось? Плавать он не бросит ради их семейной жизни, это было и так ясно, а со скандалом провозжать на курсы — только обострить то, что уже и без того обострено.

Ким оценил её сдержанность и последние дни старался быть максимально внимательным. С Сашенькой у него это выходило естественно, и через него он оказывал знаки внимания и Тане.

— Сегодня мы пойдём с Сашенькой и с мамой в парк, — говорил он. — Будем кататься на каруселях. Мама наденет свою голубую блузку, которую папа ей подарил. Мама у нас красивая. Да, Сашенька?

Сашенька кивал в ответ и тянул его на улицу.

* * * *

Прощание с семьёй было коротким. Ким крепко обнял Сашеньку, поцеловал Таню, сел на пароход и отчалил в город, где родилась его Л., его первая военная любовь. Лететь не хотел умышленно. Перелёт — это как быстрое перелистывание книги с целью узнать, что в конце. А движение по морю — настоящее путешествие во времени. Каждая волна нашёптывает незабываемые минуты военной молодости.

В море всё живо и все живы. В отличие от суши, морское пространство не меняется. Можно вернуться спустя десятки лет в покинутые широты, и они встретят тебя такими же, как в пору первого знакомства. Что запечатлела морская поверхность, навсегда сохраняет глубина. Нужно только разглядеть...

Он ехал, наслаждаясь этой природной машиной времени, приказывая себе возвращаться только в хорошее и светлое.

Вспомнилось, как Л. рассказала ему однажды:

— В детстве мы барахтались в воде, словно маленькие золотистые головастики, рыли ямки в песке... и нам было весело просто так — от солнца, от реки, от брызг. Мы были счастливы, просто счастливы, без всяких причин, как сама природа...

А потом вдруг взглянула на него и ни с того ни с сего спросила:

— А ты сможешь написать о нас?

— О нас?

— Да, о нас. И об этой войне, и о сегодняшнем вечере, и о будущем.

— Не знаю, наверное, смогу...

Море переливалось. Маленькие золотистые рыбёшки перепрыгивали с гребня на гребень, мигали, взметались с брызгами за кормой.

Постепенно солнце разлилось по горизонту, предвещая вечер. Он смотрел на бегущую вслед кораблю воду, а в ней мелькали картины памяти...

Что она чувствовала в тот, последний день, когда ушла в рейс, не успев проститься? Больше всего боялась она уйти, не простившись. На этот случай они условились мысленно сигналить друг другу, сигналить изо всех сил.

В тишине погружающегося в бархат ночи моря Киму почудилось, что он слышит эти сигналы, долетающие сквозь толщу времени, слышит её голос...

Свет уже окончательно истаял. Помигивало усеянное огнями небо, то же, что и тогда. Как давно это было! Да и было ли?

Он прислушался к всплескам воды за кормой.

Прости меня, прости, подумал он, разглядывая звёзды, её звёзды, и они дрожали и слегка удваивались у него в глазах.

За что просил он прощения? В чём была его вина перед ней? Он не знал, но чувствовал, что вина была.

* * * *

Апшеронский полуостров раскинулся перед ним как экзотический мир восточной сказки. Ким ступил на древнюю землю Ширваншахов, некогда окружённую двухрядной крепостной стеной и рвом. Город восточных принцесс — загадочных, волшебных, как луна над звёздными водами...

Он бродил по улицам, прикасаясь ладонью к тёплым древним камням, представляя, что и она вот так же касалась их. Теперь их касания встретились, и камень навсегда сохранит отпечаток этой встречи.

Незаметно для себя дошёл он до Девичьей башни, некогда игравшей роль защиты города. Интересно, а была ли здесь Л.? Ну конечно же, была! Все девушки сюда приходили, и невесты, и жёны. По легенде, башня была выстроена шахом по просьбе его дочери, в которую он влюбился и на которой хотел жениться. Дочь бросилась с неё в день свадьбы, не видя другого выхода и желая избежать чудовищной участи.

Что за глупая легенда! Нет, всё было не так, совсем не так, милая моя Л.!

А как?

Она вырисовывается из светотеней и смотрит на него, ожидая продолжения. Всё то же детское любопытство, с которым она слушала его истории, чуть вытянув шею и мечтательно задрав подбородок... Теперь он знает, как удержать её.

Он присаживается на камень и после небольшой паузы говорит.

На самом деле это морской царь влюбился в девушку. А она любила молодого моряка, который однажды приплыл к её берегам. Морской царь пригрозил ей, что убьёт её возлюбленного, если она не выйдет за него. Тогда девушка попросила морского царя выстроить ей в качестве свадебного подарка башню, с которой она могла бы глядеть на него, пока они будут в разлуке. Морской царь обрадовался и стал строить башню для своей возлюбленной. А когда наступил день свадьбы, она поднялась на вершину башни, помахала оттуда рукой моряку, наблюдавшему за ней с лодки, и бросилась в морскую пучину. А моряк подхватил её и уплыл с ней в далёкие края.

Некоторое время он сидел, закрыв глаза, словно желая продлить минуты близости. Ветер ерошил волосы. Шум прибоя доно-

сился снизу... Какой была бы его жизнь сейчас, если бы всё пошло, как было запланировано? Наверное, она родила бы ему двоих детей, и они приезжали бы вместе в отпуск в Баку, вспоминали бы прошлое, радовались, что вместе. И из рейса он летел бы домой на крыльях...

Он смотрел, как истончается закатный воздух и на нём вновь проступают узоры вечера. Нужно идти. После захода солнца воспоминание о ней превратится в тень, а так она навсегда останется солнечным бликом в его памяти.

Больше он сюда не возвращался. Две недели посещал лекции, вёл конспект, сдал экзамен, а затем получил справку об успешном завершении учёбы.

Проводы

Отпуск пролетел незаметно — так бы летело время там, в море! Время — капризная штука. Поменяй пространство или условия — и оно уже упирается, как ишак, с места не сдвинешь. И впрямь, ишак! То мчится со склона сломя голову, то упрямо застопоривается. Толкай — не толкай, проку мало. Лучше и не трудиться.

Домой он вернулся самолётом, как из мечты в реальность. Возможность подышать воздухом той, что брезжила в дымке его военной памяти, сказалась целительным образом на его состоянии духа. Он как-то успокоился, обрёл внутреннее равновесие, и навязчивые сравнения его семейной жизни с тем чувством, которое он пережил на острие войны, постепенно отпустили его. Он вдруг осознал, что эти две линии его судьбы — военной и послевоенной — как две параллельные прямые. Не могут они пересечься. Да и не надо.

Оставшиеся дни Ким провёл в кругу семьи.

Накануне отъезда родные и друзья собрались у Жени с Сергеем, чтобы проводить его в рейс, а заодно отметить его день рождения и успешное окончание курсов.

В тесной комнатке в коммуналке на 16 семей Женечка-франтиха обхаживала гостей в новом платье, которое ей достали по благу. Условия не ахти какие, но жаловаться не приходилось — всё-таки

не подвал, и близко к центру. Неустанный звон вилок о тарелки звучал в ушах хозяйки лучше всяких похвал. Пришли Женины друзья и некоторые сослуживцы Кима с жёнами. За шкафом, отгородившим Лорочкину кровать, играли дети, но так тихо и сосредоточенно, что Женя несколько раз наведлась к ним, проверяя, всё ли в порядке.

Сергей слушал застольную беседу, но участия не принимал, только подливал гостям вина и улыбался. У него было удивительное свойство растворяться в компании, словно на нём была надета шапка-невидимка. Мужчиной он был видным — высокий, поджарый, светлые волосы, голубоватые глаза. Он сразу обращал на себя внимание, но уже через несколько минут о нём забывали, как забывают о статисте на сцене. В нём не было никакой особенности, ничего, что привлекало бы к себе, и речь его была бесцветной, не окрашенной ничем личностным. Внешне это была красивая пара — яркая Женечка и импозантный Сергей. А как они уживались вместе, для всех оставалось загадкой.

К вечеру гости стали расходиться, пожелав Киму удачного рейса и поблагодарив хозяйку за гостеприимство и вкусности. Женя смущённо улыбалась, понимая, что произвела впечатление не только своими кулинарными способностями и не только на опытных одесских хозяек.

Таня убирала тарелки со стола и относила их на кухню, пока хозяйка провожала гостей.

Когда все разошлись, Женя подошла к большому зеркалу и, удовлетворённо оглядев себя, поправила пояс на тонкой талии.

— Ну что, снова в дорогу? — сказал Сергей, наливая себе и Киму на пососшок. Мать молча наблюдала за ними.

— Ну, давай... Будем!

Они опрокинули по рюмке и зажевали ароматным хрустящим солёным огурчиком с Привоза.

Тем временем Таня закончила убирать со стола и отправилась за Сашенькой.

Ким понял сигнал, снял шинель с вешалки, надел форменную фуражку и обернулся к Жене.

— Ну, бывай, сестричка! Спасибо тебе за всё. За приём, за угощение...

— Кимуля, радость моя, с днём рождения ещё раз и удачного тебе рейса! — она порывисто, с некоторым даже вызовом, явно обращённым к хладнокровной Тане, обняла брата и несколько минут стояла, уткнувшись ему в плечо.

— Ладно тебе, будет... Не на фронт ведь провожаешь... — Ким улыбнулся, отстраняясь.

Мать стояла, опершись на спинку стула, и долгим взглядом смотрела на своего такого уже взрослого сына. Ким наклонился и расцеловал её в обе щеки, затем взял её руку и задержал в своих ладонях, словно напитываясь материнским теплом.

— Мамочка... Не болей, слышишь?

Она погладила его второй рукой по щеке, как в детстве. Губы её слегка дрожали.

— Кимуль...

— Ну что ты, что ты, родная, всё будет хорошо. Скоро вернусь, снова встретимся, только уже у нас. Я тебе привезу красивое платье... А ты... ты мне оливье приготовь. У тебя самое вкусное!

Мать тихо кивнула в ответ, чуть задержав ладонь на его щеке.

Ночью Ким лежал без сна, уставившись на блики от уличного фонаря на потолке. Таня тоже не спала. Сашенька посапывал в соседней комнате.

На душе у Кима было беспокойно. Мама хоть и держалась бодро, но по лицу Жени он заподозрил что-то неладное. Когда они вышли на лестничную клетку, он спросил кратко:

— Что, хуже ей?

Женя замялась. Ему в рейс идти, волновать не хочется.

— Ну, говори, не скрывай ничего.

— Нездорова мама. Недавно сознание потеряла... Сердце ослабло после всех переживаний...

Женя пообещала, что будет каждый день слать радиogramмы, чтобы братец не волновался. Но это не слишком его успокоило.

С тревогой в душе ушёл он в рейс.

Тревожный рейс

Ночи в океане сотканы из тревог. Нахлынут — отхлынут, вновь нахлынут. А уж если небо заволакивает и звёзд не видно, то и вовсе муторно на душе.

Ему часто снилось, будто он бороздит моря, а компас сломался, связь нарушена, и земля всё не появляется. После таких снов он первым делом бежал в радиорубку, проверить, есть ли что-то от родных.

Увы, радиограммами его на сей раз не баловали. От Тани несколько сдержанных строчек, а Женя вообще замолчала. Некогда ей там, что ли? Это уже просто безобразие! Как можно так волновать человека, когда он вдали от родных, когда малейшее промедление приводит к упадку духа! А ведь ему нужно работать, выполнять план! Если бы они хоть раз побывали в его шкуре, вдали от всего, от земли, от родных, где тоненькая ниточка радиоволны — единственный пульс, единственная соломинка, за которую постоянно хватаешься после очередной вахты... Ах, женщины, женщины! Спите сейчас, небось, в своих тёплых постелях, и невдомёк вам, что ваш муж и брат уже столько суток мается без вестей. В последний раз тоже — такую бездушную радиограмму Женя дала:

«Мама болеет. Женя». Кто же такие вещи в море посылает, а потом пропадает! Ну, ничего, при встрече поговорим...

Иногда он вытаскивал из ящика материнскую фотографию и подолгу разглядывал её, изучая такие знакомые черты. Фотография была сделана на Куяльнике, куда мама поехала с Женечкой в санаторий. Они стояли на лестнице, ведущей в парк. Женечка с фарфоровым личиком глядела победительницей, а на ступеньку ниже — мама, слегка улыбающаяся, но со скрытой грустинкой. Так смотрят с портретов, когда жизнь уже далеко позади и ничего не больно, ничего не ранит, всё успокоено мыслью о законах природы. Мама, мамочка... Ну, что же ты? Всё ведь только начинается — внуки, жизнь... Мы ещё поборемся! Поборемся ведь? Он смотрит на часы — те самые, с льдинкой стёклышка. Даже вода не разрушила их механизм.

Пора заступать на вахту.

* * * *

Радости корабельного бытия: получили посылки, письма, телеграммы. Письма... В письме сразу видишь человека. Трудно скрыть истинное отношение, закамуфлировать фальшь красивыми словами. Бывает, самые простые, избитые фразы согревают, а бывает, и тщательно выверенные вгоняют в тоску.

Киму не везло. Снова радиограмма того же содержания: «Мама болеет. Женя». Да что же это она их под копирку пишет, что ли? А следом от Тани: «Саша в порядке. Я тоже». Замечательно! Ну, что ж, порадуемся хоть этому. Что у неё в душе, он никогда разобрать не мог. Да и к чему? И так всё более чем ясно. Про себя он завидовал, когда видел, как к другим девчонки на шею бросались у трапа. Так просто не бросишься — не прыжок в длину на физкультуре, тут порыв нужен... Чего не хватало ему в семейной жизни — так это порыва.

И тем не менее, душа его рвалась домой. Скорее бы пройти по родному порту, подняться по Потёмкинской, услышать воркование голубей и стук домино на скамейках Приморского бульвара... Он соскучился по звукам обывательской жизни — по смеху и перепалкам, доносящимся из открытых окон, по автомобильным сигналам, визгу разыгравшейся детворы, цокоту трамвая по рельсам мостовой... Как бы ни ругали обывательскую жизнь, но именно она отвечала за психическое равновесие команды, за ощущение стабильности на корабле. В море всего этого человек лишён, и поначалу это даже нравится, но с течением времени уже пробирает тоска, в особенности, когда глядишь на стаи рыб, как они резвятся, или на береговых чаек. Животный мир занят своей жизнью, заботами, отношениями, а мир человека на корабле выхолощен вахтами и выполнением плана.

Встречи с разлукой

Причал был полон встречающих.

Ким мгновенно различил в толпе фигурку Жени. Ни Тани, ни Сашеньки не было. Женя — самая красивая — выделялась из стайки восторженно машущих кораблю молодых женщин. Вот она сдержанно следит, как корабль пришвартовывается, а мужчины искоса бросают взгляды на неё. Но она ни на кого не реагирует. Только вытянула шею, всматриваясь в моряков на палубе. Его, Кима, пыталась отыскать глазами среди них.

Корабль пристал. Толпа начала волноваться, предчувствуя скорую встречу с родными. Трап медленно спустился, восстанавливая долгожданную связь между кораблём и берегом. Самые ретивые уже у трапа, готовы первыми принять в объятия прибывших.

Киму не хотелось толкаться, и он решил ещё раз забежать в каюту, проверить, не оставил ли чего.

Тем временем Женю подхватил поток встречающих и вынес к трапу.

— Девушка, погодите, — услышала она уже у самого трапа.

Она оглянулась. Перед ней стоял капитан. Женя смущённо опустила глаза. — Здравствуйте, товарищ капитан...

— Здравствуйте, здравствуйте... Вы — Женя, так? Кима сестра?

— Да, так...

— Я вас по фотографии узнал, Ким показывал нам свою семью.

Она выжидающе смотрела на него. Ясно, что не для того, чтобы завязать знакомство, заговорил с ней капитан.

Капитан помог ей подняться по трапу, затем взял её под локоть, отвёл в сторону и, убедившись, что никто их не слышит, проговорил:

— Что же это вы, девушка, брата своего расстраиваете? То не пишете, то такое напишете, что на нём лица нет. Я читал ваши радиogramмы. Это никуда не годится. Никто такие радиogramмы морякам не шлёт. Должны сами понимать.

В одно мгновение глаза Жени наполнились слезами. Капитан, не ожидавший такой реакции от молодой женщины, торопливо проговорил:

— Ну что вы, что вы, я ведь только на будущее советую... Я потечески...

Женя сделала глубокий вдох и сказала:

— А что же я, по-вашему, должна была писать, товарищ капитан, — голос её дрогнул, — когда матери уже почти два месяца как нет в живых? Умерла мама... Девятого апреля...

— Ой ты ж, боже ж мой! — засуетился капитан. — Простите, простите меня, бога ради... Да кто ж знал, что такое горе вашу семью постигло! Вы присядьте, вот здесь, на ступенечку... Может, водички принести?

— Нет, нет, спасибо, — еле прошептала Женя, чтобы не разрыдаться, но быстро взяла себя в руки. — Киму — ни слова, товарищ капитан. Мне его домой довести нужно, там уже все собрались. Дома всё и узнает. В кругу родных ему легче будет перенести эту весть. Любил он мать. Очень...

— Конечно, конечно... Вы... вы героическая женщина. И решение правильное приняли. Не всякая бы так поступила в подобной ситуации.

Появился Ким. Заметив, что Женя разговаривает о чём-то с капитаном, сбежал по трапу с чемоданом в руке и остановился возле них.

— Ну что ж, Ким... — Капитан тронул его за плечо. — Хорошо поработал, а теперь отдохни, сил наберись до следующего рейса. — И добавил внушительно, глядя ему прямо в глаза: — Хорошая сестра у тебя, настоящая. Береги её. — Потом пожал ему руку на прощание и поднялся на корабль.

Женя тихо взяла Кима под руку.

— Пойдём, Кимуля. Все уже дома ждут, за столом.

Досада на сестру вмиг улетучилась. Он обнял её и пригладил растрепавшиеся волосы. У неё ведь столько дел, и семья, и за мамой присмотреть...

— Ну, слава богу, а я уж испугался, что маме хуже. Идём домой поскорей, хочу всех увидеть.

Он махнул рукой, остановил проезжающее мимо такси, и они покатали по летним улицам Одессы. Было уже одиннадцать, а пришвартовались в семь. Полдня как не бывало, а в море — это целая жизнь.

Через несколько минут такси подкатило к воротам его двора.

— Приехали! — отчеканил водитель.

— Спасибо вам, — сказала Женя, протягивая деньги таксисту. Ким попытался остановить её.

— Женя, ну что ты!

— Ничего, ничего, пошли, Кимуля.

Поднимаясь по скрипучей деревянной лестнице, он различил голоса родственников, доносящиеся из-за дверей.

— И тётя Люба с дядькой тоже здесь? Из Ялты приехали?

— Приехали, и Гриша тоже приехал...

Она открыла ключом двери, и поворот металла в скважине заставил притихнуть говорящих.

Дома! Невзирая ни на что, — дома! Ким счастливо вдохнул знакомый запах просыхающей деревянной лестницы, снял китель, поставил чемодан в углу и приоткрыл дверь в комнату.

Вся оставшаяся от войны семья молча сидела за столом. Никто не приветствовал его, все ждали чего-то. Он почему-то смутился и тоже тихо кивнул всем, здравствуйте, мол. Оглядел стол ещё раз. Мамино оливье, мамины пирожки, мамина скатерть...

— А где же мама?

Все продолжали молчать. Он обернулся за объяснением к Жене, которая вместе с ним всё ещё стояла в дверях.

— Это была её воля, Кимуля, — только и сказала она.

* * * *

Стол для поминок был сделан по маминому рецепту, а вот жизнь — нет.

Может, от холодного дыхания ветров, а может, от бесконечных дождей, но всё серее становились рассветы и всё неуютнее сумерки в доме.

Однажды, вернувшись из очередного рейса, Ким вдруг ощутил такое сильное отторжение от этой несовместной жизни, что даже и вещей не стал раскладывать.

— Всё, больше не могу, — только и сказал с порога.

Таня стояла перед ним в сером свитере грубой вязки, красивая, статная, никогда не влекущая, и, казалось, его слова прошли мимо неё.

— Квартиру вам оставлю, а сам пойду в общежитие. Сашеньку только позволь навещать.

Она ничего не ответила, и он не мог понять, согласна она или нет. Ким взял чемодан и, как был, отправился в общежитие.

Там ему сразу дали временную комнатку без оформления бумаг и до решения руководства, и он рухнул в койку, хряпнув предварительно водки с дежурным вахтёром и закусив каким-то сухарём. Сон навалился на него, как медведь, и мгновенно подмял под себя.

Разбудил его сильный стук в дверь.

— Ким! Ким, открой!

Он вскочил, на ходу вспоминая всё, что произошло накануне. На пороге стояла Женя.

— Женя, откуда ты? Как ты узнала, что я здесь? Прости, я не успел... А что случилось?

— Таня уезжает!

— Уезжает? Куда? А где Сашенька?

— В Сибирь, к родным. Сашенька с ней. Я утром забежала повидаться, поскольку не могла на причал прийти, а в комнате — переворот: тюки, чемоданы, Сашенька плачет, спрашивает, где папа. А она ни звука не издаёт, только вещи методично собирает. Я остановилась посреди комнаты, как громом поражённая. «Куда? — спрашиваю. — А Ким где?» Она не отвечает, а потом вдруг плюхнулась на узлы и разрыдалась. Никогда я её не видела рыдающей. «Люблю я его», — говорит. Потом слёзы утёрла, встала. — «Ну, всё. Прощай. Еду к родным, в Сибирь». Такси на улице быстро поймала и — на вокзал. Пошли, может, успеешь! Поезд через двадцать минут.

Ким выскочил из общежития, стал махать руками проезжающим такси, остановилось сразу два. Он вскочил в первое, и машина рванула в сторону вокзала.

Пробирался по чемоданам и узлам, пытаясь никого не задеть, и слышал вслед ругань.

— Простите, пардон, опаздываю... — на ходу оправдывался он. Вот перрон, вот поезд. Люди, люди, люди...

— Таня! Таня!

Бежит вдоль купейных вагонов, всматривается. Нигде их не видеть.

— Таня! Сашенька!

И вдруг, где-то на камчатке памяти: эшелоны, эшелоны, эшелоны. Тела свисают отовсюду, кульки, котомки, дети плачут, кого-то пытаются втиснуть в открытое окно.

— Береги себя! — раздаётся то там, то тут поверх общего гула.

Война, опять война...

— Куда писать? — выкрикивает кто-то из толпы. Ощущение войны усиливается.

Раздаётся свисток. Ким ускоряет бег.

— Таня! Саша!

— Папа!

Он оборачивается — пробежал мимо, они в том вагоне, что остались позади. Возвращается. Сашенька стоит с Таней в тамбуре, плачет.

— Папа, папа, иди, иди же! Он идёт.

Поезд трогается.

Он идёт, идёт, идёт...

Часть третья ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН

Из рейса в рейс

... *У* время пошло-покатило. Из рейса в рейс, из рейса в рейс.

Последний рейс выдался особенно сложным, напряжённым. Да и когда китобойцу было просто? В те годы об этом не принято было говорить. Это спустя уже десятки лет на морском вокзале в Одессе установят мемориальную доску памяти моряков, погибших на Атлантической китобойной флотилии «Слава» во время рейсов, а пока... Пока, по морскому обычаю, «седой океан» принимал их тела, оставляя единственную возможность любимым и близким помянуть их, придя к берегам...

ИЗ «ПРОМЫСЛОВОГО ЖУРНАЛА»

1956

8 января

Все говорило о приближении к суровым антарктическим водам. Исчезли летучие рыбки, по небу проносились ещё светлые облака. Ещё позавчера не укрыться нигде от палящего солнца, а сейчас ночью на вахте прохладно и в меховой безрукавке. Появились первые альбатросы. Эта большая красивая птица медленно парит над штормовым океаном и не шелохнет крылом — лишь подставляет под воздушные струи то кончики крыльев, то все крыло. Быстрый черный буревестник появился на короткое время в видимости и сразу пропал за гребнями волн.

Ревущие сороковые ещё впереди.

22 января

Прошло 19-е, 20-е, 21-е, и теперь можно писать, что реву-щие сороковые уже позади. С 1948-го впервые они не оправдали своего названия. Все эти дни стояла хорошая ясная погода к немалому удивлению всей команды. Слабые переменные ветры, птицы, первые фонтаны китов и спокойное море, правда температура воздуха понижалась до 10 градусов. Здесь значительно холоднее, чем в нашем северном полушарии. Сейчас по времени и широте мы находимся соответственно примерно на широте Одессы в самый жаркий месяц лета — июль.

С утра ветер стал усиливаться, барометр, который с этого момента все поднимался, начал падать: пять баллов, шесть, семь, доходит до восьми. Разлохматился океан, и качка увеличилась. Впереди идет танкер. Его качает намного меньше. Он как увалень переваливается с борта на борт. Благо ветер попутный — нет стремительных бросков. Брызги волн не летят на мостик.

В столовой играют в домино. Домино одно, а желающих много, и игра идет на высадку. У трубы на банкете сидят несколько человек. Здесь тепло, и нет ветра. Разговор ведется о береговых делах и морских дорогах. Но дождь разгоняет собравшихся. На камбузе повар, как фокусник, колдует у своих кастрюль. К чаю он наколдовал неплохие пирожные.

23 января

Наконец в приемнике слышались первые русские голоса. Слышно «Славу». День становится длиннее, но, к удивлению, до сих пор не видно ни единого айсберга.

Танкер ушел вперед, и мы двигаемся одни. На ночь приходится не более 4-х часов. Ясная погода часто сменяется туманами. Барометр лезет вниз.

25 января

Барометр упал до 742. Появились первые айсберги. Пингвины ныряют у борта и кричат гортанными голосами. Стало прохладно — температура упала до +1, вода теплее на полградуса. Идем на юг.

28 января

26-го встретились с флотилией. Гарпунер придирчиво осматривает каждую мелочь своего хозяйства. Завтра охота. И вот наступило завтра. Финвалы бродят группами и близко не подпускают. Сутики отделяются от других короткими серыми сумерками. Ночь пропала. До самых сумерек гонялись за китами. Три выстрела, три промаха, дрейф.

И вот, наконец, первый кит. Морской гигант испугано бежит от маленького китобойца, отворачивает, уходит в глубину — пытается спрятаться от преследования, и один неосторожный выпад у носа верткого суденышка решает его судьбу.

Поднятие кита

30 января

Огромный хвостовой плавник обрезается, и на нем вырезывается цифра «1» и сверху «10» — номер китобойца. Январь подходит к концу. Сегодня план выполнен. Погоды стоят маловетреные, иногда туманы и всегда сплошная облачность. До полярного круга всего сотня миль, но льдов не видно. В этом году льды отступили значительно дальше на юг. Огромные айсберги, настоящие плавающие острова встречаются очень часто. В воде и на айсбергах много птицы и пингвинов — этой удивительно интересной птицы.

Вот на небольшом разрушенном айсберге собралась группа пингвинов. Они спокойно отдыхают на льду, но не все. Отдых их охраняется двумя часовыми, которые разместились сверху на самом видном месте. Они исправно несут свою службу и поворачивают головами в разные стороны, чтобы вовремя заметить опасность, которая грозит их соплеменникам.

Природа. Как говорится, фауна и флора. И человек, который все это наблюдает, осмысливает, делает свои выводы, выводит законы и правила.

31 января

Очень многолюдно сейчас в Антарктике и Антарктиде. Рыщут по необъятным просторам океанов как голодные псы китобойные флотилии, пожирают тысячи и десятки тысяч китов и никак не могут насытить свое прожорливое чрево. Все мало!

А на материк впервые в истории Земного шара высаживаются первые Робинзоны науки, следопыты последней неизведанной земли. Что ждет их там? Что нового принесут нам их смелые попытки проникнуть в тайну шестого континента?

Сейчас в Антарктиде лето и день. Солнце, если его можно было бы видеть за сплошной завесой облаков, не сходит с неба крайнего юга, сравнительно тепло — немногим ниже нуля градусов, огромные ледники сползают с гор в океан и, обламываясь, образуют гигантские айсберги — достопримечательность антарктических вод. Вероятно, летают птицы. Но чем они там питаются?

Работа занимает все мысли и все свободное время. А что же было бы иначе? Не дай бог бездейательные мысли в свободное время! Меньше думать, больше действовать — вот, по-моему, лозунг исследователей холодных стран.

18 февраля

Небольшой шторм. Туман. Ночь темная и холодная. После боевого дня китобойца собирают с флотов китов. Репродуктор ни на минуту не замолкает. База с трудом успевает разделять доставляемых китов. Месячный план почти выполнен, и вдруг тихий, встревоженный голос

— Алло, девятый, будьте вблизи меня, ударился о подводную часть айсберга. — Алло, девятый, я пятый, как слышите меня?

— Ясно, пятый, иду на вас.

На мостике пятерки нес вахту второй помощник Симокин. Грузный, среднего роста, малоразговорчивый, с широким одутловатым лицом, к которому был прилеплен курносый нос. Рядом стоял капитан — небольшого роста, подвижный, темпераментный человек со смуглым лицом и черными курчавыми волосами. Оба всматривались в свистящую темноту ночи.

— Где-то здесь рядом должен быть, да разве заметишь в такой тьме.

Фонарик погас — только чудом наткнешься на него.

Капитан, не отрывавший глаз от бинокля, пробормотал что-то в ответ, продолжая вглядываться в ночь. Косые полосы снега закрыли горизонт. Холодно на открытом мостике, рулевой переминается с ноги на ногу. Непрерывно вращалась антенна локатора, светился бледно-салатным светом круглый его экран. Справа и слева на экране выделялись яркие светящиеся полосы — айсберги. Но до них далеко. Ближайший — в 4-х милях. Где же кит? И люди на мостике, вооруженные биноклями, до боли в глазах всматривались вперед.

Резкий удар потряс китобоец, и он накренился на левый борт. Капитан рванул ручку телеграфа «Стоп». Машина остановилась. Полуодетые люди выбежали наверх, не зная, что случилось. Капитан сбежал с мостика. Рядом с бортомплыли темные, сливающиеся с водой обломки разбитого ропака.

Льды и айсберги

— В трюм поступает вода! — Взволнованно доложил боцман.

Зазвонили тревожные звонки авральных сигналов. Водяная тревога. Вся команда была уже на ногах и приступала к борьбе с водой. Тяжелый брезентовый пластырь был опущен на место пробоины. Но вода прибывает все больше и больше. Вот уже волны разбивают переборки, койки, мебель; скручивали в жгуты костюмы и оставшуюся одежду.

Команда едва держалась на ногах от усталости. Водолазы по несколько часов работали в затопленном трюме, долбили деревянный настил, срывали доски, чтобы добраться до пробоины. Острым крюком была порвана водолазная рубашка. Затоплен трюм, вода подходит к кубрику, палуба кубрика залита водой, нижние койки затоплены, все выше и выше поднимается вода. Все насосы не могут остановить поток воды... На ручной насос становятся все новые и новые люди, но все усилия тщетны — вода прибывает. Лишь когда уровень воды в кубрике сравнялся с уровнем воды в океане, поступление её прекратилось. Кубрик затоплен, но кораблик держится на воде.

В радиорубке радист сообщает на базу обстановку.

Капитан-директор не спит. В напряженной обстановке голос его кажется ещё более спокойным

— Девятый, приготовьте все спасательные средства к действию, подготовьте к спуску шлюпки, — приказывает он.

— Все готово, товарищ капитан-директор

Эфир замолкает. Ещё полчаса назад непрерывно работающий приемник умолк. Все служебные разговоры прекращены, все с тревогой следят за борьбой команды потерпевшего китобойца с грозным нашествием воды.

— Иду полным ходом к вам, — сообщает капитан-директор.

До утра продолжается упорная борьба команды за плавуемость корабля. Утром база подошла к китобойцу. Завезены дополнительные пластыри, мощный насос откачивает воду из трюма, за борт спущены водолазы. Трое суток нечеловеческих усилий заставляют покориться стихию. Вода не прибывает, насосы откачивают воду, и электросварщик варит первый шов на растерзанном теле корпуса. На пятый день китобоец снова вступает в строй для полноценной работы.

*

Флотилия двигалась на запад и опускалась на юг, ближе к берегам Антарктики. Температура воздуха падала. 24-го февраля в полдень пересекли южный полярный круг. Китов не было. Китобойцы рыскали по всем направлениям в поисках добычи.

У Кима было двойственное отношение и к освоению Антарктики, и к собственно промыслу. С одной стороны — стремление выполнить план, соревновательный инстинкт, а с другой...

После удачной ловли Ким всегда был на стороне пострадавшего моря. И действительно, как можно объяснить осиротевшей семье кита смысл этого убийства? Киты — известные однолюбы. Всякий знал, что оставшийся в живых кит будет тосковать и не находить себе места ещё долгое время, может, и до скончания своих дней, и эту тоску не залечить ничем. У этих громадин тонкая конституция, они чувствительны к магнитным полям земли и не только. Они сентиментальны, привязанность их друг к другу сильна, они чувствуют, когда кому-нибудь из соплеменников неможется, и пытаются оказать помощь. Вид раненого страдальца кита действовал удручающе на некоторых китобойцев, и всякий раз хотелось поскорее остановить его муки...

Термометр показывал минус шесть. Айсбергов была тьма-тьмущая. Они усеяли океан, и даже в сильнейший шторм могучие волны не в силах были поколебать их величественные громады, лишь мерно обтачивали их, придавая им причудливую форму колонн, портиков, арок и фантастических шпилей.

Дни стояли солнечные, ясные, и Ким не переставая фотографировал эту ледяную красоту. Фотоаппарат он приобрёл незадолго до отъезда с целью запечатлеть все детали Антарктики. В объективе у него сиял ледовый дворец невероятной красоты, вызывавший смешанное чувство восхищения и глубокой грусти. Он знал, что в один прекрасный день это сооружение, подтачиваемое волнами, истончится и развалится на тысячи опасных осколков.

Почему, думал он, Творец не создал ничего вечного, на чём бы останавливался глаз и отдыхала душа? Почему и природу поджидает та же участь умирания, что и однажды провинившегося чело-

века? Для чего это ежеминутное напоминание о смерти в момент любования жизнью? К чему Господь очертил невидимую траурную каёмку вокруг каждого творения и каждого мига этой волшебной жизни?

25 февраля

И вдруг снова несчастье — потек котел, остановилась динамо, погас свет, в помещения забирается промозглый холод, не работает камбуз — сухую пищу запивают холодной водой.

Трое суток устраняли течь котла.

28 февраля

Вперед на запад. Ближе берега Антарктиды. Появляется большое количество птиц.

29 февраля

Туман налег густой и бесконечный. В радар видим айсберг. Нет, это даже не айсберг, а часть водяного барьера, опоясывающего Антарктиду. В длину он достигает 16 миль (около 30 км). Чуть подальше такой же айсберг немного меньших размеров — 12 миль. Плавание даже при наличии современных приборов представляет опасность. До ближайших островов и берега материка остается всего 60 миль.

2 марта

Потек снова котел. Стоим у базы. Настроение бодрое... в господу и в бога душу...

Однако, уже вторые сутки пошли. Получили посылки, письма, телеграммы. Письма... В письме сразу видишь человека. Очень трудно написать письмо, в котором не была бы видна душа человека. Кто бы ни был по характеру человек, если он пишет не ради повинности, всегда найдет самые теплые слова, чтобы выразить свои чувства, чаяния. Фальшь, даже пусть она будет выражена самыми красивыми словами, не способна затронуть сокровенные струны нашего существа.

Все эти дни двигались на восток.

*

С утра появились финвалы — сельдяные киты, вторые по величине животные на планете. Они бродили группами и не подпускали китобойцев. Как те ни старались, гоняясь за ними до самых сумерек, ничего не выходило. Три выстрела, три промаха, дрейф.

На профсоюзном собрании, обычно скучном и официальном, разгорелись страсти. С планом плохо, а гарпунер — молодой, работает первый год. Все недовольны, гудят, объяснений требуют. Гарпунер встал, оправдываться начал, что, мол, опыта у него маловато.

— Да, иногда и промахнешься, иногда не туда повернешь, — признавал он. — Но не только моя вина в том. Вот с бочки тоже не всегда говорят, когда кит выходит под носом. И боцман не всегда вовремя крикнет, куда пушку развернуть. А кит возьми и занырни...

Гул и ропот усилился, все на боцмана смотрят.

Боцман поднялся — тоже молодой, три года как демобилизовался и усы себе отрастил запорожские. Руками в стол уперся, на руки глядит и говорит едва слышно:

— Виноват. Не заметил я вчера того кита... Слежу, значить, за одним, на которого охотимся, ну и докладываю: справа. А другой, значить, возьми и выйди слева. Я его и не заметил... Ну, так получилось... вот...

Ему явно никто не сочувствовал, даже наоборот, все с каким-то раздражением слушали его мямлянье. Тогда он пошёл в наступление — оторвал взгляд от рук, голос стал тверже.

— А вот хотел бы ещё сказать об отношении к соцсобственности — к своему добру, значить.

Слушающие хмыкнули. Ну вот, сел на своего конька, сейчас перевернёт всё с ног на голову. А боцман, заметив это, ещё большие раззадорился и перешёл в наступление.

— Да! Машинистам вот шланги приготовил. Берите, пользуйтесь. А они? Набрали воду, сломали один рожок и бросили мокрый шланг. А я, значить, наблюдаю — уберет ли кто, просушит ли.

— Китов бы лучше наблюдал, — проворчал кто-то. Боцман сделал вид, что не расслышал, и продолжал.

— Только на вторые сутки забрали на котел сушить! А ведь никто не бросит свои мокрые сапоги, шоб, значить, валялись и гнили! То ж своё, собственное! А это чье? Дядино? Нет, товарищи, это тоже свое, за это надо тоже деньги платить, и больше, чем за сапоги. Вот я и хочу, значить, сказать — смотрите за каждой вещью, нянек тут нету за каждым ходить и прибирать.

Все только переглянулись и плечами пожали. На том и разошлись.

* * * *

Март — месяц ветров и морозов, месяц коротких дней и обледенения — ворвался со штормами. Ночи стали длиннее. Солнца и звезд почти не видно — тучи, тучи, тучи. Команда совсем сникла, все смотрят хмуро, почти не разговаривают, и можно только догадываться, что творится в душе у каждого.

22 марта

«Настоящий сильный человек должен быть выше жалости и сострадания. Эти чувства родились в подземельях, где обитали рабы, и были лишь жалким уделом слабых и несчастных»

Д. Лондон, «М. И.»

Шторм, обледенение... Слова, которые включают в себя определенные понятия. Это значит — болтает, трудно пообедать, неудобно спать, передвигаться, все летит, движется, грохочет. Вот, пожалуй, и всё, что думают, когда упоминают о шторме. Но это не все. Словами нельзя передать всего комплекса ощу-

щений, которые нахлынут на тебя во время сильного шторма. Двое суток бушевал сильнейший шторм с непрекращающимися снежными зарядами при температуре минус 6 градусов. Холодно. Вода не успевает сходить с палубы и заковывает судно в ледяную броню. С поручней, надстроек свисают ледяные гирлянды. Судно становится тяжелее, глубже уходит в воду, медленнее возвращается в положение равновесия после крена. Устойчивость ухудшается. Смотри в оба, моряк. Отяжелевший корабль может не подняться после сильного крена и 23 семьи не узнают даже, где похоронены их сыновья братья, отцы.

На спасение надежды нет — долго в ледяной воде не продержаться. Братская могила, к которой нет доступа. Аврал. Все выходят на отбивку льда. Все — от капитана до повара ожесточенно долбят ледяные наросты и такие красивые на фотографиях сосульки. Волны обдают их солеными брызгами, проникают сквозь одежду. Но от жаркой работы тело не теплеет. Наконец ледяной убор выброшен за борт. Но это не надолго. Через два часа снова нарастают ледяные бороды. А шторм гро-

Ким в процессе работы

хочет, воеет, обрушивается всей своей дикой силой на маленький кораблик.

Мачта пригибается к воде. 45 градусов крена. Штурман судорожно хватается за поручень, чтобы удержаться на ногах. Вывалился с койки на палубу матрос и растерянно ощупывает шишку на голове. Без сентиментальностей! Волна бросает его на другой борт. Вот теперь щупай вторую шишку. У повара на камбузе несчастье — выплеснулось полкастрюли первого, и он ругает предпоследними словами и шторм, и щи, и свою судьбу, и главную виновницу его беды — Антарктику. Его не видно и только из клубов пара раздаётся его визгливый, надтреснутый голос.

Идем на юг. До берега материка остается всего 20 миль (земля королевы Мод, мыс Норвегия).

Отбушевал шторм.

26 марта

Меньше суток море было относительно спокойным и снова заштормило. Команда не успевает отбивать лёд. Каждые 3–4 часа многотонная ледяная тяжесть давит на китобоец,

Ким разглядывает лёд в бинокл

увеличиваясь с каждым часом. Холодно. Температура понизилась до минус десяти с ветром, что хуже сорокаградусного мороза в безветрие. Барометр упал до 731,5 мм. Это на 30 мм ниже нормального давления. Низкое давление воздуха угнетает, причиняет тупую головную боль.

Волны каскадом брызг летят на мостик, обдают с ног до головы стоящих там людей. А где-нибудь на берегу в это время собралась веселая компания в уютной теплой квартире, и пусть за окнами метель, пусть мороз трещит в деревьях — здесь тепло, спокойно, весело, и кто-нибудь поднимает тост за тех, кто в море.

Не каждый может понять этот традиционный морской тост. За тех, кто в море, кому спать не дано ночью на вахте, кто борется со штормом и обледенением, кто изнывает в тропиках от чудовищной жары в душной кочегарке, кто пробивается к родным берегам сквозь туман и непогоду, кто гордо несет честь советского гражданина в иностранных портах всего мира. Выпейте за них. Они заслужили этот тост!

27 марта

Домой! Корабли разворачиваются на север, желанный курс. Штормит. Холодно. Обледенение, но что все это значит, когда нос корабля смотрит туда, где за тысячи миль отсюда находится родная земля. Холодный юго-западный ветер несет водяную пыль, и она оседает в бороде и на бровях ледяными сосульками, течет колючими струями по спине, пока не согревается от тепла тела. К концу вахты зуб на зуб не попадает, ноги выбивают чечетку. Пустяки! Все равно — курс на Север, домой.

29 марта

Прошли сутки, вторые, третьи. Медленно поднимается температура — минус восемь, минус шесть, минус четыре, минус один и наконец-то, теплынь какая! — плюс три.

Барометр поднялся до 752 и вдруг резко на глазах начал падать. Северный ветер свирепо набросился на страну ледяных гор. Он-то и принес потепление и туман. Позади остались

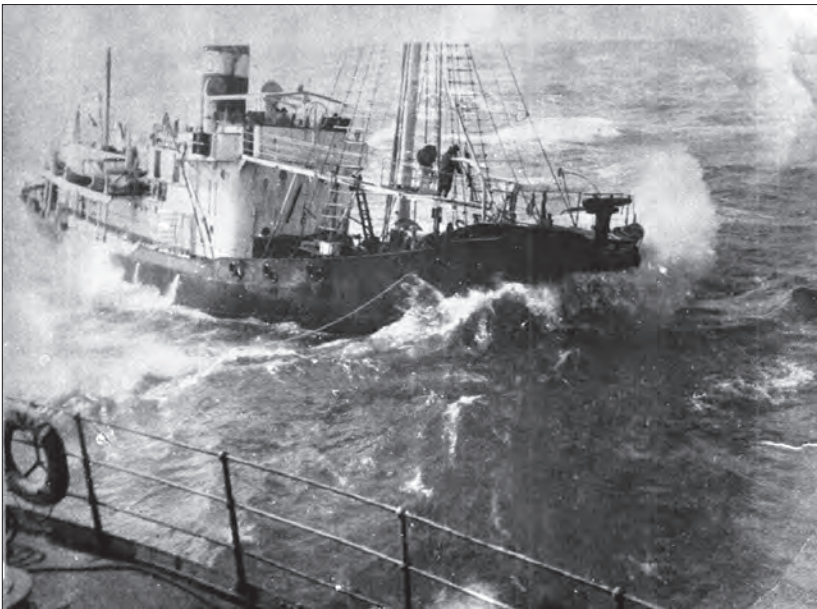
Оркнейские острова — безлюдные клочки оледенелой земли. Скоро Фолклендские острова, а за ними рукой подать до берегов Южной Америки.

Чудесная вариация на тему «стану сказывать я сказки, песенку спою. Ты ж усни закрывши глазки, баюшки-баю». Нежная, лирическая и вслед за ней сногшибательное отвратительно дисгармоническое буги-вуги.

1 апреля

Ночь тиха, безветренна. Входим в «ревущие сороковые». Но тишина какая-то зловещая, нервирующая. Бледные краски неба на заходе солнца, мутные испуганные звезды, резкий круг вокруг луны — все это не к добру. Жди шторма. И правда — тишина продержалась только до утра.

Задул юго-восточный ветер, довольно редкий в этих широтах и с каждым часом начал крепчать: 4-6-7-баллов. 8-9, 10, 11 баллов в корму. Кажется, что вся расвирепевшая Антарктика набросилась на уходящую из её вод флотилию. А по радио

Будни китобойцев

из репродукторов льется полная страсти песня аргентинской певицы Лолиты Торез (из фильма «Возраст любви»).

Сначала на судно неслись седые волны с опрокинутыми гребнями, затем ветер смыл их, сгладил и понес с собой густую водяную пыль. Океан рокотал. Нет, это не свист ветра в снастях — это голос взбесившегося, злого океана, который, казалось, задался целью потопить маленький кораблик, запугать и нагнать страх на горстку людей, вступивших с ним в борьбу.

Мужество — это не незнание страха, мужество — это отчетливое представление об опасности, о риске, быть может, связанном с жизнью и сознательное подавление в себе животного чувства страха во имя более благородной цели, это торжество духа и тела над любыми опасностями. Мужественным может быть только тот, кто видит перед собой цель и смело идет к ней (не считаясь ни с какими трудностями).

Шторм продолжался всю ночь и только в полдень стал постепенно стихать.

3 апреля

Подходим к 40 градусам широты. На небе появились веселые светлые тучки, подувают себе с разных сторон ветерки, а Жора мучает аккордеон и слух окружающих. На палубу не падают потоки воды. Уже 16 градусов тепла. Через полтора суток порты Монтевидео. Монтевидео, Буэнос-Айрес, Рио-де-Жанейро — мечта Остапа Бендера — приютились на восточном побережье Южной Америки. День и ночь из репродуктора льются без умолку характерные песни. Команда готовится к порту. Моют помещения, импровизированные парикмахеры кромсают волосы и стараются сделать прическу, причем иногда это даже удается, вытащены на свет костюмы — их тоже надо привести в порядок — почистить, погладить, пришить оборванную пуговицу.

Уже сброшены теплые вещи и как-то неудобно налегке, как будто чего-то не хватает.

И все торопишь время: быстрее, быстрее. Быстрее бы план выполнить, быстрее бы месяц кончился, быстрее бы уйти из Антарктики, быстрее бы домой. И вспоминаешь вре-

мя первого свидания, когда хотелось крикнуть известные слова — остановись, мгновение, ты прекрасно! — но, увы, мгновение не останавливалось, а время летело с непостижимой быстротой, и жаль было на рассвете расставаться с любимой. Время неумолимо и никого не ждет. И очень жаль, что нельзя поторопить его в Антарктике и заставить медленно течь в минуты счастья.

Радио в Монтевидео уже сообщило о предстоящем причале «Славы» в порт.

5 апреля

Стоим в 17-ти милях от берега. Длинной сверкающей цепью горят огни большого города, а над огнями поднялась в черном звездном небе красавица Венера...

7 апреля

Вот и Монтевидео.

Корабли отшвартовались у отдаленного пустынного причала. Вход на причал жителям города запрещён.

Монтевидео

Выходим в город. Город большой с множеством магазинов, баров. Везде реклама, многоцветные плакаты, афиши кинорекламы. Город живет допоздна и утром на улицах ещё не успевают убрать весь скопившийся мусор.

Из 3-х миллионов населения Уругвая одна треть проживает в столице — Монтевидео. Может быть, поэтому город имеет тот особенный вид, отличающий его от городов Европейских государств. Центральные улицы города широкие, чистые, с крупными магазинами. Тут можно встретить последнюю модель американского автомобиля и буквально в ста метрах стоит на козлах в ремонте старенький «форд» на колесах со спицами, который уже четверть века колесил по дорогам Америки.

Узенькие улочки грязны и не благоустроены, на тротуарах выбоины, но реклама и здесь также пронзительно, как и на главных улицах, кричит о чуде, изготавливаемом той или иной фирмой. Вездесущая Кока-кола приютилась даже у скромной будочки мелкого торговца.

* * * *

В магазинах глаза у всех разбежались, и пафос советского бытия несколько снизился, а вскоре и вовсе улетучился. Моряки хватали вещи для себя, для своих жён и невест, не примеряя ни брюк, ни рубашек, а просто прикладывая всё к себе.

Хозяин одного из таких магазинчиков пытался зазвать моряков в примерочную, показывая отдельные кабинки с зеркалами. Но никто не обращал на его призывы никакого внимания.

— Ну а вы чего стоите, молодой человек, — обратился владелец магазина к Киму на английском, заметив, что молодой штурман в раздумьях стоит перед ворохом женских вещей.

— Для кого выбираете?

— Для сестры...

— Замечательно! Какая она? Опишите?

— Ну... красивая.

— Само собой. А какие у неё глаза?

— Светло-зелёные глаза...

— Блондинка?

Ким кивнул.

— Так она у вас действительно красавица! — воскликнул хозяин. — Ей пойдёт цвет морской волны. Вот платье из тонкого шифона. Она худенькая?

— Стройная.

— Ну да, конечно. Так это прямо для неё! Не беспокойтесь о цене — сделаю хорошую скидку. Что-то ещё? Может, у вас есть де-вушка? У меня очень обширный отдел женской одежды.

— Да нет, девушки нет... А вон то платье сколько стоит? — Ким показал на чёрное атласное платье с расклешённой юбкой.

— У вас хороший вкус, молодой человек. Оно подойдёт вашей сестре. А в придачу к вашим покупкам я дам вам замечательный кардиган для женщины средних лет. Это будет подарком вашей маме от моего магазина.

— Мамы уже нет, — печально сказал Ким.

— Ой, простите...

— Ничего. Зато есть тётка. Ей как раз впору будет.

— Ну вот и славно.

Через минуту хозяин принёс кардиган, слегка покачивающийся на вешалке.

— Вот, смотрите, какой красивый и... весьма скромный. Вашей тёте должно понравиться.

— Нет, я всё-таки так не могу...

— Простите?

— Без денег не могу.

— Как скажете. Тогда придётся выбрать другое платье для вашей сестры. А это идёт с кардиганом от магазина. Таков бизнес, молодой человек! — хозяин усмехнулся, выжидая.

Ким взглянул ещё разок на платье. Больно уж красивое. Женечка любит пощеголять. Ким вздохнул:

— Ну, ладно, раз уж у вас тут такие правила...

— Да, у нас тут такие правила. Ну что, берёте платье?

— Беру, конечно...

Хозяин взял сущие пустяки за свой товар и, казалось, был рад больше Кима, который вышел из магазина в полном смятении.

— Молодой человек, — окликнул его хозяин, когда Ким спускался по ступенькам, — в следующий раз прикупите что-то и для себя. Рядом с такими нарядными леди должен быть соответствующе одетый джентльмен.

Ким заверил его, что так и сделает, и отправился в порт. По дороге его окликнули из проезжающей мимо машины.

— Ким!

Машина притормозила, и он увидел своих с корабля.

— Садись, подвезём, — махнул ему рукой Жора, приоткрыв окно.

— Правда? Ну, давайте!

— Только мы сначала в один магазинчик заскочим вещи свои забрать. Прикупили там кое-что, а хозяин предложил кульки у него оставить, шоб нам налегке побродить по городу. Вот теперь в магазин заскочим и оттуда сразу в порт.

— Ну, поехали!

У входа в магазин их ждал работник с пакетом, в который были вложены кульки. Хозяин уже ушёл, а работнику велел дожждаться моряков.

— Ваши вещи, господа моряки, — сказал им работник с улыбкой, передавая пакет.

— Спасибо! Мерси! Танк ю! — Каждый поблагодарил на свой лад.

Работник ещё раз улыбнулся, все махнули ему рукой на прощание, и машина рванула по направлению к порту.

— Ну и ну, хлопцы, — подивился один из моряков, заглянув внутрь пакета. — Так усё аккуратно сложено, як в кубрике перед проверкой. У нас такого обслуживания я николаы и не бачив...

— А шо ты вообще бачив у себя на Молдаванке! — фыркнул Жора. Все рассмеялись.

Незаметно доехали до порта. Посмотрели, сколько по счётчику, сложились и протянули таксисту деньги. Он отрицательно замотал головой, давая понять, что денег не возьмёт с таких редких гостей. Как ни упрашивали его, он лишь продолжал отрицательно мотать головой и говорить что-то по-испански, оживленно жестикулируя. Моряки тоже не соглашались прокатиться задаром и в конце концов нашли компромисс. Один из них достал ассигнацию и написал на ней: «уругвайскому другу от русских моряков». Все с радостью расписались, и ассигнация перешла к шоферу. Тот бережно положил её в бумажник и крепко пожал морякам руку на прощание.

Когда вернулись на корабль и стали разворачивать кульки, вдруг обнаружили ещё дюжину брюк в придачу. Все, естественно, всполошились, стали гадать, что бы это могло значить.

Кто-то выдвинул версию, что это подвох со стороны хозяина.

— Испытываете нашу честность, господин? — выкрикнул догадливый, размахивая парой брюк. — Напрасно! Завтра все ай-да в магазин с этими кульками!

Его поддержали с большим энтузиазмом, и тоже стали вытряхивать из кульков дармовые вещи и размахивать ими в воздухе, присвистывая.

Ким хотел было пояснить, что это просто подарки от магазина, рассказать о том, как один хозяин дал ему в придачу вещицу для матери, но вовремя прикусил язык.

* * * *

В полдень следующего дня брюки были вежливо возвращены владельцу, невзирая на его попытки дать понять морякам, что это подарок.

На обратном пути в порт все были очень оживлены, гордились собой и решили отметить «такое дело». Зашли в ближайшую бадегу и за пивом долго ещё перемывали косточки хозяину магазина, ругая провокаторов-капиталистов.

Выпив по несколько кружек, моряки разомлели, и боевое настроение сменилось лирическим.

— А я вот вам историю одну сейчас расскажу, хлопцы, — сдув пену с очередной кружки, сказал Лёха — механик, плававший раньше на пассажирском теплоходе.

Все притихли, зная, что Лёха — кладёзь занимательнейших историй и говорит как по писаному.

— Не иначе как за любовь сейчас начнёт травить, — подмигнув всем, сказал Жора.

— Точно, за любовь, — кивнул Лёха. — Только вот за какую любовь!

— За какую же?

— За самую высокую.

— Ну давай, трави за высокую.

Все рассмеялись, но тут же смолкли, сгрудившись вокруг Лёхи.

— Так вот, — начал Лёха, отхлебнув из кружки, — дело было во Франции. Теплоход наш готовился уже к отплытию. Всё как положено — пассажиры по трапу с вещичками поднимаются, с пристани им машут, те машут в ответ, кричат что-то. Ну мы, понятно, ве-

щички помогаем пронести внутрь, приветствуем прибывших, то да сё... В общем, работаем по уставу. И вот почти всех уже погрузили, ещё чуток пассажиров у трапа осталось пропустить, а тут в самый последний момент глядим — мужик один седовласый, средних лет, к концу очереди подходит. В руках багаж, сам подтянутый такой, как боцман наш Петрович, и лицо у него тоже как у Петровича — волевое такое. Сразу видать — жизни понюхал. Ну так вот. Подходит он, значит, к трапу, а рядом женщина, жена его, тихая такая, ничем не примечательная. Обыкновенная русская женщина каких много. Я б и внимания не обратил, коли б не её выражение лица.

— А шо ж за такое выражение, Лёха? — с иронией поинтересовался Жора.

— А такое, что и не перескажешь, Жора. Глаза — как два колодца с тёмной водой. Будто всю ночь в слезах провела. Ну, думаю, что-то тут нечисто. Хлопцы наши тоже насторожились, друг с дружкой переглядываются. Рейс-то долгий, каждый на виду, все повязаны на две недели минимум, деваться-то некуда до самого прибытия. Так вот, разглядываем эту парочку, смекаем, в чём тут дело, а за ними ещё двое, тоже с теми же горестными лицами. Как оказалось, это дочь ихняя, лет так 23–24-х и молодой француз, муж её. Француза я сразу по виду определил. Такой весь из себя франтовитый — шарфик, беретик... А она... Ну совсем из другого теста. Статная такая, волосы русые, тяжёлые, короной уложены. А глаза... озёра. Нырнёшь — не вынырнешь. Таких глаз ни у кого не сыщешь, окромя женщин русского Севера.

— Ну уж и загнул ты, Лёха! Небось, в кино насмотрелся, — хмыкнул кто-то из слушателей.

— В кино, как же! — отпарировал Лёха. — Вон у Семёныча такая же северная царица дома ждёт.

Все оглянулись на Семёныча и согласно закивали.

— Ты давай продолжай, не отвлекайся, — смущённо пробормотал Семёныч, отхлёбывая пиво из кружки.

— Я — что? Я для наглядности... Ну вот... Подходят они, значит, к трапу, предъявляют билеты и удостоверения, родители по-быстрому с французиком раскланиваются, без лишних эмоций, и поднимаются на корабль. И тут, братцы мои, начинается такая сцена, такая сцена, которую не забыть мне вовек. Как сейчас вижу. Оборачивается она к своему французу, он глаз с неё не сводит, белый такой стал, а она как бросится ему на шею и как запричитает что-то по-ихнему. А он как

всхлипнет, как схватит её, как прижмёт к груди и умоляет, и умоляет, чуть ли не на коленях. А она только головой качает и рыдает, качает и рыдает. Ясно, что отказывает ему. Все притихли, пассажиры застыли на местах кто где стоял, и смотрят в одну точку. И вдруг француз как выкрикнет на ломаном русском: «Наташа, я не могу без тебя жить! Останься, умоляю!» Женщины в толпе уже всхлипывают... А тут второй гудок. Наташа на теплоход глядит. Там на палубе родители её стоят, смотрят, ни слова не говорят. Ну, думаем, останется Наташа наша с французом, как пить дать, останется. А она вдруг выпрямилась, резко так, обхватила ладонями его лицо, порывисто поцеловала и побежала к трапу. Он и опомниться не успел. Стоял как вкопанный, глядел ей вслед. И только когда она уже поднялась по трапу, закричал что было сил: «Наташа!» Она вся аж задрожала, схватилась за поручень, но не обернулась, и звука не издала в ответ на его призыв. Команда замерла. Я взглянул на капитана. Тот сверил часы и отдал приказ отчаливать. «Ничего, скоро успокоится, — сказала пассажирка французенка, когда мы отчалили. — Французы долго грустить не могут. До первой женщины». Да... — Он отпил ещё немного из кружки и задумался.

— А дальше? Что было дальше? — слышались нетерпеливые возгласы.

— А дальше — теплоход отошел, опустел причал, и только тот француз стоял и смотрел нам вслед, пока не исчез из виду. Плыли мы неделю. Потом показались родные берега. Все оживились, забегали, а те трое выстроились на палубе и всё всматривались в ту серую полосу земли, что называлась родиной.

Лёха сделал паузу, и на сей раз никто не осмелился нарушить её. Все вдруг словно как по команде увидели внутренним зрением ту самую полосу.

Лёха продолжал:

— Ветер подул. Холодный северный ветер. Трошки покачивало. Они были одеты в легкие демисезонные пальто, и чувствовалось, что очень продрогли, но с палубы не уходили. «Господи, дождались-таки увидеть тебя, Россия-матушка! — всё приговаривала мать. — Как-то ещё жить будем, а всё дома, всё у себя. И помирать на своей земле не страшно», — Лёха снова выдержал паузу и заключил: — Так-то. Большая любовь...

Ещё несколько минут все молчали, потрясённые неожиданной концовкой и думая о большой любви.

Начало вечереть. Закатное солнце налилось спелым яблоком, медленно готовясь к приводнению.

Пожав на прощание трудовую руку хозяина бадеги, моряки отправились на корабль. Возле порта к шумной компании подошёл мужчина в чёрном берете и на ломаном русском предложил взглянуть на пару молоденьких весёлых девочек.

— Вы можете хорошо провести с ними вечер. «Стоит недорого», — сказал он. Разгорячённые выпивкой и происшествием моряки выслушали его предложение, соображая, что сказать. Кто-то уже собирался спросить о цене, но тут на арену вышел зачинщик похода в магазин и с завидным хладнокровием ответил за всех:

— Не стоит беспокоиться, синьор, нас ждут наши девушки, которые не продаются за деньги.

Все радостно закивали. Сутенёр явно опешил:

— Воля ваша, воля ваша, — промямлил он, отступая в тень. — Необычно как-то... Моряки вообще-то никогда не отказываются от женщин...

— Моряки разные бывают, — отпарировал зачинщик. И прибавил: — Ай-да на корабль, ребята! Поздно уже.

7 апреля

Желающих попасть на «Славу» очень много, но не многим удастся получить разрешение местных властей чтобы пройти в порт. Несмотря на это, каждый вечер приходят горожане, чтобы своими глазами посмотреть на советский корабль, поговорить с людьми, посмотреть фильм. Все их интересует, и они забрасывают вопросами моряков. В числе посетивших — министры, члены правительства.

Пришли члены славянского общества. Некоторые из них хорошо ознакомлены с жизнью в Советском Союзе.

Один из них, русский по национальности, проживает вблизи города. Семья переехала в Уругвай ещё в 1914 г. и он родился уже в Уругвае. Он выписывает «Известия», «Огонек». Самой большой его мечтой является желание поскорее приехать в Советский Союз. Разрешение на выезд он уже получил, но билет до Советского Союза стоит очень дорого. Если даже все распродать, то и тогда не хватит на билет.

Капитан-директор флотилии А. Н. Соляник

В переводе на наши деньги билет стоит более 5000 руб. Но он надеется, что его мечта осуществится. Он с жаром говорит о необъятных просторах целинных земель. Он прочел, что бухгалтер — житель города, уехал на целинные земли и работает трактористом.

— Мне, — говорит он, — знакомому с сельским хозяйством, не потребуется много времени для ознакомления. Я могу выполнять любую с/х работу, управлять трактором. — Он раскрывает нам картину жизни, которую не всегда можно заметить сквозь шикарные витрины блестящих магазинов, колонны новеньких машин последних марок, внешнему проявлению комфорта.

В городе более 30 тысяч проституток, очень много безработных и рабочих, которые работают не более 10-12 дней в месяц. Мелкие фермеры разоряются, уходят в город и там пополняют собой ряды безработных.

Нам и раньше приходилось читать о подобных проявлениях буржуазного режима, но трудно было себе представить всю тяжесть жизни рабочего и мелкого фермера, о которой он так ясно рассказал.

— Многие из нас мечтают приехать в Советский Союз. Мы знаем, что работа там найдется для нас и на шахтах, и на стройках, и на целинных землях. Мы себе ясно представляем, что на первых порах будет трудно, но наши руки не боятся никакой работы, а сознание, что работаешь для себя, для своей страны, а не для набивания карманов капиталиста, удесятит наши силы.

— Он горячо прощается с нами, крепко жмет руки.

— До скорой встречи, друзья, в вашей стране, когда я получу право назвать вас товарищами.

Здесь же в порту, стоит американский ледокол антарктической экспедиции. Офицеры ледокола во главе с адмиралом наносят визит на «Славу». Ледокол завтра уходит в Антарктику. Адмирал преподносит в честь визита комплект карт Антарктики, производится обмен кинофильмами для просмотра. Вечером мы смотрим американский фильм. «Высадка на Антарктический континент». Американцы смотрят наш фильм «Советские китобои».

С утра ледокол проходит мимо наших кораблей. Команда и офицеры выстраиваются на палубе, приветствуя советских моряков. На мачте «Славы» взвился сигнал из трех флагов — «Счастливого плавания» — и тотчас же с ледокола последовал ответ: «Благодарю».

12 апреля

Но близится время отхода. Уже в котлах гудит пар, делают первые обороты вспомогательные механизмы, и утром на мостике появляется лоцман.

На много миль простирается залив Ла-Плата. К вечеру прошли маяк Лобос. Он таинственно подмигнул нам единственным своим глазом и скоро скрылся в черной ночи, когда Санта-Мария удивленно моргнула, провожая своим лучом.

Атлантический океан ленивый и притихший, вновь раскинулся перед нами.

Плавание в тропиках всегда однообразно, и если это не первый рейс, не представляет интереса. Переменные ветры провожали нас до самого тропика Козерога, где сменились SO

пассатом. Температура медленно поднимается: 27, 30, 32 градуса... Появились летающие рыбки, изредка вынырнет акулий плавник. Но, в основном, океан тих и пустынен. На небе повисли легкие неподвижные облака, и к вечеру небо расцвечивается пурпурными и золотыми оттенками, края облаков обрамляются в розовый цвет.

Полная тишина, заходит за горизонт алое солнце, и сразу же вспыхивают Венера, за ней — Юпитер, яркий Канопус. Небо быстро темнеет, и кажется, что звезды растут, усеивают черное небо, переливаются и дрожат. В воде много фосфора. Усы от хода судна загораются нежным салатовым светом. От носа корабля разбегаются светящиеся полосы рыбных трасс. В машине температура достигла 56 градусов, а в кочегарке перевалила за шестьдесят. Где-то далеко на востоке остался уединенный островок Святой Елены, а впереди берега Африки — Золотой Берег, Берег Слоновой Кости.

*

Пустынный океан живет своей жизнью. Летают рыбки, прожорливая акула увязалась за китобойцем в надежде на наживу, но вскоре отстала. Показались вдали наклонные фонтаны большого стада кашалотов, проплыла причудливая рыба-молот, а каракатица — живой реактивный двигатель — все время меняя скорость и направление, рывками передвигалась под водой в погоне за добычей. На поверхности воды, подгоняемые легким ветерком, плыли нежно розовые «фрегаты». Над водой виднелись их гребешки, а под воду были опущены тонкие нити, словно корни. И только птиц не было видно. Сюда уже птица не залетает.

Самые южные созвездия уже не поднимаются высоко и, наконец, мы в Северном полушарии, первым вестником которого явилась маленькая тусклая едва-едва различимая у самого горизонта, Полярная звезда.

Штилевая полоса. Ветра нет. Душно. В машине люди обливаются потом, кочегары после вахты долго не могут прийти в себя от жары, а океан безразлично проходит мимо бортов. Величественный, бездонный, равнодушно-ленивый.

*

Подул северный ветер, нагнал откуда-то облака, и небо разверзлось невиданным водопадом. Однако дождь длился недолго, и вновь на небе засияло яркое солнце. Ветер сменился и начал дуть постоянный пассат северо-восточный. Обычно сила его не велика. Но в этом году, перевалив 18 градусов северной широты, пассат задул с необычайной силой. Ночью сила ветра достигла 9-ти баллов. Китобоец двигался вперед в ореоле светящейся, клокочущей пены. Кораблик кланялся подхлывшим волнам, так же часто отбивали поклоны люди на открытом мостике, чтобы как-нибудь укрыться от потоков воды, летящих на них.

Каждые 2-3 секунды (без преувеличения) водяные каскады низвергались на мостик, перелетали мостик и обрушивались на кормовую палубу. Одним из таких каскадов на мостик выбросило большую летающую рыбу. Рулевой проговорил с усмешкой:

— Океан дает выпить и про закуску не забывает.

Действительно, рыба весом более полкилограмма, оказалась довольно вкусной. За чаем началась обычная «морская травля». Кочегар передавал «репортаж»:

— Сегодня китобойная флотилия, пересекиши экватор, продолжала плавание в Северных тропиках, команда загорает в кочегарке и принимает соленый душ на мостике.

*

Подходим к Канарским островам. Ветер немного стих. Прошли проливом между островом Фуэртовентуре и через трое суток — последний порт захода, последний иностранный порт — Гибралтар.

*

А тут и праздник — 1 мая. Штормит. Команда выстроилась на кормовой палубе, и под торжественные звуки государственного гимна медленно поднимается флаг Советской державы. Обед весьма скромный — продукты уже на исходе, да и повар разленился. И сто грамм в честь праздника.

*

К полуночи третьего мая с мостика заметили слабую светящуюся точку. Открылся маяк. Скартель, расположенный на африканском мысе, а через полтора часа маяк Трафальгара возвестил об открытии Европы.

*

Гибралтарский рейд оказался пустынным — несколько кораблей зашли сюда на кратковременную стоянку, чтобы пополнить запасы. Сюда недавно заходила американская эскадра и вышла в Средиземное море. Её присутствие мы почувствовали вскоре по выходе из Гибралтара.

Американские корабли вели себя в Средиземном море, как в американском озере: останавливали суда. Запрашивали позывные, нахально, не считаясь с морскими правилами и обычаями, пересекали строй флотилии.

*

К рассвету 10 мая показался Греческий мыс Матапана и через 4 часа плавание продолжалось в Эгейском море. Со всех сторон теснились хмурые гористые острова архипелага Белопуло.

Из-за острова Макронисос вышел небольшой неуклюжий, как утюг, военный греческий сторожевой корабль. Согласно международным обычаям, мы первые приветствовали его, приспустив до половины мачты флаг. Он ответил на приветствие, также приспустив свой флаг. На мостике и палубе матросы и офицеры приветствовали советские корабли, махая руками и бескозырками. Ещё два года назад не было таких дружелюбных приветствий. Но особенно сердечные приветствия с обеих сторон были при встрече с танкером «И. Сталин». Команды советских кораблей высыпали на палубу, раздавались приветственные выкрики, и три продолжительных гудка обоих судов пожелали друг другу счастливого плавания и скорого возвращения на Родину.

*

Но вот уже входим в Босфор. Вечер. На площадках башен минаретов зажглись огни, светящаяся реклама расчерчивала замысловатые фигуры и незнакомые турецкие подписи.

На мостик поднялся небольшого роста полный турок-лоцман и повел проливом. Команды рулевому подавались на русском языке. Третий помощник предложил лоцману папиросу. Тот взял папиросу и стал разглядывать рисунок на коробке — «Запорожцы пишат письмо турецкому султану».

— Красивый рисунок, — сказал он.

— О, да! Даже очень. Русским такие рисунки очень нравятся, — отвечал 3-й помощник, со скрытой иронией в голосе.

*

Босфор остался за кормой. Впереди раскинулось родное Черное море. И все как будто бы стало иным. Кажется, какая может быть разница между Черным и, например, Средиземным морем? И там вода, и тут вода. И там ясное небо с теми же звездами, что и тут. Но разница есть. Откуда-то издалека ветер приносит запах йодистых водорослей, звезды тусклые и более знакомы, чем где бы то ни было в любом месте Земного шара. Кажется, что даже дельфин черноморский прыгает вокруг носа не так, как в других морях.

— Знаешь, — говорит мне товарищ, — вот уже полгода как ушли мы из своего порта и каждый раз считали дни, когда снова увидим родные берега... Очень ждали этой минуты... А вот сейчас, когда до порта остаются считанные часы, когда уже осязаемо чувствуешь радость встречи, радость возвращения — рождается какое-то чувство непонятное, жаль, вроде, что последние часы рейса идут, что уже не будут будить тебя в привычное время на вахту, что у каждого из нас появятся другие интересы, кроме общих.

Что это? Любов ли к морю, или привычка к определенной обстановке корабля? И все равно торопишь время — быстрее, быстрее. Ох, как долго тянутся эти последние часы!

Последние часы... Не месяцы, не недели, даже не дни, а только часы... И на рассвете появятся знакомые очертания берегов, знакомые здания и близкие лица, которые так долго ждали этой встречи и которых так хотелось видеть в продолжении многомесячного рейса.

Д Л Я З А П И С И

Босфор оказался до изумления. Впереди
 расступилось родное Черное море.
 И все как будто бы стало иным.
 Кажется какая-то новая разница
 между Геллики и, например, средизем-
 ном морем? И там вода, и тут
 вода, и там такое небо с теми
 же звездами, но и тут. Но разница
 есть. Видно, но почему-то востор-
 гнутая подлинная водородная, здесь
 лучше и более знакомы, чем где бы
 то ни было, в любой мере земном
 море. Кажется, но даже дельфин
 совершенно мурлыкает вокруг носа
 не так, как в других морях.
 - Знаешь, - говорит мне товарищ -
 вот что более интересно как чув-
 стви из обеих порты и матовой рас-
 сибам дни, когда снова увидим
 родные берега... Усталы будем
 мучиться... А вот сейчас, когда
 до порты становится слышнее

Часть четвёртая СВАТОВСТВО

Визит тётки

В порту Кима давно уже никто не встречал. Женя работала, а больше некому было. Раньше, при жизни матери, из каждого его возвращения устраивался праздник, а теперь наступили будни. Нет, не те, о которых он мечтал вдали от берега, а настоящие, лишённые романтики, беспросветные будни.

Вот и сейчас возвращался он к себе после рейса с одной только мыслью прийти домой и свалиться в койку. От усталости не замечал уже ничего, даже город не радовал, как прежде. Всё как-то потускнело, облупилось, потеряло былую привлекательность. Он шёл по потрескавшемуся асфальту, мимо дворов с запахом мусорных баков и жареных бычков. На чугунных воротах красовались надписи мелом «Туалета нет», но это было неправдой, и надписи постоянно кто-то стирал, а жильцы писали их снова.

Придя домой, Ким бросил вещи прямо у двери, опрокинул рюмку водки, закусил застарелым куском копчёной колбасы, выкурил папиросу, и как только усталость дала себя знать, бухнулся на диван и мгновенно провалился в сон.

Звонок в дверь с последующим настойчивым стуком пробудил его. Пока приходил в себя, пытаясь понять, где он находится, стук повторился ещё несколько раз.

— Да слышу, слышу... — глухо отозвался он, надевая брюки. — Сейчас открою. Кто там?

— Свои, открывай! — раздался немного сердитый женский голос.

Голос показался ему знакомым, но спросонья трудно было сообразить, кто это. Наконец он отпер дверь. Женщина — довольно крепкая, невысокого роста, средних лет со свёртками в руках, отдувалась, поставив перед собой чемодан. По всему было видно, что настроена она весьма решительно.

— Марья Юрьевна! Какими судьбами? — обрадованно воскликнул Ким, беря у неё свёртки и внося чемодан в прихожую. Она наблюдала, подбоченясь, как он пытался найти место её вещам в прихожей.

— Ну что, может, пригласишь тётку в дом? — спросила она, наконец.

— Да, да, конечно, проходите! Вот сюда... Простите за беспорядок... Только с рейса пришёл и завалился спать...

Ким посторонился, отодвигая ногой коробку с обувью. Гостья прошла в комнату, чуть переваливаясь, и, словно барахтаясь в воздухе, замахала руками.

— Фу! Накурил как! Хоть топор вешай! Тут и разглядеть-то ничего нельзя. Ну и дымище! Ты что, теплоход?

— Пароход, — отшутился Ким, быстро приглаживая волосы.

— Мне это всё одно, а вот ты лучше скажи, племянничек, до каких пор бобылём жить будешь? К тебе ведь ни одна женщина не войдёт в такой бедлам. — Она поковыляла на кухню, покачивая головой и приговаривая: — М-да...

— Чайку с дороги? — спросил Ким, пытаясь исправить впечатление и ставя чайник на плиту.

Марья Юрьевна открыла холодильник.

— Ну вот, так я и думала. Водка да селёдка. — Она снова покачала головой.

— Да вы не беспокойтесь, тётя, это мы вмиг исправим. Пока чай закипит, я сбегаю в гастроном. Он тут, на углу.

— Да знаю я твой гастроном! Помню. Ничего, кроме мух на прилавках. Я тебе тут наших продуктов привезла, молдавских. Ну-ка принеси мне сюда те свёртки, что возле чемодана!

Ким поспешно принёс свёртки и положил их на стол перед тёткой, которая уже отдувалась на табурете, обмахиваясь старой газетой.

— Ну вот, сейчас... — Она стала разматывать свёртки и доставать слегка уже промасленные упаковки с едой.

Холостяцкое жилище быстро наполнилось ароматами семейного очага.

— Боже, да где ж вы всю эту красоту достали, Марья Юрьевна? Это ж целый пир на весь мир можно устроить! — подивился Ким.

— Есть свои люди на базе, — гордо заявила тётка, явно польщённая впечатлением, которое произвели дары на племянника. — Ты давай, перекуси немного, а потом Жене на работу позвони, вечером вместе обедать будем. Две копейки на автомат найдутся, надеюсь?

— А как же! Вон, целый карман! — Ким весело позвенел мелочью. — Мне без этого никак нельзя.

— Ладно, ладно. Потом расскажешь. Вот тебе бутерброд, жуй и беги, позвони, пока она с работы не ушла. А то уже скоро и рабочий день закончится, будешь тогда к ней домой за приглашением ехать.

— Не волнуйтесь, тётя, сейчас мы всё уладим, — с набитым ртом уверил её Ким.

— Ох, ты ж горе моё, — завздохала тётка, глядя на изголодавшегося по нормальной пище племянника. — Ты ешь, ешь, успеется позвонить...

* * * *

Вечером пришла Женя с семьёй.

— Моя ты красавица! — запричитала тётка, обнимая Женечку. — И ты тоже такой красавицей станешь, когда подрастёшь, — наклонилась она к Лорочке, чмокнув её в щёку.

— А что ты мне привезла? — полюбопытствовала Лорочка, вырываясь из тёткиных объятий и пытаясь раскрыть чемодан.

— Ну, девка, не пропадёшь! — захохотала тётка, вытаскивая из сумки леденцы и красочную детскую книжку. — Читать любишь?

— Не-а. Я люблю, когда мне другие цитают. А ты мне будешь цитать?

— Буду, буду. Пока иди, полистай сама книжечку, а мы тут с родителями побалакаем.

— Я не знаю что такое побалакаем, — сказала Лорочка, усаживаясь на диван с книжкой.

За разговорами был незаметно накрыт стол, и тётка, в новом кардигане, так кстати прикупленном для неё в Монтевидео, скомандовала всем мыть руки и усаживаться «согласно купленным билетам».

— Пожалуйте, пожалуйста, — приговаривала она, предвкушая наслаждение от того, как станут поедаться привезенные ею яства.

Все двинулись к столу, сглатывая слюну.

— Рассаживайтесь, а я тут картошечки ещё нажарила. Котлеты, колбаску берите, и лучок, лучок зелёный с огурчиками... А что Лорочке можно дать?

— Она в саду только поела, ещё не голодная, — ответила Женя, надкусывая котлету.

— Ох и сочные же у вас котлетки, тётя! Фирменные! Ну, рассказывайте, как там Люсенька, Эрик.

— Да нормально всё у них. Как же ещё-то! Они ведь два ведущих врача в нашей Каларашской больнице. Устроены прекрасно, дай бог каждому. Ни в чём не знают отказа, все к ним ходят, продуктами балуют, всё свеженькое, домашнее.

— Ну да, ну да, — одобрительно закивал Сергей, накладывая копчёную колбасу поверх картошки.

— А Кимуля у нас настоящим капитаном стал! — похвасталась Женя, прильнув к брату на минутку. — Огурчик наколи... Ага, спсибочки!

— Да что ты? Да как же это? Ким, так что ж ты мне сразу не сказал! «В гастронорме сейчас сбегая», — говорит, а о новости такой важной умолчал. Когда ж ты звание своё получил?

— В мае, тридцать первого, — ответила за него Женя. — Представляете, тётя, ему присвоили звание капитана дальнего плавания!

— Ну, Ким, ну, ты даёшь! Фенечка вот не дожила... Но она всегда верила в тебя, всегда! Ой, давай-ка я тебя расцелую, племянник ты мой золотой! — Она громко чмокнула Кима в щёку. — Колючий... Побриться не забудь, капитан! Так, говоришь, тридцать первого мая? Ну, за это нужно выпить. Наливайте бокалы за нашего фамильного новоявленного капитана!

Все радостно разлили молдавское вино и звонко чокнулись.

— Ну, чего ж тебе ещё пожелать? — спросила тётка, опорожнив бокал. — Выше уже, вроде, и звания нет... А коли так, то береги себя и будь достоин своего звания! Нелегко оно тебе досталось, но впереди — жизнь, тоже не простое дело. Как там у вас, моряков, говорится? Жизнь прожить — не океан перекачать! — Довольная сымпровизированным каламбуром, тётка наколола на вилку котлету и

с аппетитом закусила. — И впрямь сочные получились. Даром что в поезде со мной ехали. Ни чуточки не посохли.

— А надолго ли сюда, к нам, Марья Юрьевна? — осведомился Сергей, подморгнув Киму.

— Если Ким не выгонит, то пару недель побуду, кости свои на вашем одесском песочке погрею.

— С чего это я вас выгонять стану, тётя? Вы нам родная. Живите себе тут на здоровье, отдыхайте. А хотите — на дачу перебирайтесь.

— Ну, спасибо, добрая душа! — она приложила руку к сердцу и в умилении покачала головой. — Ой, Феня, Фенечка, такого красавца вырастила... А что, от Тани давно ли что-то получал?

— Да как развелись они, не слыхал о ней больше, — ответила за него Женя. — Только алименты отсылает, а на письма она не отвечает. Даже о Сашеньке ничего не известно.

Ким помрачнел.

— Ну, будет тебе Женя. Давайте выпьем за нашу гостью. За вас, тётя, — сказал Ким, открывая новую бутылку.

Насытившись закусками, все немного размякли, подобрели.

— Вот что я тебе скажу, племянник, — вдруг решительно заявила тётка. — Жениться тебе пора. Мужики одному жить негоже, и мать твоя этого бы не одобрила.

— О женитьбе он и слышать не хочет, — горестно покачала головой Женя. — Уж сколько невест ему приводила — даже смотреть не желает.

— Это что ж так? — вскинула брови тётка. — Болен, что ли?

— Да здоров, здоров, — пробормотал Ким.

— Ну, а здоров, так и заводи здоровую семью, — отрезала Марья Юрьевна.

— Никто мне не по душе, а так — уже было один раз. Больше безотцовщину не стану разводить.

— Не по душе, говоришь? А ты душу-то открой сперва, а потом уже выводы делать будешь, — отпарировала тётка.

— Да кому открыть-то? Некому...

— Ну да, некому! — возмутилась Женя. — Я тебе и Людмилу приводила, и Регину...

— Да не нужны мне твои Людмилы да Регины! Не мои! Точка.

— Ну, а с моей невестой хочешь познакомиться? — вкрадчиво спросила тётка.

— Откуда я знаю? — буркнул Ким. Не хотелось ему гостью обижать.

— А ты её видел.

— Когда?

— А тогда, помнишь, я с ней как-то приезжала? Она после десятого класса в институт в Кишинёве поступала, а я её с собой отдохнуть на недельку к вам взяла. Лялечкой зовут.

— Это черноволосенькая такая, что ли?

— Она самая. Знала ведь ещё тогда, что заприметил её! — воскликнула тётка, повернувшись с победоносным видом к Жене. — Сразу почуяла, что Лялька в его вкусе!

— Так она ж только недавно школу окончила, — удивился Ким.

— Окончила. А теперь уж и институт заканчивает. Такая красавица стала — глаз не оторвать! К ней один оператор посватался, на практике познакомилась, да Надежда Константиновна, мать её, не хочет дочь киношнику отдавать... Ну, так что? Знакомить?

То ли упоминание о сватовстве киношника, то ли его собственные воспоминания подействовали на градусе, только Ким вдруг выпалил:

— Знакомьте, тётя! На этой — женился бы. Все рассмеялись.

— Ну, вот и сговорились, — удовлетворённо сказала Марья Юрьевна. — А теперь спать пора, утро вечера мудренее...

— Так куда ж спать? — заволновался вдруг Ким. — Ехать надо. К ней ехать, знакомиться.

— Ну, езжай. Завтра с утра и отправляйся, а я тут пока побуду, дом в порядок приведу. Люсенька с Эриком тебя ждут, я им сказала, что ты приедешь. Надежду Константиновну мы тоже предупредили, она ждёт.

— А её?

— А зачем её? Её мы неожиданностью возьмём. Появишься ненароком, иначе всё испортишь. Сказала ведь я тебе — засватана девка за другим. Узнает, что мать знакомить хочет, откажется. Понял?

— Понял... Ну и стратег вы, тётя! Вам бы китов отлавливать — весь план бы за неделю выполнили!

* * * *

На следующее утро он сидел в плацкарте поезда, движущегося по направлению в Калараш, и вспоминал их первую встречу.

Дело было на даче, которую Ким купил перед тем, как Сашенька родился. Таня работала, а Ким только из рейса вернулся. В тот день он стоял на кухне, кашку варил ребёнку. Сашенька рядом крутился — смотрел, как дым из кастрюльки поднимается. Вдруг дверь отворилась и вошла тётка Марья с девушкой. Он знал от Жени, что тётка сняла неподалёку комнатку у моря с одной знакомой, чтобы отдохнуть недельку. У них остановиться наотрез отказалась, сообщив, что будет не одна. Поскольку Марья Юрьевна была вдовая, все подумали, что она с кавалером, и настаивать не стали.

То, что это действительно знакомая, а не знакомый, и то, что знакомая будет так молода и хороша, Ким не ожидал. Даже опешил в первую минуту.

— А это Лялечка, я её с собой к морю привезла, — представила девушку тётка, отметив про себя реакцию племянника. — Её мать с моей Люськой в больнице работает старшей акушеркой. Лялечка только что выпускные экзамены сдала, в институт поступать собирается, пусть отдохнёт немного у моря, позагорает на вашем черноморском песочке. Нам тут твоя Женечка помогла комнату снять по дешёвке. Женечка это сестра Кима, — пояснила она Ляле. — Сашуленька, детка! — обернулась она к годовалому ребёнку, потрепав его по щёчке. — А вот тебе книжка, сказки. Смотри, какая красивая!

— Да, у вас там, в Молдавии, книги дивные! — подтвердил Ким, выключая кашку. — Ну, всё, идём кашу есть. — Он взял Сашу на руки. — А то мама вот-вот придёт и нам попадёт, если мы вовремя не покушаем.

— Ты остуди, не давай ребёнку с огня... — заволновалась Марья Юрьевна.

— Да знаю, знаю, не впервой. За книжечку спасибо! Заходите к нам вечером.

На этом визит и закончился, но воспоминание о нём почему-то всё длилось. Чем-то эта девушка напомнила Киму тогда его первую военную любовь. Такая же черноволосая, худенькая, глаза выразительные, карие, а лицо беломраморное... Л. была её старше всего на год, когда они с Кимом познакомились... Время, время, куда ты всё унесло?

«Раз-два-три, раз-два-три», — бодро выстукивали колёса.

День стоял на редкость солнечный — ни единого облачка, словно ветер сдул весь пух небесный, а после отполировал синеву. Ким испытывал что-то между восхищением и страхом, думая о предстоящей встрече, и ощущение, будто он балансирует на гребне волны, не покидало его всю дорогу.

На холмах Молдавии

Поезд прибыл на станцию с опозданием на полчаса. Ким вышел из вагона и несколько минут наслаждался холмистым пейзажем молдавского местечка.

Перрон был маленьким, но людей сошло довольно много, в основном женщины с кошёлками, прикупившие что-то в Кишинёве.

Городок остался у него в памяти очень светлым и уютным. Магазины, газетные киоски, будочки с водой, а в центре — универмаг, как большой пароход на лодочном причале.

С вокзала Ким направился к Люсе с Эриком. Дорога была знакома — несколько узеньких улочек, а затем — наверх, в гору, где располагался бельэтаж с цветущими садиками.

Пели птицы, дома утопали в зелени, на ветвях качалась спелая вишня, и синели сливы. Вокруг ароматных плодов тяжело кружили наполненные золотым нектаром пчёлы.

Вот и Люсина калитка. Ким легонько толкнул её, и из будки выскочил удивлённый пёс. Он не залаял, а только остановился и зевнул, широко разинув пасть.

— Кимчик приехал! — слышался Люсин голос с веранды. — Мама-таки была права!

Следом из окна высунулся Эрик.

— Ким, здоров! Ну ты, брат, даёшь! Я уж тут было собрался поспорить с Люськой на то, что тёщин план по сватовству сорвался.

— Ой, ну посмотрите только на него, спорщик мне тоже нашёлся! Веди лучше гостя в дом! — Люся, не дожидаясь, сама подбежала к Киму, чуть прихрамывая, и крепко обняла его. — Ну, мо-

лодец! Вот это я понимаю, — приговаривала она, отворяя двери в прихожую.

Ким вдохнул ещё раз аромат молдавского сада. Хорошо!

Люся тем временем стала хлопотать на кухне, нарезаая овощи и разворачивая свёртки. Война и на ней оставила отметину. Да ещё какую! Другая бы давно сникла, а Люське — хоть бы хны. Словно и не попадала она под бомбёжку четырнадцатилетней девчонкой, словно и не оторвало у неё ногу, словно и не была она при смерти. Оставшуюся культю кое-как обработали для того, чтоб протез можно было надеть, но врачи сразу предупредили, что ходить девочка сможет, а вот рожать с одной ногой — никогда. А Люська вопреки всему не только ходить, но и танцевать научилась, да ещё и как! Мужа своего будущего очаровала в танце, ему и в голову не пришло, что партнёрша его на одной ноге вальсирует. Будто огнём прошла его яркая белозубая брюнетка! Он свою первую жену бросил, и на коленях умолил Люську выйти за него, хоть и младше её лет на пять был. Уговорил-таки. Поженились, она ему дочь родила, медицинский институт закончила, на работу устроилась, ведущим специалистом стала, а по каларашским ухабам в больницу только на каблучках и топала.

Но и это ещё не всё. Никогда не забудет Ким, как приехали они к нему летом на дачу и пошли к морю. В душе он уже жалел Люську, что будет она сидеть на берегу и даже в воду зайти не сможет. Ну, да что поделаешь! Война и не так людей увечила. Все всё понимают, и, главное, Люська с восторгом к морю отправилась.

Расположились у самой воды, чтоб ей не так жарко было. Ким с Эриком пошли воду пробовать. А Люське уж невтерпёж:

— Ну, что, тёплая? — кричит.

— Люкс! — обернулся к ней Эрик.

Тогда она, как ни в чём не бывало, протез отстегнула, Эрику рукой махнула — давай, мол, я готова, и он тут же подбежал к ней, засуетился, поднял на руки и понёс в воду. А она хохочет, шалит, брызги поднимает.

«Вот это любовь», — подумал Ким тогда, наблюдая всю эту картину.

Пока он раскладывал чемодан и мыл руки с дороги, Эрик всё ходил вокруг него кругами, приговаривая:

— Ну тёща, ну генерал — всё рассчитала! Так и сказала, ждите Кима на завтра! Как в воду глядела...

Со двора шёл жар — июньское солнце брало своё, и даже пёс удалился под сень будки.

В доме было гораздо прохладней. В столовой тень падала от деревьев, и шторы казались в ажурных узорах, пахло сушёными полевыми цветами в вазочке на столе.

— Красиво у вас, — вздохнул Ким, оглядывая дом с какой-то неожиданной ностальгией.

Ему вспомнился Глухов и тот таинственный лес с озером в камышах, и сосновый бор, и дом, где даже скрип половиц бередил память. И зачем всё это закончилось, и зачем всё это длится, тревожит, обнаруживает себя в самое неурочное время?

— Ну и приезжай почаще, раз нравится! — сказал Эрик, похлопывая Кима по плечу и возвращая его к настоящему.

— Почаще не выходит — я ведь в разъездах...

— А мне вот у моря нравится! — весело воскликнула Люся, появляясь из кухни с блюдом картофеля, посыпанного укропом.

На столе уже были расставлены закуски — тот же ассортимент, что тётка привезла, плюс ещё много всяких других вкусностей домашнего приготовления.

Ким изрядно проголодался — ничего с собой в поезд не захотел брать, только чай заказал с бисквитным печеньем.

— Мальчики, к столу! — скомандовала Люся.

Все быстро расселись по местам, предвкушая пиршество. Эрик откупорил молдавское вино и аккуратно разлил по бокалам.

— Ну, что, за встречу, братец дорогой! — весело воскликнула Люся, звонко чокаясь с Кимом.

Пока Ким закусывал, она кивнула Эрику. Тот вышел на кухню и вскоре вернулся с объёмной фарфоровой супницей.

— Вот сюда, — указала Люся на середину стола. — Так. Ну-с, отведай теперь наш фирменный холодный свекольник, — произнесла она, открывая супницу — предмет гордости женской половины семьи.

Аромат свежей зелени, свеклы и огурцов немедленно разнёсся по дому.

Люся наполнила тарелку до краёв густой красной жидкостью, в которой живописно колыхались мелко нарезанные огурчики.

— Пробуй!

Ким взял у неё из рук тарелку и аккуратно поставил перед собой, чтобы не заляпать скатерть.

— Вкусно! — воскликнул он, попробовав первую ложку.

— Ещё бы! Как у моей бабушки, помнишь?

— Да помню, конечно, как не помнить! — с аппетитом поедая холодный свекольник, кивнул Ким.

— Хорошая у тебя память! — рассмеялся Эрик. — Ну, а когда ж с невестой знакомиться будешь?

— Да погоди ты, с «невестой»! — одёрнула его Люся. — До «невесты» ещё далеко. Дай им познакомиться сперва. Я завтра с утра Надежду Константиновну в больнице разыщу, скажу, что Ким приехал, пусть подумает, как устроить встречу.

— Ты лучше завтра его с собой в больницу возьми, представь их друг другу, так лучше будет, — посоветовал Эрик.

— И то правда! А ты свою морскую форму захватил, Кимчик?

— Да захватил, захватил, твоя мама уж так настаивала — из дому без неё не выпускала... Теперь у меня новая — капитанская... Да только не люблю я этого, правда...

— Капитанская? Ну ты даёшь! Так за это ж надо выпить! — воскликнул Эрик. — И форму свою завтра обязательно надень. Любишь — не любишь, это значения в данном случае не имеет. Слушай, что женщины велят, — они лучше нас, мужиков, в этих делах понимают. Ну, будем!

— Будем!

* * * *

На следующее утро состоялась встреча Кима с матерью Ляли. Это беглое знакомство привело в неопикуемый восторг Надежду Константиновну.

— Вот это мужчина! — воскликнула она, как только женщины уединились в Люсином кабинете. — Вот это красавец! А как ему идёт капитанская форма! Это то, что нашей Лялечке нужно! Костями лягу, но киношника её отважу. Он как раз уехал на съёмки, так что его не будет месяца два, а за это время мы и свадьбу сыграть успеем.

— Ну, Надежда Константиновна, вы прямо как моя мамочка — всё уже распланировали!

— А как же иначе? Счастье ведь вот оно — в руки идёт, а Лялька моя по глупости упустить его может. Такого за секунду заберут... Ну вот что, давай-ка им встречу в универмаге подстроим. Сегодня Лялька платье хотела со мной пойти выбирать, чтоб к своему киношнику в новом на свидание выйти, когда тот пожалует к нам в Калараш после съёмок. Так ты с Кимом и подходи к четырём в отдел одежды.

— Договорились. К четырём будем. — На том и распрощались.

* * * *

— Ну, что? — Ким взволнованно ходил по вестибюлю больницы в ожидании новостей.

— Упала! — кратко ответила Люся.

— В смысле?

— Покорил ты её, братец. Теперь только с Лялькой сладить осталось и дело на мази.

— Так это ж и есть самое главное — невесте пригласиться!

— Дурачок! Самое главное будущей теще пригласиться, а уж она постарается. Девка твоя молодая, неопытная. Что мать нашепчет, то в ней и засядет. Ты вот что, иди пока домой, отдохни, а я часика в три прибегу, быстро перекусим и помчимся в универмаг.

— Подарки, что ли, покупать?

— Да какие подарки! Знакомиться с Лялей.

— А зачем же в универмаг?

— Она туда с матерью придёт платье выбирать, вот мы их там случайно и встретим. Понял?

— Как не понять... А что я-то там делать буду, в универмаге том? Я ведь в шмутках ничего не понимаю...

— Моряк ещё мне называется! Ты что, в загранку не плавал?

— Ну, плавал. Только я там китов отлавливал и очерки писал в газеты...

— Знаю, братец, знаю, только женщинам очерки — как мыло в нагрузку к хорошему товару. Понял?

— Неужто она такая?

— Не такая. Но и такая тоже.

* * * *

Он сразу узнал её. Даже если бы она была без матери, даже если бы в другом городе — всё равно узнал бы этот точёный белокаменный профиль с чёрной смоляной косой вокруг головы. «Хозяйка медной горы» — назвал он её про себя и пожелал, чтобы она не захотела его отпускать из своего чертога.

Ляля стояла перед вешалкой с какими-то серыми платьями и смотрела сквозь них, в другое, не понятное никому, пространство. Она явно была не здесь, не с этими платьями, и когда взгляд её машинально скользнул по Киму, она даже не удивилась, откуда в их краях появился молодой капитан. Он был вне её взгляда, а она была вне его досягаемости.

— Надежда Константиновна, какими судьбами! — с преувеличенным энтузиазмом воскликнула Люся, ринувшись к женщинам через весь зал.

Ким остался один посреди вещей и, не зная, что делать дальше, зашёл за большую вешалку с мужскими пальто, чтобы не маячить.

— Люся! Добрый вечер! А мы вот тут с Лялей платье пришли выбирать, а то её все поизносились.

Люся подошла к вешалке и внимательно оглядела товар.

— Дрэк, — кратко прокомментировала она. — Я зайду на базу и узнаю, что у них из импорта есть. Что бы ты хотела, Лялочка?

— Я? — Ляля задумалась на минуту.

— Ах да, я не представила вас. Это Ким, мой брат двоюродный. Приехал на пару дней погостить из Одессы.

Ляля удивлённо вскинула брови. Люся оглянулась, чтобы представить Кима, но его на месте не оказалось.

— Да куда же он подевался?

Тем временем Ким, слышав своё имя, смущённо вышел из-за вешалки, поправляя китель.

— Здесь я... — Он слегка откашлялся.

— Ну, вот, познакомьтесь. Лялочка, это Ким.

Ляля отчуждённо взглянула на него глазами цвета зелёной яшмы и сдержанно сказала:

— Ляля.

Ким чуть склонил голову.

— Очень приятно.

Наступила пауза. Никто не мог понять, что же делать дальше в этом пространстве, заполненном «дрэком».

— Может, к нам пойдём, поужинаем вместе? — поспешила некто-сти с вопросом Надежда Константиновна.

Ляля зло зыркнула на мать, поджав круглые губы.

— Не знаю... Эрик дома один... — замявшись, пролепетала Люся, исподволь следя за впечатлением, которое молодые люди произвели друг на друга.

— Так бери Эрика и приходите к половине восьмого все вместе! Я как раз на стол накрою, а брат твой нам про Одессу расскажет.

— Ну хорошо, если вы настаиваете... — так же неуверенно полусогласилась Люся.

— Настаиваем, настаиваем! Значит, ждём.

* * * *

— Мама, зачем ты это делаешь? — Ляля помогала накрывать на стол, сердито поглядывая на мать. — Думаешь, я не понимаю, что ты затеяла?

— Ай, перестань! Что я затеяла? Пригласила к обеду людей — большое дело! — оправдывалась Надежда Константиновна, избегая смотреть в глаза дочери.

— Мама, за кого ты меня принимаешь? — тихо, но едко продолжала Ляля, буравя мать взглядом.

Мать чувствовала этот взгляд, но делала вид, что ничего не замечает. Ей бы уберечь дочь от брака с киношником! И откуда он только взялся на их голову! Мало им было несчастий в семье, так теперь этот навязался. И угодило же Лялю поехать на практику туда, где их съёмочная группа была! Немудрено, что заприметил её сразу. Редкой красоты девушка. Царевну бы в фильмах играть! Самое удивительное — вылитая покойная подруга Надежды Константиновны. В её честь и названа была Ляля. А подругу убили — из окна седьмого этажа выбросили с новорожденным. И зачем она только в Москву с мужем переехала! Да и кому понадобилось это делать? Говорят, прислуга была с шайкой какой-то связана. Да враньё это всё! У подруги муж военным лётчиком был, по фамилии Антюшев — личность известная в Москве. Потом и он куда-то исчез. У таких прислуга проверенная, из органов. То-то и оно... Надежда Константиновна никогда

и ни с кем не делилась подозрениями, только раз на мужа глянула во время разговора о пропавшем Антюшеве, и оба сразу умолкли. А новорожденный, говорили, пожил ещё немного и умер через пару часов.

Спустя несколько лет мужа Надежды Константиновны командировали в Молдавию, и они стали готовиться к переезду с Дальнего Востока в Калараш. Надежда Константиновна втайне надеялась остановиться проездом в Москве и разыскать этот злополучный дом, навестить место гибели подруги. Обсудила всё с мужем и отправила его с двумя младшими детьми в Молдавию, а сама с Лялечкой сделала остановку в Москве.

Дом был высотный, хмурый, словно всё ещё хранил траур по убиенной. Надежда Константиновна крепко сжала Лялечкину ладошку и направилась к подъезду.

Навстречу им вышла дворничиха.

— Кого-то ищите? — спросила она, оглядывая их. Явно не москвички, приезжие. — Квартиру, что ли, разыскиваете?

— Квартиру, квартиру, — торопливо ответила Надежда Константиновна, почему-то понизив голос.

— А чью именно? Фамилию знаете?

— Антюшевы, — совсем уже тихо сказала Надежда Константиновна. Тут и дворничиха притихла.

— А вы кто им будете? — спросила она после долгой паузы, внимательно оглядывая Лялечку.

— Подруга... Подруга я... Та самая...

— Ой! — дворничиха приложила руку к груди. — Катя я... Я при этом присутствовала... Столько времени прошло, а она всё у меня перед глазами стоит... Вон там, возле того деревца, неподалёку и упала... Девочка ваша как на неё похожа!

— А окно её где? — прошептала Надежда Константиновна побелевшими губами.

— Вон там, — Катя задрала голову и показала на седьмой этаж. — Прямо вон с того ок... — Она не договорила. Надежда Константиновна тихо осела на траву.

— Господи, господи ты, боже мой! — засуетилась Катя. Быстро расстегнула блузку, стала обмахивать газетой, уже собираясь звать жильцов на помощь, но Надежда Константиновна начала приходить в себя, и бледное лицо её чуть порозовело.

— Простите, простите меня, — пробормотала она, пытаясь подняться с земли. Дворничиха помогла ей, отряхнула платье и повела к себе. Там она посадила гостью на кровать, поставила чайник на керосинку и вынула сушки из серванта. Чай пили молча. Надежда Константиновна всё ещё отходила, а когда закончили чаепитие, Катя повела её в закуток, где они о чём-то шептались за занавеской.

Лялечка оглядывала квартиру, отхлёбывая остывший чай и закусывая сушками.

На прощание женщины обнялись, а дворничиха погладила девочку по мраморной щёчке и дала с собой кулёчек с сушками «на дорожку».

Теперь вот словно глядит на Надежду Константиновну с Лялечиного личика покойная подруга вечным напоминанием. И хотелось бы иной раз избавиться от этой части биографии, отмахнуться, как от дурного сна, да не получается, и уже не получится никогда. Припечатала себя память к подруге. Смотри, мол, на дочь, помни и оберегай!

Надежда Константиновна украдкой вздохнула, отгоняя внезапно нахлынувшие воспоминания.

— Ничего не выйдет, мама, — тихо, но жёстко повторила Ляля, имея в виду жениха. В уголках губ её блуждала полуусмешка. Она ясно понимала, что запала в душу этому капитану, и эффект магнетического воздействия на мужчин был ей приятен. Только это ничего не меняло. Мать-то знает!

По двору слышались шаги.

— Идут! — шепнула Надежда Константиновна и бросилась к дверям встречать гостей.

Они вошли втроём, здороваясь поочерёдно с матерью и дочерью.

— А где же Михаил Захарович? — осведомилась Люся.

— Задерживается, как всегда. Обещал к восьми быть, у них сейчас ревизия, сами понимаете... Да вы присаживайтесь! Вот у окна есть местечко для Кима, а ты Люсенька, возле меня, а вот тут Эрик составит Мише компанию, когда тот вернётся с работы.

Окна были распахнуты настежь — прямо в холмистый сад, что плавно стекал вниз к соседскому дому. Ветки вишнёвого дерева колыхались у самых окон — только руку протяни, и пригоршню спелых вишен нарвать можно.

В маленькой столовой-гостиной с запахом малины и вишни то и дело появлялись со свистом изумрудные мухи, привлечённые запахом съестного.

— Кыш, вражеская авиация, — отгонял их Ким, бросая быстрые взгляды на Лялю. Та сидела подчёркнуто прямо, не отвечая улыбкой на его шуточный тон, и надменно глядела мимо.

Ким сложил руки в замок на коленях, не зная, что делать дальше.

— А вы воевали? — спросила Надежда Константиновна, заметив его замешательство.

— Да, воевал, — ответил он, почему-то смущаясь.

— Ты смотри, такой молодой, а тоже войну испытал, — вздохнула Надежда Константиновна, подавая ему бутылку и приглашая гостей накладывать себе на тарелки.

Когда вино у всех было налито и тарелки наполнены, Надежда Константиновна поднялась и произнесла краткий тост.

— Ну что ж, гости дорогие, за знакомство!

Все подняли бокалы с рубиновым молдавским вином и уже готовы были чокнуться, как с порога донеслось:

— А вот и я!

Худощавый высокий мужчина вошёл в дом, раскланиваясь с гостями.

— Прямо к тосту подоспели, Михаил Захарович! — сказал Эрик, наливая в бокал, ожидавший хозяина дома.

— Кто бы сомневался, — съязвила Надежда Константиновна. Все чокнулись, и обстановка немного разрядилась.

Михаил Захарович поцеловал супругу и сел напротив Кима, поприветствовав его рукопожатием. Он явно был предупреждён о визите соискателя на руку его драгоценной дочери.

— Ким, — представился Ким в ответ на рукопожатие.

— Очень приятно. Простите, что задержался — служба, — подмигнул ему Михаил Захарович.

Эрик было хихикнул, но строгий взгляд Люси заставил его мгновенно перейти к закускам.

— Да ты, я вижу, уже подзарядился! — сказала Надежда Константиновна, внимательно вглядываясь в мужа.

Тот улыбнулся открытой улыбкой.

— Вот женщины! Ничего от них не скроешь. — И повернувшись к жене: — Ну, мать, пятница, ревизия... Сама знаешь...

— Знаю, знаю. Закусывай, давай!

Женитьба на красавице-полячке чуть не стоила Михаилу Захаровичу головы во времена «охоты на ведьм». Познакомились они в дальневосточной деревушке, куда оба были направлены на работу. Он — в качестве секретаря райкома, а она — акушеркой, сразу после окончания черниговского медучилища. Влюбился он в неё моментально, как только завидел кареглазую чародейку на подводе. Проследил, куда она направилась, а вечером «ненароком» встретился ей у больницы, откуда она возвращалась в избёнку-общезитие для вновь прибывших.

До общезития Надежда Константиновна так и не дошла. Статный зеленоглазый кавалерист пленил её мгновенно, и она завернула к нему на огонёк. Огонёк разгорелся, а на следующее утро, когда, стораю от стыда, она сказала, что не может выйти от него вот так, у всего посёлка на виду, Михаил Захарович ответил с усмешкой:

— Не беспокойся, выходить никуда не надо, разве что замуж. За меня, разумеется. Пойдёшь?

Надежда Константиновна стыдливо кивнула.

— Вот и ладно. Я сейчас сбегая за нотариусом, оформим все бумаги прямо здесь. — Такой прыти Надежда Константиновна не ожидала, но опытный ловелас знал, что делает — эта девушка была жемчужиной, и выпусти он её сейчас, не известно, с кем повенчала бы её судьба завтра. Немало ретивых командиров ходит вокруг, как начнут ошиваться в клинике — только он и видел свою зазнобу.

Так началась их семейная жизнь — с места в карьер. Их постоянно перебрасывали из одного уголка в другой, но они не сетовали и двигались по пыльным дорогам жизни, направляемые железным перстом партии.

А вокруг сгущались тучи и, наконец, нависли и над их домом. Стали ходить слухи, что у приехавшего секретаря жена иностранка, и каждый день Михаил Захарович возвращался домой мрачнее тучи, не зная, что ожидает их завтра.

Один раз вызвали даже в комитет, расспрашивали.

— Это правда, товарищ секретарь, что жена у вас иностранка?

— Никакая она не иностранка. Просто раньше Осовец, где она родилась, относился к России, а после революции отошёл к Польше. Но её родни там уже не было.

— Хорошо, идите пока. Мы проверим, — сказали Михаилу Захаровичу. Но он прекрасно знал, что проверять было нечего — архив отошёл к полякам вместе с Осовцом, если вообще сохранился.

Молния ударила в одном шаге от него, когда арестовали друга. Никогда не забудет он, как шёл с утра на работу и вдруг видит: навстречу идёт конвой, и ведут не кого-нибудь, а его боевого товарища по гражданке Сидорчука. Как изменился тот за один день! И куда только былая стать подевалась! Плечи опущены, смотрит в землю, глаз ни на кого не поднимает, лицо серее сумерек. Прохожие обходят его, словно боятся подхватить вирус изменников родины.

Михаил Захарович, завидев товарища своего с конвойными, решил не сворачивать. Пошёл прямо навстречу. А тот глаза опустил, словно не хотел смотреть, как боевой друг обойдёт его.

Поравнявшись с ним, Михаил Захарович приостановился.

— Здоров, Петрович, — кивнул. И руку протянул.

У того глаза округлились, не знает, что и делать. А Михаил руку держит, ждёт. Вот так и пожали они друг другу руки — молча, сильно, в последний раз.

— Надя, — сказал Михаил Захарович, вернувшись домой, — собирай мне вещи.

— Что? Почему? — всполошилась жена.

— Петровича взяли, а я ему прямо при всех, при конвое руку пожал. Не мог я иначе, Надя, мы с ним в гражданскую на одном поле лежали, друг друга прикрывали.

— Понимаю, Миша, понимаю...

Всю ночь просидели они в тишине квартиры, ожидая стука в дверь. А наутро Михаил Захарович пошёл на работу, по той же дороге, что друга его уводили, и все его сторонились, но никто не пришёл за ним ни тогда, ни после.

— И как бы я жил потом, Надя, если б мимо прошёл? — говорил он жене, вспоминая всё это годы спустя.

Застольная беседа немного не клеилась. Причиной была Ляля, подчёркнуто не прикасавшаяся к еде и односложно отвечавшая на расспросы. После третьей рюмки Михаил Захарович взял инициативу в свои руки.

— Надолго ли к нам? — осведомился он у Кима, накладывая себе закуску горкой.

— Да нет, нужно в Одессу возвращаться в воскресенье, работа, — ответил Ким, вновь быстро глянув на Лялю.

Та словно и не слышала, по-прежнему возвышаясь над тарелкой с прямо поднятой головой.

— Жаль, жаль. А то бы остались, погостили. У нас сейчас сезон фруктов, — поддержала разговор Надежда Константиновна. — У вас там, в Одессе, небось, не такие ароматные и сочные, как здесь. Черешню или малину надкусишь, а сок прямо по лицу льётся. Всё домашнее, с садов и огородов.

— Да, у вас тут рай, — проговорил Ким, чувствуя, что тема исчерпывается, а другая не вырисовывается.

— А почему бы вам с нами завтра на озеро не сходить? — спросил Михаил Захарович.

— А и впрямь! Почему бы не сходить? — обрадовано подхватила Надежда Константиновна, с благодарностью взглянув на мужа.

— Пойди, пойди, Кимчик, обследуешь наши местные воды, — пошутила Люся.

— Давай, давай, Синдбад-мореход! — поддержал её Эрик.

— Ну... — Ким снова бросил взгляд на Лялю, которая по-прежнему неподвижно возвышалась над тарелкой. — В общем, я не возражаю.

Закат на Заозерной улице

В субботу утром Ким постучал в калитку Надежды Константиновны и Михаила Захаровича. Люся с Эриком остались дома под предлогом того, что нужно было сходить на рынок и кое-что сделать.

— Иду, иду! — радостно откликнулась Надежда Константиновна, спеша по дорожке и отпирая затвор. — Проходите, Ким! — улыбаясь, пригласила она его в садик. Мы уже почти готовы, только еду уложим.

Садик был прямо напротив застеклённой веранды, с цветочной клумбой и гамаком между стволами абрикосовых деревьев, а другой — вниз по склону, с вишнёвыми и сливовыми деревьями и кустами малины.

Ким сел в гамак и качнулся несколько раз. «Как на волне», — подумал, прикрыв глаза.

На пороге появилась Ляля в светлом ситцевом халатике и с пляжной сумкой в руках. Он вскочил, приветствуя её.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — с жёсткой усмешкой ответила она и закопошилась в сумке. Такое начало ничего хорошего не предвещало.

— Давайте сумку, помогу, — засуетился Ким. Ляля отдала ему сумку с подстилкой.

— Вы идите вперёд, — скомандовала Надежда Константиновна, — а мы продукты ещё кое-какие уложим и — за вами.

Ляля снова усмехнулась и, не сказав ни слова, направилась к калитке. Ким тихо последовал за ней.

Когда улица осталась позади, и они стали спускаться вниз по тропинке, ведущей к озеру, она, наконец, заговорила.

— Я знаю, зачем вас мама пригласила, но ничего не выйдет, это я вам сразу говорю. Никаких планов не стройте, у меня есть жених, мы любим друг друга, и как только он вернётся со съёмки фильма, мы поженимся.

— Вот как... Ну что ж, жених так жених. А что за фильм он снимает?

— Хороший фильм.

— Надеюсь когда-нибудь посмотреть.

— Посмотрите. Вся страна смотреть будет. — Некоторое время они молча спускались.

— А вот и озеро, — показала она рукой на сияющий круг воды вдалеке.

— Красивое, — сказал он, любуясь её рукой.

Она снова усмехнулась. За спиной послышались шаги родителей.

— Мама, мы здесь!

— Хорошо, хорошо, мы за вами.

Озеро неподвижно сияло, позволяя рассматривать себя, но купаться в нём было запрещено.

Они расположились на берегу, и мать стала раскладывать свёртки с едой.

— А вы приезжайте к нам на море, там искупаться можно будет... Вода тёплая... — сказал Ким, наблюдая, как Ляля глядит на воду.

— А что, поезжай, Ляля! — откликнулась мать. — Хоть подзагоришь немного на солнце.

— И вправду, приезжайте, — повторил он своё приглашение уже лично ей. — Будете с моей сестрой и её семьёй жить. Или с Марьей Юрьевной на даче.

— Спасибо, — поблагодарила Ляля с той же усмешкой.

За едой и разговорами не заметили, как начало садиться солнце, окрашивая холмы в цвет густого вина. День клонился к вечеру. В воздухе вспыхивали светляки и гасились о траву, как притушенные сигареты.

Разморенные солнцем, все тихо поднимались в гору, уже вместе, и путь назад был гораздо тяжелее и изнурительнее.

Возле калитки Ким тронул Лялю за руку.

— Завтра с утра я уезжаю. Выходите сегодня к девяти. Хотелось бы ещё раз повидаться... на прощание.

— Хорошо. Выйду.

* * * *

В доме стояла прохлада. Глиняные постройки лучше хранят и тепло, и холод. Надежда Константиновна собственными руками обмазывала глиной стены, ладила печку. Не беда, что туалет на улице и топить приходилось дровами, зато свой собственный очаг, о котором так мечталось в годы скитаний по дальневосточным хибаркам и общежитиям!

— Ну, вот что я тебе скажу, твой киношник о тебе уже и думать забыл, — приговаривала Надежда Константиновна, разбирая кульки с кастрюльками. — И не пишет, и не звонит.

— Позвонит. И напишет тоже.

— Ох, Лялька, Лялька! Молодая ещё. Ты мать слушай. Все они такие! Наобещают с три короба, а потом днём с огнём их не сыскать. Вот где он? Где? Небось, каждый день на переговоры обещал вызывать.

— Он занят, мама. У него съёмки.

— Вот и я говорю — съёмки у него. И ещё неизвестно что...

— Мама!

— Да будет тебе — «мама, мама». Чуть что, сразу: «Мама!» Я правду говорю. Сама подумай — ну, какой он тебе муж? Сколько раз ты с ним виделась? Встретились на практике, и уже всё у них решено! Ты ведь ничего о нём не знаешь! У этих киношников кругом подруги, не будь наивной!

— А мне не нужно время, чтобы его узнать. Я его сразу узнала, сердцем узнала. Мы с ним, когда вечером пришли в его комнатку в общежитии, наедине остались, никого не было, я подумала, ну вот, сейчас целоваться полезет, а он посадил меня на единственный стул, как королеву, и только смотрел на меня весь вечер. А потом, когда вышли, на улице уже, в нескольких шагах от моего общежития, он мне предложение сделал...

— Вот как... И что ж, даже не поцеловал при этом?

— Нет, не поцеловал. В тот вечер не поцеловал. А на следующий день, когда на поезд меня провожал, так волновался, я чувствовала... Уже у вагона склонился ко мне и сказал: «А вот сейчас я тебя всё-таки поцелую». Мама! У меня этот поцелуй до сих пор на губах горит...

* * *

Вошла луна, чуть подёрнутая печалью облаков.

Улица была слабо освещена желтоватым светом одинокого фонаря.

Она вышла к нему с задумчивым лицом, сама, как луна, обрамлённая ночью гладких тёмных волос.

— Ну, вот, уезжаю я, — сказал Ким.

Она согласно кивнула и взглянула на луну.

— Полная луна, — сказал он. — При спокойном море это великолепная картина, нереальная...

Она снова кивнула.

— Выходи за меня, — неожиданно выпалил Ким, понизив голос. Ляля удивлённо взглянула на него.

— Я ведь всё объяснила, не так ли?

— Выходи...

— Я тебя не люблю... Я не тебя люблю.

— Полюбишь, дай мне срок. Всё равно ведь будешь моей, я знаю это.

— Откуда? — Снова жёсткая усмешка скользнула по её лицу.

— Просто знаю и всё. Значит так, даю тебе месяц сроку на размышление. После этого сыграем свадьбу.

— Вот как!

— Да, вот так.

Телеграмма

Звонок в дверь. Коммуна из 16-ти семей прислушивается. У каждого свой звонок, поэтому к дверям подходит только тот, к кому звонят. Этот звонок предназначается семье Горбанёвых. Женя поспешно отрывается от плиты и бежит по длинному скрипучему коридору одесской коммуналки.

— Телеграмма! — торжественно объявил почтальон, доставая бумагу из сумки. — Вот, распишитесь.

Женя аккуратно расписалась и закрыла за ним дверь.

— Это от Люсенки. Ляля приезжает вечерним поездом, — сообщила она, прочитав телеграмму. — Нужно Киму дать радиограмму — пусть порадуется.

— Решилась, значит, — пробормотал Сергей, надевая тапочки, чтобы выйти в коридор.

Девять утра, воскресенье, спешить было некуда. На кухне только несколько хозяек завтрак готовили на скорую руку.

— Ещё бы не решиться! — съязвила ему вслед Женя. — Мои девочки на работе в очереди стоят, чтоб познакомиться с ним! А она две недели раздумывала над его приглашением. То же мне, краля каларашская!

— Мама, кто приезжает, — спросила, протирая глаза, Лорочка.

— Ты не знаешь, одна знакомая.

— А где она будет жить?

— У дяди Кима на даче, с Марьей Юрьевной, а мы туда приходиться будем.

— А Марья Юрьевна знает? — осведомился, входя, Сергей.

— Нет пока что. Я забегу к ней, обрадую, что план её осуществился.

После завтрака Женя побежала на почту дать радиограмму, а оттуда — к Марье Юрьевне.

* * * *

На даче было хорошо, прохладно. Марья Юрьевна привела всё в порядок, выстирала постели и покрывала, развесила занавески, что в сундуке лежали, вымыла полы и окна. Красота, уют!

— Ох, как у вас тут стало! — воскликнула Женя, заходя в дом. — А у меня руки не доходят прибраться. Если в воскресенье выбираемся, то только море и видим...

— Ну, ничего, скоро, даст бог, хозяйка появится всем нам на радость. И прибирать будет кому, и приготовить, — уверенно сказала тётка.

— Да, вы как в воду смотрели, Марья Юрьевна...

— Что, неужто приезжает?

— Да, сегодня вечером.

— Ну, слава богу! Лёд тронулся. Значит, сегодня с вокзала прямо на дачу. А Ким скоро будет?

— В конце месяца. У него короткий рейс на сей раз. Он просил не оставлять Лялю одну.

— Ладно, понимаем, не маленькие, — отмахнулась тётка. — Ты тут передохни, а мне нужно ещё на базар сбегать, продуктов закупить.

— Да нет, я назад, к своим. Только новостью поделиться приехала.

— Ну, как знаешь. В трамвае, стало быть, передохнёшь.

* * * *

К вечеру все стояли на перроне в ожидании поезда.

Поезд, как всегда, опаздывал, и на небе уже появились первые звёздочки, когда измученные жарой и тряской пассажиры высыпали из вагонов.

Ляля вышла с небольшим чемоданом и сумкой, которые у неё тут же перехватил Сергей. Она выглядела немного осунувшейся и похуذهвшей, но это только придавало её облику женственную мягкость.

Решение ехать в Одессу созрело у неё после того, как она тщетно прождала известий от своего суженого. Все вечера просиживала, разглядывая подаренный ей портрет с надписью: «Милой девоньке от меня», словно пытаюсь разгадать загадку его молчания. Неужели мать права? Неужели и впрямь забыл? Неужели встретил кого-то там у себя на съёмках? Нет, нет, сердце говорило ей, что это не так, что связь между ними есть, и что она сильна. В какой-то момент Ляля даже будто увидела его внутренним зрением — одного, в смятении. Он думает о ней, тоскует, чем-то взволнован... Но почему же, почему не даёт о себе знать? Ни телеграммы, ни вызова на переговорный пункт...

Она мысленно перебирала всевозможные варианты, думала, что бы предпринять, и неожиданно для себя остановилась на самом от-

чаянном — ехать в Одессу. Да, в Одессу! Там она его разыщет на киностудии, как бы ни было ей стыдно сделать этот шаг, как бы ни смотрели на неё его коллеги, и как бы ни корила она себя за это после. Стыд отступал перед загадкой, перед муками ожидания.

— Мама, я поеду в Одессу, — сообщила она в пятницу вечером, когда семья собралась за обеденным столом.

Мать чуть не поперхнулась от неожиданности.

— Лялечка... — промолвила она, откашлявшись. — Ну, конечно же, детка, поезжай! Отдохнёшь, сил наберёшься...

Младшая сестра Тамарка только хмыкнула, накладывая себе гречки в глубокую тарелку.

— Сколько раз я тебе говорила не класть второе в глубокую тарелку! Для этого мелкая тарелка существует! — неожиданно озлобилась Надежда Константиновна.

Тамарка быстро переменяла тарелку, искоса поглядывая на мать. Никого та не лелеяла так, как Ляльку. Старшая сестра всегда была на особом положении — в центре внимания родительского и объект их ласки. Тамарка и брат Валька росли сами по себе, как бурьян в материнском огороде, а Лялечку культивировали, поливали заботой, к солнцу подсаживали. Она и выглядела как-то совершенно особому — не похожа ни на брата с сестрой, ни на родителей. Ходили слухи, будто она от другого отца, но Надежда Константиновна только посмеивалась над слухами. Пусть тешатся.

Лялечкино внезапное решение ехать в Одессу привело Надежду Константиновну в состояние крайнего возбуждения. Она засуетилась, стала собирать ей платья, блузки и скромные украшения. «Спасибо, спасибо, спасибо!», — говорила мысленно Надежда Константиновна, сама не зная кому.

В воскресенье утром Лялечка села в поезд и поехала в Одессу, в душе торжествуя, что обвела мать вокруг пальца.

Мать смотрела вслед уходящему поезду и, хоть не была верующей, на всякий случай перекрестилась. В душе у неё было примерно то же ликование, что и в душе её драгоценной дочери.

Вот уже несколько месяцев, как Надежда Константиновна старательно перехватывала телеграммы от этого проклятого киношника и несколько раз бегала вместо Лялечки на переговорный пункт, сообщая ему, что дочери нет, и не известно когда будет. Она всё надеялась, что так он потеряет интерес и тихо исчезнет. Не тут-то было!

Видно, и впрямь Лялька запала ему в душу. Телеграммы приходили чуть ли не через день, и Надежде Константиновне приходилось караулить почтальона или бежать самой на почту до работы, чтобы перехватить чёртовы послания.

«Сколько же эти муки будут продолжаться? — думала она всякий раз, пряча подальше очередную телеграмму. — Так ведь и загнать в гроб человека немудрено!»

Мытарствам её пришёл конец совершенно неожиданно, и теперь она торжествовала.

«Всё будет хорошо, всё будет хорошо, — думала она по дороге с вокзала. — Только бы Тамарка не проговорила. Ну ничего, я ей мозги вправлю, чтоб язык попрдержала...»

Под неусыпным оком

В Одессе Лялечка оказалась под неусыпным оком двух ретивых соглядатаев — тётки Марьи и Жени, которые ни на миг не отходили от неё. О том, чтобы отправиться на киностудию, можно было только мечтать. Но Ляля не теряла надежды. Она всё ждала, когда Марья Юрьевна задремлет, разморенная жарой, или отправит её в продовольственный прикупить что-то.

План «А» провалился сразу: Марья Юрьевна днём вообще не ложилась. План «Б» тоже приказал долго жить: в магазины ходили только вместе. Оставалось затеряться в толпе и совершить побег. Ляля криво усмехнулась, представив себе, какая поднимется паника среди родных. Потерялась девочка...

Несмотря на все препятствия, приезд в Одессу снял с неё то неимоверное напряжение, от которого она не могла избавиться, будучи в Калараше. Прежде всего, отпала сама собой проблема ожидания. Здесь ей уже не нужно было дожидаться почтальона, чтобы потом проводить остаток дня в оцепенении, разглядывая портрет возлюбленного и по сто раз перечитывая дарственную надпись. Вотвторых, близость к киностудии успокаивала сама по себе, словно они находились по обе стороны улицы-реки, переплыть которую было в принципе возможно.

К ней сразу вернулся сон. Первые несколько дней она спала беспробудно, наверстывая всё, что недоспала за последний месяц.

— Морской воздух делает своё дело, — заключила Марья Юрьевна, которая неустанно бдела будущую невестку. По вечерам её сменяла Женя, гуляя с Лялей по Дерибасовской с остановкой в магазинах и кондитерских.

Во время одной из таких прогулок, когда Ляля обдумывала очередную план побега, кто-то вдруг окликнул её в толпе. Она только вышла из Пассажа, оставив Женю, которая расплачивалась за какую-то покупку.

— Ляля! Ты?

Она вздрогнула, узнав голос.

— Владик?

Да, перед ней стоял коллега её суженого, с которым они вместе снимали новый фильм. Ляля познакомилась с Владиком на съёмках студенческого фильма о Молдавии, где две по-разному красивые девушки — Ляля и её сестра Тамара — тотчас привлекли внимание молодых операторов, и те с вдохновением отсняли их в массовке на фоне цветущих деревьев. Поблекшее цветное фото — кадр из фильма — стояло на буфете в Калараше, напоминая о первом знакомстве с возлюбленным.

— Что ты тут делаешь? — Владик был явно поражён встречей. — Твой с ног сбился, нигде не может тебя найти! Что случилось?

— Ничего... Ничего не случилось. — Ляля попыталась улыбнуться.

— Мы сегодня снимаем, я ему скажу, что видел тебя. Что ему передать?

— Привет. Да... У меня всё в порядке...

— Хорошо, передам. Прости, мне нужно бежать. Скоро начало. Так ты будешь на киностудии? Давай, приходи! Он ждёт. Пока!

— Пока...

Владик быстро исчез в толпе, а Ляля продолжала стоять, не меняя позы, ничего больше не слыша и не видя вокруг себя. Владик, наверное, догадался, что она приехала разыскивать своего несостоявшегося жениха, и теперь бежит его предупредить. Предупредить... А о чём, собственно, предупреждать? Если он с кем-то другим, то она ни за что, ни за что не появится на киностудии! Владик — известный ло-

велас — явно хочет дружка покрыть, дать ему время. А ей не нужно ничего. Она вообще не к нему приехала.

Только теперь, встретившись лицом к лицу с другом своего суженого, осознала она, насколько наивным был её план, насколько оторванным от жизни и унижительным. Она ведь не может, не может и не должна выступать в подобном качестве. Разыскивать жениха — это не её роль. Боже мой, почему же она раньше этого не поняла! Стыд, какой стыд... Она оглянулась — шумная улица, поток говорливых пёстрых людей. Как она здесь очутилась? Для чего? Бежать, бежать, немедленно бежать домой! Ноги её здесь больше не будет!

— Прости, задержалась, мелочь отсчитывала, — слышался рядом с ней голос Жени. Ляля посмотрела на неё невидящим взглядом.

— Завтра уеду домой.

— Так скоро? Даже Кима не дождёшься?

— Мне домой пора.

— Ну, пора так пора. Завтра посадим на поезд. — Они дождались трамвая и вскоре были дома.

Ляля легла ничком на кровать и пролежала так до самого утра. Утром побросала вещи в чемодан, отхлебнула чаю, отказавшись от завтрака, и отправилась на вокзал в сопровождении Марьи Юрьевны, которая оставалась в Одессе до приезда Кима.

— Спасибо вам, — выдавила из себя Ляля на прощанье. — И Жене тоже передайте.

— Передам. Только могла бы и побыть ещё пару дней. Куда спешить? Ну, да ладно. Привет родителям и Люсе с Эриком. Скоро увидимся!

Триумфальная арка

Возвращение в порт было триумфальным. Теперь Ким почти не сомневался, каков будет ответ его отряды, живущей в Каларашском терему.

Дома его ждал самый радушный приём. Все были возбуждены предстоящим сватовством и возможной женитьбой. На следующий день после его приезда семья собралась на обед, как в старые добрые времена. Стол был накрыт по обыкновению пышно, поднимали тост за то да сё, но конкретно ничего не обсуждалось. Боялись взглянуть — больно уж гладко всё складывалось.

После обеда Ким вышел на кухню покурить. Появилась Женя с тарелками в руках.

— Ну, как ей здесь было? — спросил он сестру, пока та складывала посуду в раковину.

— Я, честно говоря, надеялась, что она тебя дождётся, но она вдруг сорвалась ни с того ни с сего. Что-то тут не так... Чует моё сердце!

— Понятное дело... Это даже лучше, что уехала. Ей нужно с мыслями собраться, да и мне тоже хорошо бы кое-что обдумать.

— Например? Уж не передумал ли ты жениться, братик?

— Ой, да что ты! Передумал! Тоже, скажешь... Я там каждую минуту считал до прибытия...

— О чём же тогда думать собираешься?

— Я решил дачу продать, Женечка.

— Да что ты! Как же можно? А где ж мы лето проводить будем?

— Лето будем проводить, как все. До моря с любого конца города добраться можно, не велика беда. А вот у тебя Лорочка подрастает. Сколько же ей за шкафом спать?

— Что же ты предлагаешь?

— Продам дачу, и обменяем наши две хибары на хорошие квартиры, чтоб и вам было где жить, и у нас было место для всех будущих членов семейства. Ну как, согласна?

— Кимуля! Золотце ты моё! Как же не согласна? Вот братик у меня!

Она звонко расцеловала его в обе щёки и побежала в комнату делиться новостями с мужем. Через несколько минут на кухню выбежал Сергей и взволнованно стал трясти Кима за плечи.

— Ну, брат!.. — восклицал он, качая головой. — Нам бы вовек не улучшить наших жилищных условий... Ну, брат!..

— Да что там... Одна семья ведь... Ну, раз предложение моё принято, то завтра же нужно начинать поиск. Пока я из Калараша вернусь, многое уже можно будет проверить.

* * * *

На закате следующего дня он прибыл в Калараш.

Ляля стояла, прислонившись к задней стене родительского дома, и смотрела на простирившиеся вдали холмы. О, если б стать свободной от всего, от себя, и взлететь над холмами, чтобы парить с птицами в этой синеве... И ни о чём не думать, ничего не помнить, ничего не чувствовать...

Лязгнул железный засов в калитке.

Может, не открывать? Может, стоять вот так, пока не начнётся зима и не скуёт льдом этот сад? А душа давно уже обледенела...

Лязг повторился.

— Иду, иду! — послышался голос матери.

Звук отпирающейся калитки, голоса приветствия, шаги по гравию. Всё.

— Лялечка! К тебе пришли! Ты где?

Ляля закрыла глаза и — в омут.

Он стоял перед ней в своей капитанской форме, смущённо улыбаясь.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Ну вот, приехал...

— Вижу.

Оба повернули голову в сторону матери, которая по-прежнему стояла между ними как связующее звено.

— Может, пройдемся? — несмело спросил Ким.

Ляля прошла вперёд, открыла калитку и вышла. Он последовал за ней, как утренняя тень. Они дошли до первой скамейки.

— Присядем, — предложил Ким.

Ляля присела. Он присел рядом и начал машинально чертить что-то носком туфли по пыльной земле, пока вдруг не спохватился и не одёрнул себя.

— Ляля, сегодня ровно месяц, как мы виделись, — промолвил он. — Вы подумали над моим предложением?

Она упрямо наклонила голову, словно упираясь лбом в воздух, и плотно сжала губы, как на допросе. Он бережно взял её руку, которой она вцепилась в сидение скамейки, и погладил её.

— Ляленька, выходи за меня... Будь моей женой...

Она набрала воздуха в лёгкие и, словно выдыхая всё своё прошлое, произнесла:

— Хорошо.

Часть пятая В СЕМЕЙНЫХ ВОДАХ

Неожиданный поворот

Свадьбу сыграли ровно через неделю. Торопились все — Ким, Лялина мать, Женя с Марьей Юрьевной... Ляля же безразлично следила за всем, машинально примеряя платье, отвечая на вопросы. Неожиданное спокойствие снова овладело ею, как там, в Одессе, только теперь оно было другим. Она вдруг полностью отстранилась от собственной жизни, настоящей и будущей, а прошлого у неё уже не было — она его выдохнула тогда на скамейке. Всё, что происходило вокруг, больше не касалось её. Она обрела неожиданную свободу, и главное достоинство этой свободы было в том, что она освободилась от чувств. Теперь она не была уже причастна ни к чему, что бы с ней ни делали.

— Ну, вот и хорошо, — повторяла мать, поправляя складки на свадебном платье. — Сидит, как влитое! Посмотри. — Она подвела дочь к зеркалу. Оттуда на Лялю глянула незнакомая женщина в чужой одежде. — Правда, хорошо?

— Да, хорошо, — бесстрастно ответила Ляля.

* * * *

После ЗАГСа гости направились к Надежде Константиновне. В саду были накрыты три деревянных стола с приставными скамейками. Произносили тосты, постоянно кричали «горько!». Ляля поднималась и садилась, и снова поднималась. Это длилось бесконечно, как затянувшаяся производственная гимнастика. Потом их, наконец, оставили вдвоём.

И был вечер, и было утро.

День второй начался стуком в калитку.

— Вам телеграмма, распишитесь, — заученно сказал почтальон, когда Ляля вышла к нему в халатике. Мать с утра побежала на базар принести свеженькой брынзы к завтраку и заодно прикупить молдавских лакомств, чтобы побаловать молодых.

Почтальон протянул уведомление, равнодушно глядя поверх её головы. Она машинально расписалась, без интереса взяв у него телеграмму. Должно быть, кто-то из родни прислал поздравление с бракосочетанием... Закрыв за почтальоном калитку, она повернула в дом, на ходу взглянув на содержание. «Работу фильмом закончил. Люблю. Приезжаю. Женимся. Твой...»

В первую секунду она вообще ничего не поняла. Какие-то слова без предлогов и связи. И вдруг сердце дико подпрыгнуло, осознав смысл написанного раньше, чем ум, и она тихо сползла вниз, на гравий, осев, как оседает подтаявший снежный сугроб. Больше она ничего не помнила.

* * * *

Эх, Капитан Капитаныч! Вёл ты свой корабль без погрешностей — ни единой аварии, ни единого происшествия, а вот зашёл в семейные воды, и дало твоё судно крен. В который раз...

Медовый месяц принёс больше горечи, чем мёда в их начинающуюся жизнь. Ляля слово за перегородкой жила. Понятное дело — всё новое, неизвестное... Ничего, постепенно войдёт в курс, привыкнет, думал Ким...

Но она бледнела, всё чаще делалась раздражительной, а тут ещё и простуда прибавилась, осложнившись бронхитом. Ляля стала плохо спать, вставала уставшей, плохо ела. Море и пляж немного взбадривали, хоть солнца она не любила — оно быстро утомляло. И тем не менее, при виде людей она оживлялась, становилась общительней. Ей явно imponировали взгляды проходящих мимо мужчин. Кима это несколько задевало, но он старался не показывать виду, заговаривая с ней и всячески оказывая ей знаки внимания.

Жили они то в его старой квартире, то на даче, пока обмен ещё не состоялся. С появлением Ляли Муся демонстративно отказалась мыть лестницу.

— Как вы себе хотите, мама, а мне ця краля зовсим нэ нравыця, — гаваривала она свекрови, отжимая тряпку.

— Вона тебе не сподобається тому, што вона Киму сподобається, — хмыкала злорадно Циля.

— Та не гаворите уже глупостей, мама! Она и Яцику не нравится. Яцик, скажи своей маме, што ты думаеш.

— Оставь Яцика в покое хоть на одну ночь.

— Мама, вы скоро будете уже бабушкой, а у вас всё ещё никакого стыда!

— Я не поняла — это-таки новость или намёк на мой возраст?

— Это-таки новость.

— Яцик, Яцик! Иди сюда скорей, я тебе новость расскажу! — воскликнула Циля, всплёскивая руками.

Вечером счастливое семейство устроило пирушку для всех соседей. Отсутствовали только Ляля с Кимом, поскольку они решили остаться на даче. Перемена места тоже вносила некоторую разрядку в их отношения. Ляля с удовольствием и вкусно готовила, а на даче это было особенно романтично.

День выдался хорошим. Они шли к трамвайной остановке по шумным одесским улицам. Народу было полно — бархатный сезон, солнце не жгло, а лишь мягко освещало загорелые лица одесситов. Ким держал её под руку, а она старательно обходила рытвины на невысоких тонких каблучках. Возле газетного киоска выстроилась очередь за свежей газетой.

— А с очерком Кима Беленковича остались экземпляры? — громко поинтересовался кто-то.

— Пока есть, но Вам может не хватить, лучше в соседний киоск подойдите, — посоветовали ему из очереди.

— Да в соседнем такая же очередь, и тоже немного экземпляров осталось, — с досадой сказал подошедший, раздумывая, стать ли в очередь или попытаться счастья в другом киоске.

Ким украдкой бросил взгляд на жену — услышала или нет? Ляля шла, напряжённо глядя перед собой, ни на что не реагируя. А может, и впрямь не услышала?

— Это за моим очерком стоят, — негромко сказал Ким, чуть касаясь губами мочки её уха.

— Да, — кивнула она с той же напряжённой сосредоточенностью. Значит, слышала. Неловкая ситуация, будто он бахвалился перед ней...

Всю оставшуюся дорогу они шли молча, но Ляля, похоже, и не замечала молчания, как, впрочем, не слышала и разговоров.

В трамвай пришлось втиснуться и полчаса трястись в обстановке, освобождающей от покупки билетов.

— Передавайте на билетики! — зычно требовала кондуктор.

— Чем передавать, мамаша? В карман не влезешь, а влезешь, так не вылезешь, — ответил, наваливаясь спиной на дверь, пассажир.

— Ты главное смотри в чужой не влезь! — откликнулись с другого конца.

— Или ещё куда не влезь вместо кармана! — загоготали в середине вагона.

Наконец выбрались на своей остановке. Ляля отряхнула примявшееся платье. Ветер с моря подправил складки, раздувая ткань под стянутой поясом талией.

— Ахтриса! — присвистнул какой-то паренёк, торгующий цветами на пяточке у спуска на пляж.

— Топай, топай, шпана! — не выдержал уже Ким.

— Я — чё? Я ничё... Вот цветочки тётеньке своей купите...

— Ну давай свои цветочки, — смягчился Ким, взяв охапку свежих полевых цветов.

— Спасибо, дяденька! А у мамки моей бички в ведёрке. Только шо плавали. Вон, ещё бьются. Нэ хочэтэ?

Ким вопросительно взглянул на Лялю. Она поморщилась. Рыбу она не выносила — ни запаха её, ни вкуса.

— Та нэ хочэ вин, сынку, нэ хочэ. Чи не бачишь? — откликнулась мамка. — За цветочки дякую. Ище прынэсу с садочку свого, як ци зав'януть.

— Ну прям-таки с садочку! — ядовито сказала торговка розами, стоявшая неподалёку.

— На поле, небось, шпанёнок твой нарвал. Сорную траву продают! Ты б лучше настоящие цветы купил для своей жинки, а не цей веник!

— Який це веник? — возмутилась торговка бичками. — Це самые що нэ на е настоящие квити! А твои уси фарбованы та на прыколках. Тильки до дому дойдэте, усэ осыплется.

— Ах ты ж! — завопила торговка розами, бросившись к ведру с полевыми цветами. Но мальчишка ловко подхватил его в тот самый

момент, как она почти коснулась ручки. Потеряв равновесие, она растянулась на траве.

Взрыв хохота собравшейся уже публики завершил эту сцену. Ким с Лялей незаметно ретировались.

До дачи было пять минут. Шли по тенистой дорожке до самых ворот.

* * * *

У дома Ким открыл почтовый ящик, а там — аж два письма от заведующего отделом информации газеты «Молодёжь Украины» и от редактора газеты «Советский флот» по иностранному отделу Юрзанова. Ким зачитывал эти послания вслух, пока Ляля быстро готовила ужин:

«Итак, в период 17–30 августа вышло шесть Ваших очерков. Последний, седьмой, будет опубликован числа 6–7. В коллективе, да и читатели очень довольны этим материалом. Не стоит бросать это дело: у Вас бойкое перо, мы не очень правили воспоминания. Приятно было их править».

«Ваши два материала “По Суэцкому каналу” и “В Сингапуре” опубликованы. Посылаем Вам номер “Советского Флота” с Вашими путевыми заметками о пребывании в Сингапуре. Надеемся, что сотрудничество, которое установилось между нами, на этом не прекратится. Мы бы хотели иметь “путевые заметки советского моряка” о посещении Гонконга, портов стран Среднего и Ближнего Востока, США и Англии».

Перо его завораживало. И дело было не только и не столько в описаниях чужеземных стран и в экзотике, сколько в живом, искреннем повествовании, затрагивавшем внутренние струнки. Пресытившийся агитками и казёнными фразами читатель буквально набрасывался на материалы молодого журналиста, спокойно и просто, без ложной патетики повествовавшего о самом сокровенном. Стояли в очереди не за сюжетом, а за глотком того, о чём каждый мечтал ещё так недавно в землянке и в море.

...Что же это такое — родина? Место, где родился? Люди, с которыми живешь? Язык, на котором пела колыбельные мать? Или все это вместе взятое, и прошлое предков твоих, и будущее потомков?..

...У горизонта штурман едва различает в бинокль знакомую с детства неяркую Полярную звезду. Мы в северном полушарии, и до дома рукой подать. И вдруг непонятное: весь этот долгий рейс считали дни, когда вновь увидим родные берега, очень ждали этой волнующей минуты, а сейчас, когда почти осязаема радость встречи, рождается какое-то смутное чувство неудовлетворенности. Жаль, что рейс кончается, что большие не станут будить тебя в привычное время на вахту, что у каждого появятся другие интересы, кроме общих. И думаешь: а может быть то, что уже уходит в прошлое со всеми трудностями, с полной мобилизацией физических и духовных сил, и есть настоящая полная жизнь?

Но почему тогда бесконечно долгими кажутся последние дни?..

Этот очерк под названием «К тёплому северу» был одним из самых популярных, и его неоднократно перепечатывали. Как и многие его очерки, он заканчивался вопросом. Ким предпочитал такую концовку, избегая прямых ответов и заставляя каждого ответить по-своему. И это имело особое, долгосрочное воздействие.

Вскоре ужин был готов.

— Можешь расстлать скатерть, — сказала Ляля, заглянув из кухни.

Ужин получился на славу, как всегда, и Ким не мог нахвалиться кулинарными способностями жены.

Вечером, в постели, они слушали, как плещется море, а Ляля о чём-то думала. Ким боялся прервать её мысли и ждал, пока она уснёт. Но она не засыпала, и он, наконец, спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Она помедлила и потом сказала в потолок.

— Мне кажется, у нас будет ребёнок. — Ким подскочил с кровати.

— Кажется или точно? — голос его дрогнул.

— Похоже, точно.

Он стал целовать её руки, бормоча о том, что позаботится о новой квартире, что ребёнку будет где жить... Но она не дослушала его и повернулась на другой бок.

— Я устала. Давай оставим эти разговоры до утра.

— Да, да, конечно...

* * * *

Гинеколог определил примерно две недели беременности.

— Как две? Только две? — спросила Ляля, слезая с кресла.

— А почему вас это удивляет? — ответила вопросом на вопрос Галина Анатольевна, главврач одного из лучших гинекологических отделений города, близкая знакомая и клиентка Жени.

— Да так... Слабость чувствовать начала гораздо раньше, — смущённо кашлянув, сказала Ляля.

— Да? А вы случаем не простужались?

— Простужалась... Ещё остаточные явления до сих пор.

— Да, я обратила внимание на ваше покашливание. Значит так, сейчас я позвоню в тубдиспансер нашему лучшему специалисту, чтоб немедленно приняла вас. Нужно отместить все подозрения.

— Зачем в туб... Вы, что, думаете, я...

— Я ничего не думаю. Вот Полина Львовна посмотрит вас, и тогда подумаем вместе. А пока — бегом к ней.

Галина Анатольевна написала адрес на листке бумаги и имя врача, и принялась звонить по телефону.

— Поля, ты? У меня тут одна знакомая, Женина невестка. Хочу, чтоб ты глянула на неё. Да, сегодня. Хорошо, они уже едут. — Галина Анатольевна положила трубку и жестом показала, чтоб Ляля поторопилась. — Скоренько, скоренько давай! Полина Львовна ждёт.

Ляля вышла из кабинета ошарашенная. Ким ждал её в коридоре.

— Что? — спросил он, вскакивая со стула.

Ляля обвела его отрешённым взглядом, губы её дрожали.

— Что? С ребёнком что-то не так? Ляленька, Ляля, ну успокойся, скажи мне, что случилось?

Открылась дверь из кабинета, и оттуда выглянула Галина Анатольевна.

— Ляля! Вы ещё здесь? Я же сказала, вас ждёт Полина Львовна! Вы — муж? Берите её и мчитесь в тубдиспансер!

У Кима задрожали руки.

— Да-да... Хорошо... Сейчас, бежим.

Он схватил Лялю, и они помчались на улицу ловить такси.

* * * *

Через десять минут они уже стояли в приёмной у Полины Львовны, доброй знакомой Жени, не раз бывавшей у неё в гостях.

— Заходите, — пригласила их в кабинет медсестра. — Полина Львовна сейчас будет. Они вошли. Ляля села на стул в полном изнеможении. Ким стал возле неё. Наконец появилась Полина Львовна.

— Ким, привет дорогой! — поприветствовала она Кима, чуть картавя и широко улыбаясь. Копна рыжих волос засияла на солнце, когда она водрузилась в своё кресло напротив окна. — Ну, давайте знакомиться, миленькая, — обратилась она с той же улыбкой к Ляле. — Я о вас наслышана. Вы к нам из Молдавии пожаловали, так ведь?

— Так, так, — быстро подтвердил Ким, всё ещё стоя подле Ляли.

— Кимчик, ты садись, не стой, — сказала Полина Львовна. — Мы сейчас твою красавицу прослушаем, сделаем снимочек, если понадобится, и всё будет в полном ажуре.

— Правда? — наконец произнесла Ляля.

— Ну конечно правда! А для чего же мы существуем? Всё будет хорошо, миленькая. Лечение у нас разработанное, стационар прекрасный, вылечим так, что и не вспомните больше об этом.

— Правда? — снова повторила Ляля.

Тем временем Полина Львовна взяла стетоскоп и подошла к больной.

— Поднимитесь, пожалуйста, миленькая, и расстегните блузочку. Вот так. А теперь дышите.

Внимательно прослушав и простукав Лялю, Полина Львовна спрятала стетоскоп и вызвала медсестру.

— Валюша, проводите больную на рентген к Борису Анатольевичу.

Ляля застегнула блузку и растерянно оглянулась на Кима, пока медсестра уводила её из кабинета.

— Я тут, никуда не уйду, — заверил он её.

— Вот что, Кимушка, — сказала Полина Львовна, когда дверь за Лялей закрылась. — Сделай-ка пирке в соседней комнате и жди Лялю.

— Это что, серьёзно туберкулёз?

Полина Львовна пристально посмотрела на него, но ничего не сказала.

— Но откуда?

— Всё может быть. Сейчас многие болеют. И молодые совсем, и пожилые. Переутомление, стресс, ослабленная иммунная система, ну и другие факторы. Нужно хорошее питание и забота. Вылечим. Это ж моя специальность, Кимчик. Вот ты капитан, знаешь, как кораблём управлять. А я врач, знаю, как людей лечить. Главное, не думай, что с Лялей произошло что-то исключительное.

— А разве не так?

— Да не так, конечно! Говорю же тебе, таких исключительных полный стационар. Если что — у неё самое начало, случай не запущенный, и к тому же молодость её козырь.

— Как скажете, вам, конечно, виднее, Полина Львовна... только для нас это всё равно исключительный случай...

— Понимаю, всё понимаю... Да, а почему Ляля у Галины Анатольевны была?

— В этом всё и дело...

— Что? Ох! Балда я балда! А сколько недель?

— Две всего...

— Кимушка, иди сюда, сядь со мной. — Полина Львовна взяла его за руку и усадила на кушетку рядом с собой. — Послушай, лечение сложное, плод не сохранится. Нужно абортить Лялю.

— Как? Нет...

— Да. Иначе это осложнит её состояние. Аборт тоже не радость, но учитывая небольшой срок, всё нормализуется очень быстро. Я уверена, что Галя уже всё подготовила, чтобы завтра же принять твою жену. А потом Ляля будет в стационаре до полного выздоровления.

— Это сколько же времени до полного?

— Полгода. И плюс ещё время на восстановление в домашних условиях. Да ты не беспокойся. Если она быстро пойдёт на поправку, мы её через три месяца отпустим под моё наблюдение.

— А раньше?

— Никак.

Коммуналка

Молодость взяла своё. Ляля быстро пошла на поправку, а вскоре и вовсе выписалась из стационара, став на учёт. А тут и обмен подоспел. Киму удалось-таки выменять дачу и обе квартирki на одну двухкомнатную для себя и одну огромную однокомнатную с балконом для Жени с расчётом, что она сумеет со временем сделать из неё двухкомнатную. Главное — обе в малокоммуналках и в хороших районах.

— Ну, шо, Ким, покидаете вже наш корабель, — с грустью говорила Циля, качая люльку и наблюдая, как Яцик с Кимом выносят вещи.

— Не начинай разговоры, мама, — пытался приструнить её Яцик, — вчера уже всё выпили и закусили. Мы тоже скоро съедем. Мне в порту новую квартиру обещали.

— А шо ты с этой делать будешь? Дуське с подвала отдашь? Только через мой труп! Я тут вже досижу свой срок.

— Да как же, дождёшься такого счастья! — огрызнулась невестка, спускаясь вниз с настольной лампой.

— А ты побереги нервы для потомства, — порекомендовала ей Циля, качая младенца.

— Ох, хоть бы не в вас. А то у меня вже никаких нервов не хватает.

Уезжать со старой квартиры было всё же жаль. Конечно, курятник был ещё тот — лестница почти прогнила, сыростью отдавало в спальне, да и летом припекало будь здоров — под самой крышей как-никак. Ляля всегда мрачнела, когда заходила в комнату с улицы. Ещё бы! После родительского дома с садом квартира Кима выглядела особенно убого. Теперь Ким смотрел на своё жильё глазами Ляли и прекрасно понимал её, но как только наступило время сборов, стали мелькать воспоминания — то тенью по занавеске, подштопанной матерью, то на обшарпанной стене, где зарубки маленького Сашеньки, то на продавленной половице, когда гости собирались... Целая жизнь. Прошлая, никому не нужная жизнь, о которой Ляля не имела никакого представления.

Замена, правда, нашлась, что надо. Тут Киму просто повезло. Недалеко от центра, дом из ракушечника, второй этаж, самостоятельный вход, не подъезд какой-нибудь на уйму жильцов, и окна во двор

с шелковицей и роскошными виноградными лозами, а парк вообще через пару кварталов, и до моря рукой подать.

Как только он вошёл во двор, сразу ощутил радость. Не беда, что квартира несамостоятельная! Самостоятельных в таком районе практически не сыщешь. Зато малокоммунальная — всего одни соседи.

Ким решил познакомиться с ними заранее, до въезда, чтоб уже не как чужак внедряться в дом, а по-свойски.

Парадное находилось в самом конце двора, и он проделал путь, который будет проделывать потом ежедневно на протяжении почти двух десятков лет, не замечая, как постепенно потрескается асфальт под ногами, как появятся новые вмятины и заплатки от ремонта труб на нём, как облупится краска на заборчиках и перилах. Но пока он идёт по этой свежести, провожаемый взглядом незнакомого жильца, и что-то ёкает внутри, когда он входит в парадное и поднимается на второй этаж.

Короткий звонок.

За дверью слышатся суетливые шаги, и Ким различает тихий возглас: «Пришёл!» Он слегка склоняет голову, готовясь к почтительному приветствию.

Дверь отпирают. Впереди пожилой мужчина строгого вида, а за ним две немолодые женщины.

— Здравствуйте, — застенчиво говорит Ким. — Я ваш новый сосед...

Из-за спины мужчины доносится вздох облегчения.

* * * *

С соседями по новой квартире Киму повезло. Их было трое — Исай Семёнович с женой Эмилией Ефимовной и её сестра, Виктория.

Виктория Ефимовна — маленькая, но весьма энергичная рыжеволосая женщина средних лет со следами базедовой болезни на лице — с первого взгляда испытала небывалое расположение к новому жильцу. Со второго — она уже боготворила его, как боготворит зритель своего кумира на сцене. Каждое появление Кима сопровождалось бурными аплодисментами её восхищённого сердца, и выпуклые изумрудные глаза её подёргивались сентиментальной дымкой.

В прошлом завхоз одного из санаториев, она знала многих в городе, и её тоже знали и любили за весёлый нрав и добрые дела. Вик-

тория Ефимовна обожала одесскую оперетту. Она не пропускала ни «Сильву», ни «Летучую мышь», ни «Принцессу цирка»... Но ничто не могло привести её в столь затяжной романтический восторг, как «Белая акация». Неподражаемый Михаил Водяной в роли Яшки, молодые моряки в отутуженных белоснежных формах, музыка Дунаевского... Ах, в какие только дали не уносилось трепетное сердце Виктории Ефимовны!

Что греха таить, и на её старшую сестру Эмилию появление молодого капитана произвело не менее сильное впечатление. Никто из них и представить себе не мог, что неприятные вести об уплотнении, принесённые управдомом, вдруг обернутся для всех таким подарком судьбы.

Соседи были добросердечными людьми, и в тяжёлое время даже приютили на чердаке мать с дочерью, которым некуда было деться, поскольку отца их семейства сослали в лагерь. В квартиру вселить нельзя было, и женщины неофициально ютились в чердачной комнате с керосинкой на окне, пока родственники не забрали их к себе в какое-то село.

После их отъезда в дверь постучал управдом и сообщил, что жильцам следует потесниться — квартира слишком велика для одной семьи.

— Голубчик, Иван Фёдорович, я же не член семьи! — попыталась возразить Виктория Ефимовна.

Но её заявление не возымело должного впечатления на управдома.

— У вас и так две комнаты — комната на вас и комната на сестру с мужем, — отрезал он. — Две другие комнаты предназначены для новых жильцов.

Несколько дней прошло почти в трауре. Виктория собиралась было использовать свои связи в городе, чтобы отбиться, но тут на пороге появился Ким.

Обе женщины расцвели в буквальном смысле слова, а Исай так просто воспрянул духом — в своём женском королевстве он и мечтать не смел о таком интереснейшем собеседнике за накрытым в пятницу вечером столом.

Решено было две маленькие комнатки с балконом оставить себе, а две большие отдать новым соседям. Предложение было принято единогласно на семейном совете, а когда Киму объявили о решении,

Исай добавил: «А балконом вы всегда можете пользоваться. Приходите, отдыхайте здесь в тенёчке, сколько душе угодно».

И впрямь, балкон был замечательный, весь заросший диким виноградом. Там стояла кушетка для отдыха и стол с двумя стульями, и когда бы Ким ни появлялся, ему всегда было уготовано местечко поуютней.

* * * *

Через полгода после выздоровления Ляля вновь забеременела, и радости Кима не было конца. Но тут вмешалась теща.

— Ляля ещё слаба, — сказала она, приехав якобы погостить. — Ей нужно окрепнуть, беременность дело нештучное.

У Кима ёкнуло сердце.

— Что вы, собственно, имеете в виду?

— Только то, что сказала. Твоей жене нужен ещё годик, чтобы прийти в себя. Это я тебе как медработник говорю.

— Ну и?.. — Ким почувствовал, что начинает вскипать.

— Мама, ну, ладно, всё, закончили этот разговор, — зло и обречённо отрезала Ляля, которая до того момента молча следила за ними.

На следующий день мать уехала, поджав губы, что означало: зять — эгоист и вовсе не думает о её дочери.

Со временем обиды утихли, беременность протекала нормально, Ляля заметно похорошела. Надежда Константиновна временно исчезла с горизонта, только вызывала дочь на переговоры, но когда дело стало близиться к развязке, она принялась настаивать на том, чтобы Ляля ехала рожать к ней в Калараш. Ким почувствовал недоброе, но поделать ничего не мог. Запрещать дочери быть под надзором матери и к тому же профессиональной акушерки, было бы крайне жестоко и кроме скандала ни к чему бы ни привело.

Он ходил мрачнее тучи. Билет был куплен заранее, по настоянию Ляли. В течение нескольких дней Ляля собирала вещи из расчёта на то, что останется, по крайней мере, на месяц у матери после родов. Всё это усугубляло подавленное настроение Кима, поскольку не видеть новорожденного месяц представлялось ему настоящей пыткой. Как он будет возвращаться в пустой дом после дежурства, не пожелав никому доброй ночи и не полюбовавшись младенцем? Каждый день жизни приносит изменения, а новорожденные меняются молниеносно. Он навсегда будет лишён памяти об этих первых

дней жизни своего ребёнка... К этому присовокупились быстрые и острые уколы памяти о Сашеньке, о котором он ничего не знал, и он гнал их от себя, а они всё равно успевали ранить и саднили по ночам.

Его молитвы были услышаны. Накануне отъезда в Калараш у Ляли стали отходить воды. Она с ужасом смотрела, как река жизни готовилась выплеснуть в мир их дитя, но быстро приехавшая скорая увезла её, и вот уже через несколько часов они стали родителями стопроцентной одесситки Любаши. На имени дочери они сошлись моментально. Наверное, потому что оно воплощало их идеал, их избыточную мечту...

Обожание, которым соседи окружили семью Кима, перекинулось и на новорожденную.

— Копия Ким! — воскликнула Виктория, заглянув в свёрток, прибывший из роддома. А Миля Ефимовна, внимательно рассмотрев посапывающий комочек, сообщила всем, что ребёнок — вундеркинд.

Ляля удивлённо подняла брови и тоже в очередной раз склонилась над Любашей, но ничего такого не заметила.

Любаша с пелёнок стала соседям родной. Их собственный внук уже вырос и заканчивал институт, а они всё ещё ностальгировали по молодости, по маленьким детям, и с радостью брали Любашу к себе, балуя ребёнка домашним вареньем из вишни и абрикоса и читая ей книжки. Ляля была благодарна им за эту опеку в особенности, когда Ким уходил на дежурство, и она оставалась с ребёнком. Тут и постирать нужно было успеть, и поесть приготовить, и прибрать, а девочка росла и требовала всё больше внимания.

Когда Любаша стала постарше, Виктория Ефимовна решила брать её с собой в оперетту, и всякий раз не могла нахвалиться своей питомицей, восхищаясь тем, как тихо и сосредоточенно та сидела от начала и до конца представления.

— Хороший ребёнок в доме — это всё! — восклицала тётя Витя, когда они выходили из театра. Это было её любимой поговоркой, за которой всегда следовала фраза: — Пойдём, я куплю тебе мороженое.

Любаша получала мороженое и, мурлыча себе под нос запомнившуюся арию, наслаждалась пломбиром в стаканчике до самого дома.

Дом был любим и обласкан вечерней сказкой, запахом лугов из банки с мёдом, подававшимся к чаю в зимнее время, а в летнее — ветром, надувающим паруса занавесей, и запахом моря от тарань-

ки, болтающейся на верёвочке за окном. Не было ни одного времени года, с которым дом бы не дружил. И особенно хорошо ему было в дождь и в снег, когда он становился центром единения и уюта. У Любаши с ним были свои, доверительные отношения, он открывал ей маленькие тайны в виде незаметной щёлочки, в которую ускользал юркий сверчок, старой броши, запавшей за трюмо и заботливо обёрнутой паутиной.

Больше всего дом не любил уборку, разрушающую таинственность суверенного пространства углов и мебели, их охраняющей.

Соседи занимали женщину по имени Настя, и она тщательно вымывала коммунальное хозяйство плюс их комнаты, а Ляля делала всё сама, потому что не любила посторонних рук и доверяла только себе. Любаша не возражала против Насти. Настя была добрая и смелая. Она не боялась щелей в полу, откуда выскакивала мелкая живность, потревоженная её тряпкой, и при этом она рассказывала Любаше дивные сказки, которых не прочтёшь ни в одной книжке. Сказки были тёмные, странные, завораживающие, как углы, которые вымывала Настя, и Любаша была уверена, что Настя слышала эти сказки от них.

Одна из сказок была о прекрасной девушке, которая ночью превращалась в безобразную обезьяну и заползала по дереву в замок, чтобы задушить принца. Принц ничего не знал о метаморфозах, происходивших с ней, и однажды завидев девушку, безумно влюбился и захотел жениться на ней. В ночь после свадьбы, когда принц уснул, она превратилась в обезьяну, но силы добра и зла стали бороться в ней. Она вспомнила, что днём была невестой принца, и, не в силах задушить его, выскользнула в окно. Стража увидела ужасную обезьяну, спускающуюся по дереву, что росло под окном принца, и убила чудовище. Наутро принц проснулся и не нашёл рядом своей молодой жены. Тогда ему показали тело убитой обезьяны, и все решили, что это она украла его возлюбленную. С тех пор он жил в тоске и печали и никогда больше не женился.

Когда соседи слышали эту сказку, они велели Насте никогда больше не пугать Любашу подобными историями. После этого Настя перестала рассказывать свои странные сказки, а Любаша долго ещё просыпалась среди ночи, слушая шелест шелковицы под окном.

Парторг и цыганка

Как-то после дежурства, когда Ким уже направлялся домой, на проходной раздался звонок.

— Да, он здесь, нет, ещё не ушёл, — сказал вахтёр, останавливая жестом Кима. — Это вас, — сообщил он, положив трубку. — Начальство просит зайти в кабинет к заму.

Ким всполошился.

— А в чём дело? Не говорили?

— Нет, только попросили зайти...

Ким повернул назад и через несколько минут был уже в кабинете. Там сидели зам, работник профсоюза, председатель месткома и парторг.

— Здорово, Ким! — поприветствовал его зам, пожимая руку. — Проходи, садись. Устал, небось, с дежурства?

— Да есть немного...

— Ну, сейчас отпустим. Я быстро. Дело вот какое. Требуется очерк о советских моряках... герой чтобы положительный был... собирательный образ, лицо советского флота... Ну, сам понимаешь...

Ким понимал и от таких заказов всегда старался открититься. Удастся ли на сей раз?

— Егор Семёныч, ну вы же знаете... Я такое не пишу, — взмолился он.

— Какое «такое»? — подал голос парторг.

— Да тема у меня другая. Я пишу о том, что повидал, о других странах, о людях, живущих там.

— Нужно ли понимать, что положительный образ советского моряка вам не встречался? — прищурившись, допытывался парторг.

— Да я не то хотел сказать, ну что вы, в самом деле, к словам придираетесь.

— А что вы хотели сказать? Уточните, — вступил месткомовец.

— Не знаю я, как писать положительного героя.

— Это почему же?

— А потому что иди знай, что там положительное, а что отрицательное. У Толстого вот все герои и такие, и сякие.

— Бросьте вы! Тоже мне Толстой выискался. Не усложняйте, — откликнулся профсоюзный деятель. — Кстати, у вас нарекания были?

— Да не было у меня никаких нареканий!

— Ему даже грамоту не раз вручали за ударный труд, — вступился зам.

— Вот и напишите положительного героя с себя, — предложил профсоюзный работник.

Зам дал понять взглядом, что препираться не стоит.

— Иди, Ким, отдохни и подумай над предложением, — сказал он. Ким быстро направился к выходу.

— А почему вы не вступаете в партию? — слышалось у него за спиной. Ким обернулся и слёту ответил:

— А не достоин я пока что.

— Вот как... — опешил парторг. — Самокритика эт хорошо... Самокритика — эт приветствуется...

* * * *

Поздним вечером, когда все уснули, Ким сел за письменный стол и попытался что-то набросать. Не хотелось ему подводить зама, но и кривить душой тоже не хотелось. Просидел полчаса без толку, перо не слушалось, да и мысли всякие в голову лезли. Вспомнил совет профсоюзного деятеля и усмехнулся. И какого же, интересно, положительного героя он мог бы с себя написать? Один семейный корабль потопил, и второй уже дал крен... Вот тебе и отменный капитан, вот тебе и старший лоцман.

Да, на море решения принимать куда проще. А всё почему? Может, потому что с морем другие отношения. Море — как Бог. Грозное, иногда беспощадное, иногда вознаграждающее и всегда требующее соблюдения морских законов. С ним нельзя строить отношения на авось, и законами его пренебрегать нельзя. А тут... С Таней сошёлся без любви, именно сошёлся, какое мерзкое слово, и ни во что другое оно не переросло. Сошёлся и разошёлся. С Лялей мог бы предугадать последствия брака с односторонней привязанностью. Ведь сам же пережил этот опыт совместной не-жизни! А теперь в роли Тани он, а на его месте Ляля... Ирония судьбы. Нет, неча на судьбу пенять, коли решение кривое. Именно так! Самонадеянность и погубила, как в первый раз, так и во второй. В море такая самонадеянность крахом корабля заканчивается. Но в море-то он был на высоте, ни одной аварии за всё время работы. А в семье... Ох, кто бы обучил его правилам береговой жизни! Да и существуют ли они?

Ким взглянул на спящую дочь. Всё, пора в постель! Действительно, завтра в полдень на дежурство, нужно выспаться.

Он потушил свет и пошёл в большую комнату, где Ляля спала, повернувшись лицом к стене. Он тихо лёг рядом, всё ещё слушая предрасветную тишину двора, пока сон наконец не поймал его в свои сети.

На заре ему приснилась бабушка. Она сидела на табурете возле развалившегося дома и смотрела вдаль.

— Бабушка, куда ты смотришь? — спросил он, как в детстве. Но она продолжала смотреть, не говоря ни слова.

Он повернул голову в ту сторону, куда она глядела, и увидел море. Оно струилось с неба, как замедленный водопад, внутри которого плясал крохотный солнечный зайчик. Зайчик рос, увеличивался, обретая очертания детской фигурки. Он различил бегущую девочку, которая стремительно двигалась навстречу ему, радостно размахивая ручонками.

«Наверное, это Любаша», — решил он, но тут же вспомнил, что он ещё маленький, и у него не может быть дочери. Сон множился во времени, девочка продолжала бежать, и в какую-то минуту он почувствовал, что если не узнает её, то навсегда потеряет. А она всё бежала и бежала — то ли по воздуху, то ли по волнам.

Он проснулся без одной минуты семь и едва успел хлопнуть по металлической шапке уже подрагивающего от возбуждения будильника. Ляля была в отпуске, могла поспать подольше, да и у него было ещё несколько часов до дежурства. Утренние блики на потолке обещали солнечный день. Он тихо поднялся с постели и пошёл на кухню бриться.

Вода в кране была прохладной, мерцающей, как во сне. Ким закончил бриться и ещё раз взглянул в зеркало. Блик вспыхнул на его поверхности и окончательно исчез.

Проснулась Любаша. Они с Кимом были жаворонками, а Ляля любила работать по ночам и подольше поспать. Засылав дочь, она тоже вскочила и отправилась на кухню готовить всем завтрак.

После завтрака Ляля села за швейную машинку прострочить платье Любаше, а Ким ещё немного поиграл с дочерью, затем взглянул на часы и начал собираться.

— Пап, а ты куда? — Любаша вопросительно взглянула на него, отложив куклу в сторону.

— На дежурство.

— Возьми меня с собой! — она проворно вскочила со своего детского стульчика. Он только рассмеялся и погладил её по голове. Любаша приняла это за согласие.

— Значит, возьмёшь? Ура! Ты на пароходике работаешь, а я люблю на пароходике кататься! — она бросилась одеваться.

Ким остановил её.

— Покатаемся, только не сейчас.

— А когда?

— Скоро. Я возьму всем нам билеты на красивый пароход, и мы поедem в путешествие по морю, — он взглянул на Лялю, которая строчила на Зингере.

— По всему? И по другим морям тоже?

— Нет, только по нашему, Чёрному.

— Твои моря как карандашики.

— Почему как карандашики?

— Чёрные, белые, красные...

— А-а! Ну, вот ты и нарисуй их и попутешествуй по ним, пока я вернусь. Ладно?

— Ладно...

Он поцеловал её, попрощался с женой и вышел из дому.

Солнце катилось к полудню, накаляя асфальт и крыши. Город уже дышал тёплой испариной разгорающегося летнего дня. Наверное, Ляля с Любашей пойдут на пляж.

«Сегодня должна быть тёплая вода...» — подумал он, направляясь к трамвайной остановке.

Там уже собралась толпа народу. Приезжие вместе с одесситами брали штурмом все виды городского транспорта, лишь бы добраться до вожделенной воды. Воды-то всем хватало, а вот песка... Люди захватывали пляжные полоски, наваливая на них подстилки и сумки и загораживая проход к морю. Ходили по головам, загребая песок, и он сыпался на подстилки и тела и хрустел на съестных припасах.

Ким вспомнил, как впервые взял Любашу в воду. Она подняла истошный крик, начала плакать, требовала вернуться на берег.

— Рыбонька моя, не бойся, это водичка, она хорошая, — уговаривал он её.

У Любаши вдруг округлились глаза, она притихла, над чем-то раздумывая, а потом с серьёзным видом спросила:

— Если я рыбка, значит, ты будешь меня варить?

Наконец показался трамвай. Толпа возбуждённо зашевелилась, и тылы начали активно продвигаться вперёд, дабы не оставаться под пекущим солнцем в ожидании следующего трамвая.

Красный и раскалённый, сам, как обгоревший пляжник, трамвай остановился с сердитым скрежетом. С трудом открылись двери, из которых начали по каплям выдавливаться пассажиры. Как только все вышли, толпа, как по команде, ринулась вперёд.

— Штурм Летнего, — пошутил энергично проталкивающийся вперёд мужчина, вызвав взрыв смеха.

Ким тоже двинулся к дверям, но кто-то сзади вцепился в рукав кителя, не давая ему возможности продвинуться к дверям. Не оборачиваясь, он попытался освободиться, однако ему это не удалось. Его явно пытались оттянуть назад, и это уже было слишком.

— Ну, чего хулиганишь! — грозно рыкнул он, оборачиваясь.

Перед ним стояла цыганка. Он опешил. Ну и хватка!

— Отпусти, отпусти же, я сказал! — прикрикнул он на неё — Нет у меня денег, да и некогда мне! — Он попытался освободиться, но цыганка продолжала оттягивать его от трамвая. — Да отцепись ты! Чего пристала? — возмутился он, видя, что его оттесняют. Не хватает только, чтоб он на дежурство из-за неё опоздал!

Цыганка пристально взглянула на него и внушительно произнесла:

— Не ходи туда, несчастье будет! — И повторила. — Не ходи!

На секунду его взяла оторопь. Он стоял, не двигаясь, уставившись на неё, и она тоже молча смотрела ему прямо в глаза, словно гипнотизируя. Это длилось несколько секунд. Толпа тем временем оттёрла его от дверей, и он вскоре оказался почти позади всех.

Трамвай набивался всё плотнее, но у него ещё был шанс влезть с задней площадки. Он стоял, раздумывая, что делать. Цыганка, между тем, исчезла, словно жара растопила её. Толпа ревела — смесь ругани, прибауток и хохота. Кто-то охал, кто-то взвизгивал, кто-то снаружи старался впихнуть внутрь вагона свисающий зад пассажира, чтобы самомувтиснуться между ним и дверью.

Дом был всего в нескольких метрах от Кима — на противоположной стороне улицы.

Ему вдруг страстно захотелось снова взглянуть на своих, словно они только что не виделись или виделись, но в последний раз... «Это всё глупости, глупости», — пытался он убедить себя. Но странное, гнетущее чувство разлуки погнало его назад к дому.

* * * *

— Что случилось, — удивлённо вскинула брови Ляля, когда он появился в дверях. Ким ничего не ответил, только быстро направился в комнату и взволнованно прошёлся от окна к дивану.

— Что произошло? — повторила жена с нарастающей тревогой в голосе.

— Цыганка...

— Цыганка? Тебя обокрали? Ну, Ким, не ожидала, что ты поддашься на эти уловки! Судьбу что ли, обещала предсказать? — Ляля рассмеялась с лёгким раздражением.

— Да нет, совсем не то, что ты думаешь.

Ким начал было рассказывать о происшествии, как вдруг раздались крики со двора. Ляля подбежала к окну и увидела, что люди выскакивают на улицу и бегут куда-то.

— Что-то случилось, нужно посмотреть, — заторопилась она, надевая босоножки. Они выбежали со двора, спрашивая, у встречных, что произошло.

— Как, разве вы не знаете? Только что трамвай сошёл с рельсов. Полно народу передавало! Ваших там никого не было?

Да, это была одна из крупных одесских трагедий в разгар пляжного сезона, когда трамваи превращались в сплошное красное человеческое тело, свисавшее с подножек и высовывавшееся из окон.

Ким остался цел в силу мистических обстоятельств.

Часть шестая

ЭХО ПРОШЛОГО

Разговор по душам

Ким благополучно провёл сухогруз в Николаев, а назад возвратился на автобусе. Если б в Херсон направили, прикупил бы арбуз, а так — налегке, без гостинца. А жаль! Арбуз херсонский был бы в самый раз в эту пору. Вот Любаша бы обрадовалась! Её всегда поражали херсонские гиганты.

— Ну, как думаешь, красный? — спрашивал Ким, готовясь разрезать влажный, тщательно вымытый арбуз.

Любаша кивала и ждала, когда наконец хрустнет корка под ножом и откроется тайна... Херсонские арбузы никогда не обманывали ожиданий.

Через пару часов Ким был дома. Он вошёл во двор, поднялся по лестнице и уже собирался позвонить, как до него донеслись возбуждённые голоса.

— Ты меня прямо из кухни вытащила в свой драмкружок! — срывающимся голосом восклицала Ляля. — Выбежала прямо от плиты! Даже губы не успела накрасить! Меня все так и увидели... — Она вдруг разрыдалась.

Ким помедлил. Раздались шаги соседки. Виктория Ефимовна пыталась успокоить Лялю.

Ким сразу смекнул, в чём была причина истерики жены.

Драмкружок, куда Люба упростила мать повести её, находился в Клубе моряков. Как раз в это время там проходили съёмки фильма, в котором режиссёром был Лялин киношник. Ким об этом знал, но ему и в голову не пришло, что в день съёмок Любаша начнёт упра-

шивать мать пойти с ней на репетицию в драмкружок. Для Ляли же это было полной неожиданностью и шоком, когда она, судя по всему, напоролась на своего бывшего суженого. Суженый сделал вид, будто не знает её, и вдобавок попросил помощника убрать всех посторонних со съёмочной площадки. Всё остальное можно было себе очень просто домыслить.

Дождавшись, пока жена утихнет, Ким повернул назад, решив не заходить в дом. Он направился напрямик к гастроному. План созрел, пока он стоял и слушал истерику за дверью.

Ну до каких же пор всё это будет продолжаться? И что она в нём нашла? Столько лет прошло, и все они отравлены его присутствием! Да нет, при чём тут он... Это она... Хоть бы ребёнка пожалела — в кои-то веки повела в драмкружок, о котором Любаша так давно мечтала! Ну, да ладно. Нужно поговорить с ним по душам, с киношником этим, увидеть, что в нём такого незабываемого...

Ким вошёл в гастроном и направился в винно-водочный отдел. Без пол-литра, как говорится, не разберёшься.

* * * *

В клуб он заявился поздно вечером, когда съёмки были закончены и съёмочная группа спала вповалку на диванах, прямо в фойе, чтобы экономить время, поскольку следующие съёмки начинались рано утром, до рассвета.

Кима пропустили без вопросов, каждый знал его, включая и вахтёра.

— Что снимают? — осведомился Ким у дежурного на входе в съёмочный павильон.

— Фильм какой-то художественный. «Верность» называется...

— Верность, — Ким хмыльнулся. — Ну, а сам где? Режиссёр-то здесь?

— Да спит у замдиректора в офисе. Им вставать рано.

— Ну ясно... Бывай!

Он торопливо прошёл через салон и растворился в коридорных потёмках. Дверь замдиректора направо, это он точно помнил.

* * * *

В офисе зама тускло горел ночник. Там спало несколько человек. На столе валялись бутылки, промасленные бумаги и консервные банки.

Его он узнал сразу. Он спал на кушетке, подложив руку под голову. Ну, не спал, а притворялся, конечно. Киму даже показалось, что хитрец подглядывает за ним сквозь щёлочки закрученных кверху ресниц.

— Ну, ну, давай, давай, подглядывай, — пробормотал он.

Тот не шелохнулся. Понятное дело, струсил. Это ему не на съёмочной площадке бойца изображать. Артист!

— Эй, — Ким тихонько тронул лежащего за плечо. — Слышь, проснись, поговорить надо.

Тот по-прежнему не двигался и, казалось, даже дыхание затаил.

— Да что ж я, медведь, что ты передо мной мёртвое тело разыгрываешь! — негромко возмутился Ким. — Я тебя не трону. Пришёл поговорить, как мужчина с женщиной. — Он вытащил шкалик из портфеля. — Вот, видишь? Всё чин-чинарём. Разольём, поговорим. Морду бить не буду.

Тот подумал и повернулся на другой бок.

— Эй! — не унимался Ким, уже более настойчиво тормоша притворщика. Но пробудить его было невозможно. — Слушай, так даже на корабле не напиваются, сказал он ему в самое ухо. — Это ты для следующей роли запомни. Может, пригодится.

Так он и ушёл восвояси, косолапя и покачиваясь, оставив спящее тело киношника долёживать в офисе до рассвета.

Сон и явь

Снилась война. Эшелоны, поезд, лицо Сашеньки в окне.

Война, война, война! Сашенька приник лбом к мутному стеклу и стал похож на Любашу.

Ким начал метаться, пытаясь спасти Сашеньку — единственное, что у него осталось, его соломинка, зацепка...

— Кимуля, Кимуля, проснись!

Он открыл глаза. Перед ним плыло лицо сестры.

— Женечка... — почти простонал спросонья. — Откуда ты здесь?

— Это не я здесь, это ты здесь. Вчера такой хорошенький пришёл — лыка не вязал. Я тебя сразу спать уложила. А через полчаса Ляля прибежала.

— Меня искала? А как она узнала, что я уже вернулся из Николаева?

— Да не искала она тебя. Отношения выяснять прибежала. Она рубашку тебе стирать собралась, а там в кармане у тебя записка была...

— Что ещё за записка?

— Ну как что? Любовного содержания от Эвелины. — Жень пристально посмотрела на него.

— О, господи! Только этого не хватало...

Эта немного перезревшая Женина соседка со двора была без ума от Кима и даже не пыталась скрыть своих чувств в присутствии Ляли. В той записке Эвелина вывела старательным почерком, что во время встречи Нового года с друзьями она была готова забраться на стол и крикнуть всему свету, что влюблена в Кима по уши. Ким расхохотался, представив себе, как опасно покачиваются тонкие ножки стола под громоздким телом невесты как взбравшейся на него Эвелины.

Записка завалилась в кармане, и Ким совершенно забыл о ней. И надо же было ей найтись в тот самый вечер! Это всё злой дух киношника, не иначе!

— Ты дала им свою квартиру. Ты их прикрывала, — на тихом взрыве бросала Ляля Жене.

— Бог с тобой! Зачем бы я это делала? У неё своя квартира на первом этаже.

— Ах, вот как! Значит, они спали в её квартире! И ты его не остановила, да? Хороша сестричка!

— Чушь какая! Никто ни с кем не спал. Он в её сторону вообще не смотрит. Она даже не в его вкусе, коли на то пошло.

— Да, да, рассказывай!

Из соседней комнаты раздался храп.

— Это кто ещё у тебя там? — понизив голос спросила Ляля.

— Муж твой, вот кто.

— Что? Как он тут оказался? Почему домой не явился после дежурства? Так, завтра пусть придёт за вещами.

Ким только вздохнул, прослушав всю историю. Всё с ног на голову перевернулось. Теперь он будет ходить в виноватых.

— Ну и ну! Нарочно не придумаешь... Да, ладно. Жизни всё равно нет, и надежд на перемены нет. Любушку жалко... Не представляю, как она будет расти без меня...

— Но у тебя ничего с ней не было?

— С кем?

— С Эвелиной, с кем ещё?

— Было, не было... Какая разница?

— Вот стерва! Чуяло моё сердце. Ну всё, ноги её здесь больше не будет, зараза такая!

— Да брось ты... Записку нужно было порвать, а я и забыл о ней...

— Забыл! И чего тебя к этой прости-господи понесло? Хотя на твоём месте любой мужик бы налево пошёл.

— А может, это на Лялином месте любая бы налево пошла.

— Так может, и ходила...

— Ну, всё.

Больше они на эту тему не говорили. Порешили, что пока Ким побудет у сестры, а вечером отправится домой, постарается это дело загладить.

* * * *

Когда Ким заявился домой, Любаша была в постели. Оказалось, что у неё со вчерашнего вечера поднялась температура. Увидав отца, она обрадовалась и хотела броситься к нему на шею, но Ким остановил её, присаживаясь на край кровати.

— Не поднимайся, доча, у тебя температурка. Лобик горяченький...

— Папочка, ты уже приехал? А я сегодня дома. Ты будешь читать мне книжку? — Её щёки пылали.

Ким собирался было что-то ответить на просьбу дочери, но на пороге показалась Ляля.

— Соберись и уходи, — жёстко сказала она.

— Ляля...

— Я сказала, соберись.

Ким порывисто обнял ребёнка.

— Папа, что случилось? Почему мама тебя выгоняет? — встревожилась Любаша.

— Я... плохо поступил по отношению к маме, — ответил Ким. — Я сильно обидел её. Я виноват перед ней, поэтому она хочет, чтобы я ушёл.

Любаша порывисто обхватила его за шею и крепко прижала к себе.

— Я тоже перед ней виновата каждый день. Пусть она меня тогда тоже выгонит! А я тебя никуда не отпущу. Ты будешь жить здесь, в моей комнате, и я тебе буду отдавать свою кашу и хлеб с маслом.

— Люба! Прекрати! Отпусти отца немедленно! — приказала Ляля, наблюдавшая за этой сценой. — А ты собирай свои вещи и уходи!

— Ты уходи! Сама уходи! А папку я не отдам! Он мой, мой! — воскликнула Любаша, бросившись к отцу, как зверёк, и крепко прижав его к себе. Так в детстве делала бабушка, когда мать хотела его наказать.

Ким тихо заплакал на её детском плече — впервые за всё время, впервые после потери боевых товарищей, смерти мамы, исчезновения Сашеньки...

Они просидели так какое-то время. Любаша отказалась наотрез от еды и питья и только крепче вцеплялась в него всякий раз, как мать подходила к ним.

— У неё, кажется, повышается температура, — наконец сказал Ким. — Она вся горит.

Ляля принесла градусник.

— Люба, не дури, нужно измерить температуру! — Она попыталась приблизиться к девочке.

— Нет!

— Хорошо... Папа останется...

— Навсегда?

— Навсегда.

— Папочка, папочка, папочка! — Любаша бросилась целовать отца, снимая с него шапку и шарф и расстёгивая пальто, в котором он просидел всё это время.

Потом они пили вместе чай из ложечки. Он дул, а Любаша пила. Чай был с малиной и лимоном, вкусный. Температура начала спадать, и Любаша, разморившись, попросила почитать ей вслух. Он стал читать, за окном унялось солнце.

Уже засыпая, Любаша сообщила ему заговорщицки: А я видела ту фотографию, на которой ты узбек.

Ким положил руку ей на лоб.

— Какой узбек? Ты о чём?

— Ну ту, что ты спрятал у себя в ящике. Когда ты маленький был. В шапочке узбекской. Помнишь? Ты мне никогда не рассказывал, что в детстве ты был узбеком...

Она уснула, а он достал фото своей семьи из ящика и долго рассматривал мальчика в тубетейке.

Кризис

Плохие вести следовали одна за другой. Первая — умер Адамыч. На Киме не было лица, когда он вернулся домой из порта. На распросы жены кратко ответил, что нет больше его лучшего наставника, и всю ночь просидел над некрологом. Вспомнил всё. И как война помешала ему закончить практику... В те грозные военные дни Адамыч появлялся на палубе военно-вспомогательного буксира. Не было там ни стройных мачт, ни надутых ветром парусов, ни путаницы концов, к которым так привыкли натруженные руки боцмана. Вместо всего этого — два-три фала для поднятия флагов, куца, черная от угля и машинного масла палуба и жирный фонтан дыма из пузатой трубы.

— Даже море дымом пахнет, чали... — приговаривал Адамыч с тоской.

В этих словах было и воспоминание о мирных рейсах, и ненависть к врагу, и боль за израненное, кипящее от бомб море... Некролог написан сам, словно кто-то водил пером Кима. И уже было неясно, где заканчивались раздумья и начинались слова.

Всё в мире имеет конец. Не стало и Адамыча... Давно ушли в небытие красавцы-парусники, а самому молодому из проходивших практику на «Товарище», перевалило за сорок. На смену старым тихоходным пароходам пришли стремительные океанские лайнеры, а довоенный «Товарищ» свободно уместился бы на палубе современного большого танкера. Иногда на морском перекрестке встречаются два корабля. Один из них, подобно «чайке белокрылой», летит по волнам, наклонив высокие мачты, увешанные парусами. И кто бы ни шел навстречу — быстроходный ли пассажирский теплоход, танкер или возвращающийся из дальнего плавания китобойный корабль, — он обязательно уступит дорогу паруснику и первый приспустит флаг

в знак приветствия. На носу парусника большими золотыми буквами выведена надпись «Товарищ». Это — новый «Товарищ». На нём так же, как и сорок лет назад, уходят в первое плавание будущие капитаны неведомых кораблей. Но каждый, хоть раз побывавший на старом «Товарище», вспоминает с особой теплотой стройный барк, первые шаги к дальним плаваниям, свою молодость. И всегда в этих воспоминаниях возникает образ старого моряка, первого боцмана советского морского флота — Адамыча.

С утра Ким пошёл в редакцию черноморской газеты и отнёс некролог. Там его уже ждал главред. Поблагодарил за оперативность, прочёл некролог, прослезился. До полудня подбирали фотографии, размещали материал, а потом отправились с моряками помянуть легендарного боцмана.

Вечером Кима ждала вторая новость. Любаше снова стало хуже. Как назло, её участковая врач уехала в отпуск до следующей недели, а другому врачу Ляля не доверяла.

Любаше дали жаропонижающие, температура спала, но лучше ей не стало. В течение нескольких дней слабость стала нарастать. От еды она тоже отказывалась. Лекарства не помогали. Ким пытался почитать ей любимую книжку, но и это не взбодрило её.

Срочно была вызвана из Калараша Надежда Константиновна. Любаша только поморщилась, услышав известие о приезде бабки. Отношения между внучкой и бабушкой сложились странные. Вопреки обыкновению, Надежда Константиновна внучку не баловала и подмечала все её промахи. Любаша тоже в обиду себя не давала и иной раз и ногой топнуть и дверью хлопнуть могла в ответ на придирки.

— Упрямая она у тебя, злючка, — говаривала Надежда Константиновна Ляле. — И белоручка к тому же. Балуеть ты её.

Ляля слушала мать и прикрикивала на Любашу, что вызывало недовольство Кима. Поведение тётки он понять не мог. Ну, пошалила внучка, что ж тут удивительного.

Ребёнок на то и ребёнок, чтоб шалить. Он сам был первенцем в семье и хорошо помнил, как бабушка любила и пестовала его, как защищала, когда родители хотели его наказать. А тут... Как-то, вернувшись из Калараша, Любаша пожаловалась, что бабушка часто дразнила её чомгой и читала ей сказку «Айога» о девочке, которая превратилась в уродливую птицу.

— Посмотри, посмотри, как ты на неё похожа! — приговаривала со смешком Надежда Константиновна, показывая рисунок чомги в книге. — Вот вырастешь и тоже чомгой станешь.

Любаша чуть ту книжку на клочки не разорвала — Надежда Константиновна едва успела выхватить её из рук внучки.

— Ах, ты злючка такая! Вот приедет твоя мама, я ей покажу, что ты с книжкой сделала, — пригрозила она, разглаживая страницы.

— Ну, почему я должна стать чомгой? — недоумевала Любаша, вернувшись домой.

— Глупости! Никакой чомгой ты не станешь, — заверил её Ким. — Это бабушка сказала, чтобы ты её слушалась.

Вечером он поделился с Лялей, но та только отмахнулась:

— Да не преувеличивай ты. Подумаешь, маме и пошутить нельзя.

* * * *

Когда Надежда Константиновна приехала к заболевшей Любаше, Ляля вздохнула с облегчением. Всё-таки медик в доме, да и нагрузки меньше, можно ночью поспать спокойно. И впрямь, жизнь её стала менее напряжённой. Мать обеды готовила, мужа на работу собирала и с Любашей по ночам сидела. А той всё хуже и хуже. Через несколько дней, к ночи, снова подскочила температура. Родители уже спали — завтра рано на работу.

Любаша ворочалась, стонала, видно, что-то мерещилось во сне.

Надежда Константиновна подошла, поставила градусник. Та открыла глаза и посмотрела на бабушку невидящим взглядом.

— Ты чего?

— Ничего, — прошептала Любаша.

Надежда Константиновна смочила ей губы и, подождав немного, вытащила градусник из подмышки. Градусник был такой горячий, словно его опустили в кипяток. Она взглянула на ртуть, дала таблетку и села рядом на стул с вязанием в руках.

Сидит, вяжет. Нитки в пальцах извиваются, крючок их мучает, выкручивает. Любаша смотрит на это, и мысли её спутываются, как нитки, а в висках стальные крючки шевелятся.

«Тик-так!» — часы выстукивают, солнце в землю колышками стрелок вбивают. Зачем она мучает нитки?

Ай-йо-га! Ай-йо-га!

Вяжется покрывало, только и ждёт, чтобы набросили его на травы, на озёра, на солнце. Никого не согреет оно. Ветер сквозь него задувает, холод земли в узор его заползает. Холодно в нём, тяжело.

В ту ночь Любаше мерещились подводы... Вереницы подвод, хлопающих по осеннему бездорожью, а на них люди — головы в колени, чтоб от озноба укрыться. А он заползал к ним за ворот, проникал под кожу и полз дальше, дальше, прямо к сердцу.

В мутной взвеси тумана доктор вышагивал между подводами на журавлиных ногах, склонялся над лежащими, смотрел-буравил их взглядом, кратко произносил: «тиф», и шёл дальше. А приговорённый превращался в скрученный лист, и ветер поднимал его с подводы и уносил за тридевять земель.

За тридевять земель качается колыбель...

На теле Любаши платок обветшалый из дырявой листвы сшитый. Не укрыться под ним от журавлиных ног, не спастись.

Хлюп-хлюп, чап-чап... Вот остановился, заглянул к ней в дырчатую скважину. Ветер сорвал с неё покрывало — драное воронье крыло, а доктор всё стоял, взглядом буравил — ноги журавля, лицо чомги.

Жар разлился по телу, закипая в крови.

— Тиф, — по-птичьи бесстрастно просвистела простуженная свирель в клюве доктора, и губы Любаши превратились в два шершавых листочка. Вот-вот улетят в мутное поднебесье.

А он пошёл дальше на своих журавлиных ногах.

— Принеси мне живой воды, птица-чомга, — прошептала она ему вслед. — Живой воды...

Доктор обернулся. Никто его доселе так не величал, никто о живой воде не просил. Он окинул поле удивлённым взглядом, увидел груды сухих листьев скрученных, и пролилась родниковая слеза из глаз его птичьих.

* * * *

— Не будите её, у неё ночью был кризис, — сообщила Надежда Константиновна дочери и зятю, когда те, проснувшись, первым делом подошли к постели тихо спящей Любаши.

— Кризис? — недоуменно переспросила Ляля. — Откуда ты знаешь, мама?

— Она бредила всю ночь. Я измеряла ей температуру. У неё было выше сорока.

— Почему же вы нас не разбудили? — воскликнул Ким. — Мы должны были вызвать скорую! А что, если бы мы потеряли ребёнка?

Он выскочил на улицу и бросился звонить знакомым. Через полчаса он получил адрес какого-то известного профессора, вытащил его прямо из дому, чуть ли не в тапочках, пообещав бесплатный круиз до Ялты и обратно для него и его родственников, и приволок к больной. Профессор надменно переступил порог комнаты, где стояла кровать девочки, но уже через пару минут взгляд стал серьёзным и без тени надменности.

— Брюшник, — кратко сказал он. — Не давать ничего свежего, никаких овощей и фруктов, только сухари и тёплое питьё. И госпитализировать. Немедленно.

Вскоре за Любашей приехала карета скорой помощи, и её увезли в инфекционное отделение.

* * * *

В инфекционном отделении её поначалу положили в общую палату на сорок человек, но после подтверждения диагноза немедленно перевели в другую, поменьше, где было только пятеро и строгий постельный режим.

— В нашем полку прибыло! — радостно поприветствовала Любашу молодая женщина, которой уже разрешалось вставать. — Какая хорошенькая! Меня Ритой зовут. Мы тебя любить будем, смотреть за тобой, пока домой не отпустят. А то родителям сюда не разрешают. Да ты не волнуйся, я тебе сказки рассказывать буду и песни петь. Знаешь, как тут весело бывает?

— Нет, не знаю, — честно ответила Любаша. Рита рассмеялась.

— Вот и славно! А теперь узнаешь. Здесь хорошо. Мы потом в душ пойдём мыться, когда тебе вставать позволят. Видишь, мне уже позволили. Скоро и ты встанешь. А пока лежи, слушайся врача и медсестру, и всё будет хорошо. А это твой папа там за окном стоит?

Любаша взглянула в окно и радостно потянулась к подоконнику.

— Нет-нет, ты лежи, — велела ей Рита, усевшись на краешек её постели. — Пока лежи. Папа тебя и так видит. И слышит. Какой интересный у тебя папа. В морской форме. А он теперь всё время будет к тебе приходиться?

— Когда не на дежурстве, всё время...

— Это хорошо.

Время в палате тянулось медленно. И даже сказки не помогали. Ким между дежурствами простаивал за окнами палаты. Его ненадолго сменила Ляля, прибежавшая до и после работы. Потом она мчалась домой готовить диетный супчик для Любаши и поесть самой то, что заботливо подносила ей мать. Надежда Константиновна решила остаться до полного выздоровления внучки, взяв на себя заботы по хозяйству. Лялю всегда ждал горячий обед, тапочки и вымытая посуда, в которую оставалось только перелить свежеприготовленное для Любаши.

— Вы не волнуйтесь, — говорила Рита Киму, когда тот приходил с очередной порцией супчика. — Она всё до капельки съела в прошлый раз, я проследила.

А как только Ким уходил, она всплёскивала руками и восклицала:

— Ну и красавчик!

— Мама тоже красивая, — однажды не выдержала Любаша. Рита рассмеялась.

— Конечно красивая! Как же мама может быть некрасивой!

Вскоре Риту выписали, и она крепко обняла Любашу на прощание, заверив, что и её вскоре выпишут.

Без Риты стало и вовсе тоскливо. Никто с Любашей не разговаривал, и она коротала день, читая «Мурзилку» и раскрашивая картинки. Рита всё же однажды появилась, и это было полной неожиданностью. Она принесла домашние сухарики и книжку, и ещё долго стояла у окна, что-то говорила, пока не пришёл Ким, а потом засмушалась и ушла, и больше никогда не появлялась.

Через месяц Любашу выписали. Накануне ей приснился сон о том, что за ней приехал всадник на белом коне и в багряном плаще. Он подхватил её и понёс навстречу восходящему солнцу.

— Сегодня мы идём домой, — первое, что донеслось до неё на пробуждении. Ляля сидела у постели и собирала вещи.

— Мама... мамочка! Я так рада! Ура, домой!

Дома Любашу встречали, как победительницу. Ляля испекла наполеон, соседи купили куклу, на которую Любаша часто бегала смотреть в магазин на углу, а Ким подарил ей изумительно иллюстрированного «Конька-горбунка». Без блата, конечно, не обошлось.

Все ликовали, будто и впрямь какой-то страшный враг был побеждён.

Через пару недель праздник сменился буднями с переменной облачностью, и всё вернулось на круги своя.

Загадочное исчезновение

Какое-то время Надежда Константиновна не появлялась на горизонте, и даже писем не писала. Это было странно, учитывая её постоянное опеку над любимой дочерью. Ким заметил некоторые перемены и в Ляле. Прежде всего, прекратились скандалы и вообще громкие разговоры, хотя семейных отношений это не улучшило. Ляля полностью ушла в себя и почти не реагировала ни на что. Казалось, она впала в состояние душевного анабиоза, из которого её невозможно было вывести.

Атмосфера небывалой тишины в доме стала гнетущей. Ким был уже не уверен, что лучше — это леденящее душу спокойствие или скандал. В конце концов, напомнив себе, что «от добра добра не ищут», он не стал докапываться до сути, дабы не навлечь на себя гнев небес. Пусть всё идёт, как идёт — какое-никакое, а всё же спокойствие.

И они поплыли параллельным курсом. А произошло вот что.

В последний раз, когда гостила у них Надежда Константиновна, Ляля как-то возвращалась домой с работы и вдруг... Прямо напротив её дома, на другой стороне улицы, она увидела *его* машину. Он сидел и смотрел на проходящих. Может, просто думал о чём-то, а может, забегал в магазин и готовился уехать.

Ляля сразу заметила его. Ноги ей моментально отказали. Она не могла сдвинуться с места и прислонилась к стене, пытаясь прийти в себя. В этот момент он поднял глаза. Несколько минут они смотрели друг на друга, и она не понимала, видит ли он её, а если и видит, то узнаёт ли. Она не понимала ничего...

Оцепенение прошло только после того, как машина тронулась с места.

Она ещё несколько мгновений стояла неподвижно, а потом усилием воли заставила себя шагнуть по направлению к воротам. Никогда путь к дому не был так мучительно долог. Ляля старалась идти ровно, чтобы не вызвать любопытства у соседей, и кажется ей это удалось. В парадном она приостановилась, готовясь подняться на второй этаж. Сверху доносились голоса соседей, смех матери и звяканье кастрюль. «К чему это всё?», — промелькнуло в голове, но она не стала задерживаться на этой мысли.

В квартиру она вошла, не поздоровавшись с матерью, прошла по коридору в комнаты, бросилась на диван и застонала. Это был не плач, не рыдания, а именно стон раненого зверя, идущий из живота и протискивающийся наружу через сдавленное горло.

Любаша притихла в соседней комнате. Вбежала из кухни Надежда Константиновна, пытаясь понять, что произошло, но Ляля стала биться головой о подушку, зайдясь в истерике. Сквозь судорожные всхлипывания дочери мать всё же разобрала причину этих конвульсий. Она любила его. Вся жизнь её была исковеркана. Она совершила ужасную ошибку и теперь расплачивается за неё. Всё это Ляля выкрикивала короткими судорожными фразами. И тогда...

Надежда Константиновна, высокая, статная и довольно громоздкая для быстрых движений женщина вдруг с размаху бухнулась на колени перед рыдающей дочерью. Стоны мгновенно прекратились.

— Мама, ты что? — охрипшим голосом проговорила Ляля.

— Ляленька, будь я проклята! Будь я проклята! — заголосила мать, ударяя себя кулаками в грудь.

— Мама, что ты, мама, встань, ты здесь ни при чём...

— При чём, очень даже при чём! И почему я не сдохла тогда, почему земля всё ещё носит меня!

И она поведала о телеграммах, об их содержании, о его любви и готовности жениться, о том, как она бегала на переговорный пункт. Не утаила ничего.

Ляля слушала её с широко раскрытыми, безумными глазами, и когда всё было кончено, тихо, но страшно произнесла:

— Уезжай.

Мать поднялась с колен и бесшумно исчезла.

ЗОЛОТИСТЫЙ ГОЛОВАСТИК

Из дневника

Какая ошибка была совершена! Пожалуй, винить тут некого, разве что себя. Я видел дальше, но в тот момент глаза мои были закрыты, и молчал разум.

Ким затушил окурок и задумался. Видел дальше и... не видел ничего. Снова эта проклятая квантовая неопределённость. Но даже если и удалось бы увидеть картину в целом в «тот момент», то всё равно, как в Копенгагенской интерпретации — точный путь каждого фотона невозможно вычислить. Да и без Копенгагена всё давно уже ясно. Сказано: неисповедимы пути Господни. И это навеки. На это Ким и надеялся, когда женился, надеялся, что Ляля вдруг очнётся и разглядит его. А она тоже была, как слепая. Так и поженились — оба с закрытыми глазами.

Прошлое всё плотней обступало Кима. Ему часто снилось, что он одинокий кит, чью половину убил гарпунёр, и теперь он колесит и колесит по океану, в поисках и тоске. После таких снов он просыпался с чувством безысходности, выпивал чашку горячей воды, выкуривал папиросу, собирался и уходил в порт, даже если дежурство было только через день. Там стоял, смотрел на корабли, здоровался с сослуживцами, перебрасывался парой слов.

С кораблями ему было проще. Они понимали его, слушали, были с ним на одной волне не только, когда он управлял ими, но и в такие часы, когда он просто глядел на них с берега. Они уносили от неразрешимости, пришвартовывали к надежде. Они тосковали по нему, а он — по ним, и в этом была та желанная, идеальная обоюдность, о которой можно было только мечтать.

Глубокой осенью Ким приступил к написанию повести о войне. Это был единственный способ избавиться от бремени военных лет, выплеснуть всё, что накопилось, помянуть павших, дать вторую жизнь прошлому. Он решил назвать повесть «Золотистый головастик» — в память о своей первой любви. Сравнивая это чувство с любовью к Ляле, он явственно ощущал, насколько оно отстоит от всего, что позднее пришло в его жизнь. Чувственная белокаменная недосыгаемая Ляля навсегда оставалась крепостью, которую не

взять, которая открывалась во время любви, но тотчас же закрывалась, заставляя любого, кто желал быть рядом, мучиться собственной несостоятельностью. Её создал невероятный архитектор, исключительно для любования и терзаний, без всякого подступа к ней. От этого можно было потерять голову, сойти с ума, загубить жизнь и никогда не излечиться. Ничего похожего на то, что у него было с Л.

Л. пришла к нему, как дыхание, как душа к Адаму, и выдохнуть её можно было только со смертью. Он искал её везде и во всём, в любых намёках на её присутствие в мире. Ведь не могла же она исчезнуть бесследно! Закон сохранения энергии должен распространяться на всё живое. А живо — всё.

Повесть писалась трудно, нехотя проступая на бумаге. У неё была тяжёлая душа. Не душа, а сплав свинца и боли. С такой не взлететь, не воспарить при свете свечи. Но он брал высоту за высотой, ценой невероятных душевных усилий продвигаясь к завершению.

К февралю Ким почти закончил работу. Оставалась буквально страница-другая. И тут он почувствовал приступ тоски, словно расставался навсегда с близкими сердцу мгновениями.

Два-три дня продолжались морозы до 16 градусов, прошёл обильный снегопад с колючим северным ветром. Он гнал снежную лавину, и на улицах образовались сугробы. Ким иногда выходил из дому, чтобы купить хлеб и побродить по заснеженным окрестностям. Прохожие походили на дедов морозов и снежных баб. На углу одинокая случайная «Волга», бешено вращала колёсами, не в силах сдвинуться с места, пока её не догнал трактор со снегоочистителем и не освободил из плена. Двор замело, и пройти можно было только по траншеям, которые расчищали жильцы от своих дверей до ворот.

Работа над повестью не возобновлялась, словно и она застряла в сугробах. Ким и не пытался их раскопать. Просто сидел у стола и смотрел на чистый лист бумаги.

На море было напряжённо, но на дежурство он должен был идти только через день.

С утра расчистилось небо. В комнате было тихо и пусто. Холодное февральское солнце отблёскивало на остывающей стене.

Ким принёс немного угля из сарая, подбросил в печь и какое-то время наблюдал за игрой пламени. Потом нехотя подошёл к столу.

Если завершить повесть сейчас, то всё кончится — свет, надежда, радость... Пусть ненастоящая, но всё-таки радость. А взамен наступит то, о чём он не хотел ни думать, ни вспоминать, на что закрывал глаза все эти годы, притворяясь, будто этого не было. Так может, не стоит ворошить прошлое? Может, завершить эту историю на неопределённой ноте? Мол, уехала в Ростов героиня, а герой остался на берегу, идёт война, впереди — неизвестность... Пусть читатель сам додумывает концовку. Можно, конечно, и так.

Ким покрутил в руках ручку и отложил в сторону.

— Нет, я ещё не готов подписать тебе приговор...

Солнечный блик заплясал на поверхности листа и слегка потёрся о его ладонь, благодаря за отсрочку.

* * * *

В ту ночь ему приснилась песня Сольвейг. Мелодия струилась по тёмной воде и, казалось, это душа морей тосковала в предраассветной мгле.

Ким попытался приблизиться к водам, но расстояние между ним и кромкой берега не сокращалось. «Эффект горизонта», — подумалось ему.

Песня кружила над бессонницей вод, и с ней перекликалась их тёмная глубина. Это была прощальная песня, вдруг понял он.

Берег мгновенно покрылся рукописями, напоминавшими свёрнутые раковины.

— Пора! — послышался голос Адамыча.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь. Судьба есть судьба.

— Тебе и это известно...

— А как же! Ты ведь рядом положил нас — свою повесть и некролог. За некролог спасибо, расчувствовался...

— Так я и думал, что ты без меня тут любопытствовал.

— Я и не скрываю. Ночи-то длинные, а страниц у тебя много, и все заселены разными людьми. О каждом знать хочется, да и о себе иной раз интересно прочесть. Странички твои — как море. Глубоко нырять приходится, чтобы всё разглядеть. Вот я и разглядываю, чали-моряк... Ты вот что, отпусти её. С твоей болью она в мир вернётся.

— Это как?

— Всё, что не переболит — умирает, а что переболит — возвращается. — Тебе нужно завершить повесть.

— Я не могу... Если допишу, всё исчезнет... Слова убьют её...

— Они вернут её к жизни. И тебя заодно. Пока ты с ней — ты в плену.

— Как я могу бросить её, одну, посреди взрывающегося моря... Это предательство!

— Война кончилась, кончилась.

— Но не для неё. Она ещё там, она ждёт.

— Скажи ей, чтоб не ждала. Скажи ей, что войны больше нет.

Пусть возвращается.

— Куда?

— Она знает, куда. Ты просто скажи ей.

Сон улетучился. Было раннее утро. Точно такое, как тогда, в сорок втором...

24 мая. Ким вернулся из рейса, а Л. уже стояла на пристани, ждала. Как только трап спустили, помчалась к нему и, не обращая ни на кого внимания, бросилась ему на шею.

— Цел, цел, целёхонек, — приговаривала она, глядя его по волосам, по плечам, словно пытаясь удостовериться, что он и впрямь цел. — А я уж не верила... Вбила себе в голову бог знает что... Решила, всё, конец... Дура, дура, настоящая дура.

— Не дура — дуралейка, маленькая дуралейка. — Он уткнулся лицом в её волосы.

Они медленно пошли по направлению к общежитию и говорили о том, что теперь о свадьбе и мечтать не приходится — нехватка матросов, бомбёжки Севастополя...

— У меня и язык не повернётся к Магераму идти с просьбой, — сказал он.

— Да, я понимаю, — согласилась она. — Нужно ждать...

— Только б тебя в Ростов отправили! Мне бы спокойнее тут было.

— А мне бы не было...

Но оба понимали, что от их желаний ничего не зависит.

Уже вечером, когда они прощались, она вдруг робко спросила:

— А, может, наведаешься к Магераму? Просто так. Ну, чтобы не специально с просьбой, а так...

— Ну ты же знаешь сама, что так к капитану не приходят. Она кивнула в знак согласия, и они распрощались.

Но эта мысль не давала ему покоя всю ночь. «Чем чёрт не шутит? — решил он утром. — Зайду к Магераму под каким-нибудь предлогом. Всё равно он поймёт, но просить ни о чём не стану. А там поглядим...»

Полдня ушло на всякие мелкие дела, а после трёх Ким отправился к капитану. Л. решил ничего заранее не говорить.

Когда пришёл, оказалось, что у капитана там какое-то важное собрание. За дверью слышались голоса, шаги, звук отодвигающихся стульев и шелест карты. Подождав полчаса, Ким отправился в общежитие.

Дверь в её каюту была настежь, и на тумбочке не было ни вещей, ни записки.

— Уехала она, — сказала дневальная, входя с кувшином воды.

— Куда уехала? Когда?

— Да с час назад. В Ростов.

Он выскочил на пристань, прекрасно понимая, что она уже далеко. Навстречу ему шёл Белов.

— Ким, где ты пропадал? — спросил он. Ким втянул голов в плечи и угрюмо ответил:

— Я капитана дожидался. А что?

— А то, что твоя тебя обыскала. Её на «Чауду» срочно вызвали, еле вещи собрала. Там обстрелы постоянные сейчас. Приказ был дан отчалить немедленно, пока стихло. Я как раз с «Серова» сошёл, а тут она, вся в слезах. Тебя нигде нет, даже попрощаться не успела...

— Спиридон Ильич, миленький, что она сказала? Записку передала?

— Записку! Да она двух слов не могла вымолвить. Как вцепилась в пиджак... Её подгоняют, а она, как маленькая. Только и сказала — пусть, мол, бережёт себя, а я напишу.

— Так и сказала?

— Да, так и сказала. Чтоб писем ждал, — подтвердил Белов, глядя в землю.

Полночи Ким бродил по пирсу, переваривал случившееся. Затем сделал запись в дневнике и отправился спать.

Очнулся от стука в дверь. Недовольно заворочались ребята, никто не хотел вставать раньше времени.

Стук в дверь повторился.

— Ким! — послышался голос вахтенного. — Ким! Собирайся. Идешь в рейс на «Серове».

Ким вскочил с постели. Через несколько минут он был уже с вещами возле грузовика. «Может, нагоним в дороге “Чауду”», — теплилась слабая надежда.

Дальше воспоминания были в форме записи в судовом журнале.

В 11.00 «Серов» двинулся курсом на Севастополь. В 12.00 вахту принял второй пом. капитана Томилин. Какое-то время продолжали следовать компасным курсом 123°, поправка компаса +1,5°. На траверзе левого борта на большой высоте был замечен разведывательный самолет противника. Он летел в восточном направлении и к судну не приближался. В 13.07 была получена радиограмма за подписью начальника пароходства: «Капитану парохода «Серов». Немедленно следуйте теплоходу «Чауда» широта 441206 долгота 344630. Результате бомбежки вышел из строя главный двигатель. Вода поступает машинное отделение. Окажите возможную помощь. При необходимости возьмите на буксир».

Ким прирос к корме, вглядываясь в горизонт. Держись, держись, милая! Мы идём. Скоро будем, уже совсем скоро!

— Легли на компасный курс 82°, двигаемся на помощь терпящему бедствие судну, — сообщил капитан.

Машине был дан самый полный ход. Наконец, в 14.05 прямо по носу в расстоянии 8–10 миль заметили судно и сторожевой катер. Время тянулось невероятно медленно.

«Продержись ещё немного!», — мысленно молил он.

В 14.50 подошли на расстояние 3-х кабельтовых к «Чауде» и легли в дрейф. Судно имело большой дифферент на корму, сгорел мостик. Ким больше не ощущал ни себя, ни корабля. Всё сместилось в зону кренящейся «Чауды», все мысли и ощущения.

Вдали показался сторожевой катер. У Кима возникло желание броситься в воду и поплыть ему навстречу. Чёрт с ним, с наказанием, с войной этой проклятой! Пусть хоть расстрел за дезертирство,

только бы доплыть и спасти! Он бросался в воду то с криком, то молча и плыл, плыл до изнеможения, до судорог в мышцах. А на самом деле прирос к корме чугунными ногами. С такими ногами не то, что в воду не прыгнешь, а и шагу не ступишь.

Наконец катер подошёл к борту и сообщил, что на «Чауде» машинное отделение затоплено, работает аварийная партия.

А она? Что она?

В ту же минуту до него донеслось в форме сводки: *на катер подняты тяжелораненый старший помощник и погибшая при бомбежке практикантка-радистка...*

Жизнь остановилась, а сообщения продолжали поступать. Они шли мимо Кима, поверх него, затрагивая только слух. В них не было никакого смысла. Капитан «Чауды» от помощи отказался и сообщил, что машинное отделение затоплено, в трюме номер три вода, течь устранить не удаётся из-за нарушенных при взрыве заклёпочных швов, попытки завести пластырь под пробойну не увенчались успехом, уровень воды в трюме повышается, все водоотливные средства вышли из строя, «Чауда» всё больше погружается кормой в воду, в 15.25 команда на шлюпках покинула судно, в 15.38 спасательный буксир «Чауда» затонул кормой... Затонул.

Первая мысль — она там, на катере. Лежит совсем одна, прикрыта каким-то мешком. Нужно во что бы то ни стало к ней. Быть рядом, пока не похоронят. Чтобы она не боялась... Бред. Какие похороны! Они собирались пожениться, вместе пройти войну. А эти... накрыли ей лицо мешком. Она ведь боится, ничего не понимает. Пустите, пустите к ней!

— Ты пей, пей всё, до дна, — слышит он голос Белова. И ещё стук зубов о кружку с водой. — Пей! — Вода начитает обжигать. Это спирт. — Вот так. Хорошо. Теперь всё будет хорошо.

Он проваливается на самое дно, и его слегка качает.

Впоследствии он будет видеть один и тот же сон о потоплении, вплоть до сорок третьего, когда буксир будет переоборудован немцами для работы на морских коммуникациях и переведен в Николаев. А потом буксир снова будет затоплен, уже в Николаеве, в марте сорок четвёртого, когда станут спешно эвакуироваться захватчики. Но жизнь буксира на этом не оборвётся. Его поднимут со дна, и в сорок восьмом году он перейдёт на службу в Черноморское пароходство.

А её жизнь оборвалась навсегда.

Всё это всплыло в памяти с поразительной ясностью и точностью.

Ким встал, решительно подвинул к себе лист бумаги и чётким почерком, словно под диктовку, вывел окончание повести:

«Неужели это всё? Её нет в живых... Я никогда больше не увижу её, никогда... Почему она должна была погибнуть, она, которая за свою короткую жизнь никому не причинила боли? Словно автомат, крутил я рукоятки штурвала, и глаза следили, чтобы цифра 127 не уходила из-под курсовой черты. А мысли вновь и вновь возвращали меня к прошлому. Вспоминались мельчайшие детали наших встреч, каждый жест, интонация, взгляд. Кому нужна была эта жертва? В чём логика её смерти?

Через два часа меня сменил на руле другой матрос. Я вышел на крыло мостика, чтобы наблюдать за воздухом. В ту же минуту с бака доложили о появлении фрицев. На тральщике и сторожевом катере люди бежали к орудиям. Я побежал на бак.

Шесть самолетов двигалось на нас. Первыми открыли огонь зенитки с тральщика. Фашисты летели на большой высоте, но с курса не сворачивали. Два передних бомбардировщика сбросили бомбы. Они отрывались от пуза самолета и, набирая скорость, со свистом летели на нас.

Целью я выбрал себе бомбардировщика слева. С этого момента я не слышал свиста бомб, артиллерийской стрельбы. Были только мы, два дуэлянта.

Я прицелился. С высоты, почти недостижимой для снарядов, он нагло пикировал на судно, прямо на раскалённые жерла орудий, на дробные пулемётные очереди. Он мчался на меня, и мне видно было за выпуклым стеклом кабины его удлинённое лицо с расширенными от азарта глазами. Может быть, новенький крест, висевший на его комбинезоне, был получен им за убийство самой лучшей девушки в мире.

Он приближался ко мне, а я смотрел на него через окуляр оптического прицела, ловил на нить, подсчитывал в уме упреждение. Невероятное спокойствие овладело мной. Руки вращали рукоятки наводки, глаза ещё никогда так ясно не видели цели.

Бомбардировщик выпрямил самолет, и я увидел чёрные кресты совсем низко, над самыми мачтами. Эти кресты смеялись надо мной, кичились своей неуязвимостью и приводили меня в ярость.

— Огонь! Огонь! Огонь!..

Неожиданно враг мой клюнул носом и тотчас же скрылся под водой.

Я смотрел на широкое пятно — место его падения. Ненависть и нервное напряжение последних минут лишили меня радости свершившегося возмездия. Почему-то дрожали руки.

Это только первый в твоё отмщение, будут и другие. Ты слышишь меня, любимая? Будут и другие, много других заплатят за гибель твою... Нет, ты не узнаешь этого, не порадуешься. Но я клянусь твоей святой памятью, что отныне и до тех пор, пока хоть один фашист останется на земле, только страсть возмездия будет владеть мною, и если мне суждено погибнуть, то пусть погибну, увидев смерть того, последнего, фашиста...»

Ещё какое-то время Ким смотрел на испещрённую снарядами страницу, руки его дрожали. Потом сложил всё в папку с надписью «Золотистый головастик» и отправился звонить в диспетчерскую по поводу своей очереди на дежурство.

Часть седьмая ТРУДНАЯ ВАХТА

И снова тринадцатое

В сумерках за смежной стеной разливались звуки фортепьяно. Кто-то играл Бетховена, выманивая луну, и она зависала над двором до самого рассвета. Когда пианист переехал, со двора улетучилась музыка. Вместо неё иногда включали транзистор, но это уже было не то. Под транзистор нельзя было мечтать, и вообще он только разрушал задумчивую атмосферу вечернего дома, вытравливал романтику заката.

Вечерами всё накопленное в тайных уголках двора с виноградными лозами заглушалось трескотнёй телевизора. Казалось, дом срастался с улицей, а улица со страной, ломая границы личного. Внешний мир беспардонно вкатывал в комнаты каким-нибудь трактором, вещая нечто героическое, не имеющее отношения ни к уюту, ни к вечерней сосредоточенности дома, ни к внутренней жизни его жильцов. Только море оставалось прежним — вдумчивым, строгим, смывающим сиюминутность.

Двенадцатое января 1972 года было тёплым и солнечным. Накануне прошёл дождь, но с утра было хорошо. Ничего не предвещало перемен, тем более трагических. А они тайно зрели в чреве небес, подготавливая самое масштабное кораблекрушение у берегов Одессы.

Ким отправлялся в порт на очередное дежурство. Отправлялся из дома, в котором ничего уже не согревало, в котором стояла мебель среднего роста с двумя красными низкими креслами и громоздкий приёмник с магнитофоном из прошлого десятилетия.

К полудню задул норд-ост, и уже через пару часов тонкий ледок прихватил оставшиеся кое-где лужи.

Судно 12-01-1972

В 17.00. Прибыл на лоцвахту. Нужно вести судно в Николаев. С утра хорошая погода, тепло. Вчера прошел дождь. Однако к полудню задул норд-ост и уже через пару часов тонкий ледок прихватил кое-где оставшиеся на улицах лужи.

Теплоход «Брацлав» задерживался. Все никак не мог выйти из Ильичевского порта. Ветер крепчал, и с ним уходило тепло, запрятанное в каменных и бетонных стенах города, в спящей земле полей, запутавшееся в деревьях с опавшей листвой. Ещё одно уточнение: предполагаю прибыть на рейд в 19.00. Я вышел на причал и сразу лавина морозного ветра набросилась на меня. Ого! Шторм не на шутку! К причалу подходил лоцманский катер. Надстройка и борта его покрылись льдом. Он выходил на рейд снять лоцмана с прибывшего из Херсона судна.

В 19.00. «Брацлава» все ещё не была, и только в десятом часу он пришел на рейд. Вещи в портфеле, документы оформлены, и я вошёл на лоцбот. Илья, старшина лоцбота, завел двигатель и катер отошёл от третьего причала.

— Сомневаюсь, удастся ли вам высадиться.

И действительно, не успел нос катера высунуться за ворота порта, за маяк, как потоки воды стали заливать палубу, лобовые стёкла и надстройку. Вода, замерзая на стёклах, закрыла всё впереди. Не видно стало огней судов на рейде, Воронцовского маяка, берега. Катер швыряло с борта на борт, он зарывался носом в волны.

— Что, вам жизнь надоела? — Сказал Илья. — Попробуй сейчас высадиться!

Особого желания не было. При такой погоде не только без ног, без головы остаться можно. Катер развернулся и пошел в порт. До утра я прождал в лоцманской. Утром я позвонил в метеослужбу.

13 января

Ветер NNO — 8 баллов, температура воздуха -19 градусов. Лоцман Пантак пошел выводить «Моздок» из порта. Судно было готово ещё в 3 часа ночи, но капитан в такую погоду отказался выходить из порта. Он шел первый рейс капитаном и не хотел рисковать. Резкое похолодание вызвало сильное парение моря. Когда температура падает постепенно, то парение небольшое, здесь же буквально из моря встала высокая густая стена тумана высотой 30–50 метров, и даже сильный ветер не в силах был разрушить её и разогнать. Видимости — никакой. Или, как говорят, видимость — 0.

11.00. *Я поехал домой, чтобы одеться потеплее...*

Вот слышу по двору его шаги. Торопится. Не может быть! Неужели отменили вахту? Дом обложен снегом, и улица, и город, и море где-то сверкает во льдах. Боль в горле почти проходит. Сейчас будем пить чай крепкий с мёдом и читать вчерашнюю книжку... Или нет — лучше забраться в постель, закрыть глаза и слушать что-нибудь из его детства.

— Я на минутку. Только переоденусь. Ну, как ты, доча?

Тёплый свитер набрасывается на него, как мохнатый зверь, и крепко обхватывает со всех сторон.

— Как ты? — повторяет он и прикладывает ладонь к моему лбу. — Ну, уже совсем хорошо. Завтра будешь здоровенькая. Доча, я побегал.

— Папка, стой! Посиди немножко, ну хоть полминуточки!

— Ну вот! — он смеётся и усаживается на край постели, и никогда уже не уходит. Несётся жизнь, под напором времени образуя трещины в зданиях и людях, — там просвечивает пустота безжизненного пространства — а мы всё сидим на краю прошлого и настоящего, и дом слегка покачивается, как корабль, который вот-вот уйдёт в поднебесное плаванье.

* * * *

С тяжёлым сердцем возвращался он на службу. Непогода разыгрывалась не на шутку, неизвестно как судно вводить в порт в таких условиях. Сколько ещё придётся провести времени в лоцманской? Волновала и судьба «Моздока»: как назло, шторм усиливался, словно решив устроить новоявленному капитану боевое крещение. Такого здесь давно не бывало. Нарочно не придумаешь... Отправился в свой первый рейс капитан, с семьёй распрощался, а на него такое чудовище обрушилось, которое смирить и опытному капитану не всегда под силу. Ко всему ещё и тринадцатое по календарю...

Ким невесело усмехнулся. Какой-нибудь поднаторевший редактор или критик уж точно упрекнул бы его в надуманности сюжета, напиши он такое. А жизнь не упрекнёшь... Она такие фортели иной раз выбрасывает, что самый дивный приключенческий роман блекнет по сравнению с ней. И сколько уже этих проклятых тринадцатых было, и всякий раз моряки их опасались, а ведь не дети! Господи, хоть бы всё обошлось!

13 января. Продолжение

*Через 40 минут вновь возвратился на лоцвахту. Здесь меня ждало страшное сообщение: «Моздок» столкнулся с болгарским танкером «Лом». Танкер врезался в правый борт теплохода и разрубил его чуть ли не на половину ширины его корпуса. На «Ломе» произошел взрыв, в результате которого погибли все люди центральной надстройки. **13 января в 11 часов 20 минут**, при 20-ти градусном морозе и штормовом ветре, когда с мостика не видно было и бака, танкер, видимо, на полном ходу, блуждая по морю, «нашёл» вышедший из порта теплоход, врезался в него, взорвался сам и стал тонуть, увлекая за собой свою жертву. И это в то время, когда в лоцатор «Моздока» постоянно наблюдали за движением «Лома»! Видели и шли на роковую встречу.*

Взрыв потряс город и мощно подбросил вверх образ нашей последней встречи. В памяти бешено перелистывались в обратном порядке страницы недочитанной книги. В домах на берегу повыбивало стёкла. Город оцепенел. Остановился транспорт, замерли прохожие, в окнах застыли школьники...

Здесь мне нужен совершенно особый
тип: "Моздок" отличается с большим
размахом "Лон". Ткань вырезана в
любви для Генриха и разрабатывается
его стиль не по поводу изобретения
его мозгов, но "Лон" производится
выдел, в результате которого мозги
для мозга в центральном мозговом
13 августа в 11 часов 20 минут, при
выделении мозгов и мозгов и истоща-
лом виде, мозги с истоща не выдел
бесс и бона, бранней, выдел по
норме мозгу, выдел по мозгу
"Лон" выдел из мозга Генриха
разрабатывается выдел в мозгу, выдел
сам и сама мозгов, выдел за
своей своей мозгов. И это в то время
мозгу в мозгу "Моздок" выдел
разрабатывается за выдел "Лон".
Мозгу и мозгу по мозгов выдел
мозгу в мозговое мозгу выдел
мозгу и мозгов, Мозгу из
Мозгу мозгов из мозга выдел

Первая мысль — о войне. Но это предположение никто не высказал вслух. Все ждали официального оповещения. Слух о том, что что-то произошло в порту, разнёсся почти мгновенно, но эти мгновения были равносильны вечности. Те, в чьих семьях не было работников порта, вздохнули с облегчением. Остальные затаились в ожидании известий.

13 января. Продолжение

В штормовое море вышли суда и спасатели. Первым из всех оказался у места аварии дунайский буксир «Оперативный». Благо все это случилось недалеко от порта — всего в 4.5 милях от Воронцовского маяка.

На «Моздоке» появился крен. Крен увеличивался. 7,12.15 градусов. «Оперативный» подошел и снял с теплохода 34 человека. Остальные, кроме одного, выпрыгнувшего за борт при столкновении, оставались на судне. После взрыва танкер горел. Удалось спустить шлюпку, и 12 человек покинули танкер. Всего там находилось 42 человека. Подошли буксиры «Ударник», «Труд», «Рекорд» и «Березань», катер «Бодрый», теплоходы «Зоринск», «Брацлав», ледокол «Сибиряков». Какое страшное совпадение: в этот же день, 13 января 1964 года утонула «Умань», ровно 8 лет назад.

Ветераны флота помнят, как горестно в феврале во Дворце моряков на Приморском бульваре оплакивали пять членов команды этого теплохода.

«Умань» отвечала всем стандартам судоходства и считалась абсолютно надёжной, когда затеяли эксперимент по перевозке на ней железнодорожного концентрата. В этом концентрате всё дело и было. Мистика 13-го схлестнулась с халатностью, и всё обернулось трагедией. Вопрос, как талая вода воздействует на нижние слои наваленного в трюмы концентрата, сознательно обходилась стороной. В Черноморском пароходстве (ЧМП) было достаточно технически грамотных специалистов, понимавших рискованность подобной транспортировки руды из северных вод через южные. Понимали, но помалкивали под прикрытием воинствующей безалаберности министерского начальства, а затем и начальства ЧМП. И как факт — при выходе в Кадисский залив в

трюмах «Умани» твёрдый концентрат был превращён образовавшейся водой в текучую тяжёлую массу, сместившуюся в результате качки к правому борту. К полуночи крен составлял уже десять градусов, а через час увеличился до 70-ти, и сразу же заглох двигатель...

Между тем «вся Одесса говорила» о том, что был 2-ой помощник, который предвидел аварию и предупредил капитана о возможной трагедии. Но это был не Бабицкий, ставший «вторым» буквально в день отхода из Туапсе, а Анатолий Топор. Он подал рапорт об отказе идти в рейс, проявив редкую для тех лет принципиальность. Если бы его слова не оказались пророческими, его наверняка бы заклеили как человека, недостойного звания советского моряка, закрыли бы визу. Но его просто тихо уволили.

Сам же Бабицкий был смыт в ту ночь в море с навигационной палубы, куда поднялся, чтобы выполнить приказ и найти сигнальную пиротехнику. Выпустить красную ракету ему уже не удалось. Благо спасательный круг держал его на воде. В это время теплоход уже начал погружаться, чтобы исчезнуть навсегда. Но перед этим на отваливавшейся мачте уже обесточенной «Умани» странным образом сработал тифон. Он оказался прощальным гудком. Из 38 человек команды погибло 14. Тела пятерых из них были найдены. Остальных навсегда поглотила пучина.

Такова трагическая история «Умани», дух которой витал над новой разыгрывающейся трагедией у берегов Одессы. Борьба за жизнь людей на тонущих судах продолжалась. Ещё 11 человек было снято «Зоринском» с «Моздока». Оставалось пятеро: капитан, старший механик, второй механик, электромеханик и матрос. Разделят ли они судьбу своего судна или воссоединятся с товарищами на берегу?

13 января. Продолжение

С теплохода «Зоринск» спустили спасательную шлюпку под командованием старпома, в которую село 10 человек. Они сняли с гибнущего судна 11 человек. На «Моздоке» осталось 5 человек: капитан, старший механик, второй механик, электромеханик, матрос. В машину поступает вода. Крен увеличивается. Через 2 часа крен достиг 15 градусов, затушили котел. Машина не может быть пущена. Капитан всё время держит связь с буксирами и судами.

Подошел к гибнущему судну спасатель «Атлант», шлюпку с «Зоринска» принял буксир «Ударник» и пересади людей к себе. Буксир «Березань» снял с «Моздока» оставшихся последних 5 человек. Оба судна стали погружаться. Носовая часть танкера затонула, крен на «Моздоке» дошел до 40 градусов и затем перестал увеличиваться. Судно в 17.00. погрузилось носовой частью и, видимо, достало грунта. Кормовая часть ещё виднелась над водой. Наконец над водой остались мачты «Моздока» и кормовая часть танкера. Погибло 9 болгарских моряков и один моторист с «Моздока», выпрыгнувший за борт при столкновении (храбрость или страх?).

С «Моздока» пятёрка моряков напряжённо следила за работой спасателей. Судно было на грани затопления. Оставалось буквально несколько минут. За всё это время никто не проронил ни слова, все были в полной готовности... К чему?

Наконец показался буксир «Березань». Преодолевая встречный ветер, он в считанные минуты достиг «Моздока» и снял оставшуюся команду.

Почти тут же оба судна стали погружаться в воду. Их даже и не пытались спасти.

* * * *

Он вернулся домой, как возвращаются с обыкновенного дежурства, и рухнул на диван в надежде забыться. Но сон не приходил. Дающее крен судно, бушующая бездна ледяного смертельного моря и ожидающие своей участи люди вновь и вновь возникали в памяти, навязчиво прокручиваясь в мозгу вместе со свистом ветра, рёвом взбесившегося моря, скрежетом плавучих льдин. Тридцать лет назад здесь вот так же ревела война, в тех же водах, и вот так же взрывались корабли, унося жизни чьих-то детей, отцов и мужей. Но тогда враг был иноземным, по нему нещадно палили, от него защищали... А теперь? От кого теперь защищать? По кому бить? Нет, этот враг почище иноземного! Ни изгнать его, ни восстать против него — нет такого ополчения против засилья отечественных разрушителей, действующих вопреки доблести, чести, вопреки всему, за что многие жизнь положили.

Самое обидное, что ведь сами моряки рисковали, не задумываясь, и выходили на своих старых судёнышках на помощь тонущим кораблям, как, например, ледокол «Сибиряков».

14 января 1972 года

«Сибиряков» — старый ледокол 1926 г. постройки, несмотря на свой возраст, все ещё бодро двигался и мог развить 13,5 узлов, если бы поддерживать его в исправном состоянии и укомплектовать квалифицированными кадрами. За 60–80 рублей трудно надеяться найти хороших специалистов, не стремящихся перейти на лучшие суда. В основном здесь собрались люди предпенсионного возраста, штрафники. Алексей Иванович Кобозев, капитан ледокола, на нём второй год. Высокий, здоровый. Костюм для него можно только сшить на заказ, ибо 72-го размера одежды промышленность не выпускает. Ему 52 года. В молодости ему случилось плавать на судне, где собрались все его однокурсники и человека 4 товарища занимали должности от капитана до 3-го помощника.

Алексей, назначенный капитаном, предложил остальным всю полученную зарплату складывать и делить поровну на всех. Так и работали. Закончив морской техникум, он получил звание лейтенанта запаса, а после военной службы и окончания войны вышел в запас старшиной 1-й статьи.

Воспоминания не давали уснуть. Ким поднялся с дивана и дописал:

...И все же снова «Моздок».

Не понятно, странно и в высшей степени удивительно. Огромный спасательный флот, мощные современные суда, 6 часов тонули два судна и никаких, буквально никаких мер по их спасению или уменьшению последствий катастрофы не было принято.

Впрочем, каждый, задавшийся тем же вопросом, сам же на него и ответил спустя какое-то время. Столкновение кораблей влекло за собой ещё более ужасные последствия, о которых пока что велено было молчать. Дело в том, что затонувший «Моздок» был бомбой замедленного действия. В его трюмах находилась 921 тонна химикатов, почти половина из которых — ДДТ. Разгерметизация этого груза неизбежно привела бы к экологической катастрофе, поэтому судну дали возможность затонуть, чтобы дожидаться лучших времён.

Руководство не хотело шумихи. Всё должно было быть шито-крыто. Любые оперативные действия с включением современно оборудованных судов-спасателей сразу бы привлекли внимание к масштабности катастрофы. Пришлось бы весь флот на ноги поднимать, тревогу бить, прилюдно разрабатывать специальную стратегию по спасению судна с ДДТ. Всё бы моментально просочилось в прессу, за рубежом бы подняли шумиху... Честь мундира пытались сберечь. А то, что весь город с пригородами, всё побережье было тайно поставлено под угрозу, пока никого не волновало.

Переутомление всё-таки одержало временную победу над возбуждённым сознанием, и Ким отключился на какое-то время, укрывшись тулупом. Снилось израненное море, оно кровоточило ядами, переворачивались вверх брюхом корабли...

Десять дней спустя

Но с «Моздока» только всё и началось. Непогода раскручивалась, лопались струны метельных скрипок, и пурга в бешенстве ломала смычки веток, режущих стеклянный воздух. Море превратилось в ледяное изваяние с застывшими гребнями волн.

23-го января, ровно десять дней спустя, Ким был брошен на проводку судна «Аркадий Шиманский». Судно нужно было вести в Николаев, и он попадает в море, скованное льдом.

23-го января 1972 года

«Аркадий Шиманский» прибыл в 10-00, вышли из порта 21-30 и беспрерывно шли до Николаева целые сутки: 6 минут хода, полчаса очистки кингстонов. Лёд от самой Одессы. Ст. помощник к 50-ти годам впервые попал в дальнее плавание. До этого был капитаном на пассажирском судне, на учебном, плавал на ДВК и на Севере, а за границей не был. Доволен и рад как юнга. Романтика не прошла. Александр Федорович Емельянов. Высокий, здоровый, добродушный (1927 г.).

Весь рейс туда занял в общей сложности сутки. Потом нужно было продвигаться назад, а ненастье усиливалось с каждым часом. В море уже застряла масса кораблей. Впервые за многолетнюю историю плавания в этой зоне срочно вызвали ледакол.

Наконец прибыли в Одесский порт. Но о передышке можно было только мечтать.

— Пойдёте на проводку застрявших судов, — приказало начальство, как только Ким переступил порог лоцманской.

У него было пару часов, чтобы собрать вещи и попрощаться с семьёй. Понимал, что разлука может быть длительной и даже очень. Лучшие силы были брошены в море, а у него за всё время работы не было ни одной аварии. Кто морское дело знает, тот понимает, что сие означает. Таких профессионалов единицы, и вместе с лаврами им достаются и тернии, как сейчас, например.

Дорога домой была длинной. Ким добирался пешком, поскольку транспорт не ходил, и только ветер нещадно подталкивал хватющихся за столбы и балансирующих на льду редких прохожих.

Наконец добрался. Двор мрачно глянул на него сквозь залепленные снегом окна и погрузился в прежнюю хмурость. Тишина, не свойственная одесским дворикам, проводила его до самого крыльца. Ким поднялся по лестнице и отпер входную дверь.

Ляля даже поначалу и не поняла, что он ненадолго. Поставила чайник на плиту, поёживаясь — отопление работало слабо — и пошла накрывать на стол. Ким проверил колонку, быстро увеличил отопление и побежал складывать вещи, бросив на ходу:

— Ужинать не буду, нас в лоцманской покормили.

— И чаю не будешь?

— Горячего чаю, пожалуй, выпью, — сказал он, захлопывая плотно набитый вещами портфель. — Мне на дежурство сегодня в ночь.

— Как на дежурство? Ты ведь только отдежурил?

— Отдежурил. А теперь снова нужно идти.

— Совести у них нет! Ты ведь даже не отоспался! А погода какая жуткая! У них что, кроме тебя больше никого нет?

— Есть, но все ушли на фронт, — хмуро отшутился он.

— Ну знаешь ли, твой начальник большая свинья...

— Ляля, погоди, — он порывисто притянул её к себе одной рукой.

Прилив благодарности за эти слова овладел им. Значит, волнуется, значит, не безразличен он ей.

Любаша уже спала в другой комнате.

— Береги себя... и её... Если что, к Жене обратись.

У Ляли мгновенно сбежала кровь с лица, и оно стало снежно-мраморным.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, вдруг задержусь... там льдов намело, пароходы медленно двигаются...

Она смотрела на него во все глаза, будто впервые увидела его за столько лет совместной жизни.

— Ну я побежал, — сказал он, чмокнув её в каменную щёку. Она не двинулась, оцепенев от услышанного.

Он быстро прошёл по коридору, запер за собой дверь на ключ, сбежал с полутёмной лестницы и вышел в ночь.

* * * *

28 января

В полночь на буксире «Рекорд» вышел на рейд. «Рекорд» вышел за маяк и дальше двигаться не мог. «С. Эйзенштейн» подошел к нему и я высадился на судно. Лед от Одессы сковал море на 8–10 миль. Вдоль берега до Карабуиза всюду лед. «Эйзенштейн» (2900 л. с.) с трудом пробивался, атакуя лед с разгона. За вахту с 4-х до 8-ми утра прошли 7 кабельтовых. Дигуладзе Зураб перенес инсульт.

Это случилось к вечеру. Старпом Дигуладзе вдруг почувствовал себя неважно и, хотя поначалу не подавал виду, сослуживцы вскоре заметили странную бледность и выступивший на лбу Зураба пот. На вопрос, как он себя чувствует, Зураб попытался ответить, но язык его не слушался. Он осел на пол и его перетащили в медпункт на кушетку. Там врач обследовал его и сказал, что это инсульт, но не обширный. Зураб беспомощно оглядывал товарищей, силясь что-то произнести.

Капитан наклонился к нему и похлопал ободрительно по плечу.

— Не беспокойся ни о чём. Всё будет в порядке. Довезём тебя в целости и сохранности. А может, и раньше оклемаешься. Тогда сразу к нам выходи на подмогу. Договорились?

Зураб кивнул, и что-то напоподобие улыбки мелькнуло в его глазах.

29 февраля

Чулим — тяжелый лёд. Ломов Анатолий вышел на ледоколе «Русанов». Пришли в Херсон ночью в 1-00.

С трудом прибился буксир, чтобы посадить комиссию и снять меня.

Двадцать лет не было здесь такой суровой ледовой обстановки. Скованные льдины достигали толщины 60-70 см. Встречались наторошенные перемычки, где торосы поднимались до 2-х метров. «Русанов» такие перемычки едва-едва форсировал. Застривал и, когда наглухо приваривался ко льду — включал креповую систему, раскачивался, разрушая ледяные объёмы, отходил назад и вновь взгрызался в лёд. Час

Газета Моряк. «На ледовой трассе»

за часом, день за днём. За ночь пройдено 2 мили, а ночь зимняя длинная. Во льду застряли десятки судов. У одних кончилась вода, у других топливо, «Съеден последний сухарь», — вопит радиограмма с третьего. Всем нужно помочь дойти до порта ввести в порт.

С трудом прибился буксир, чтобы высадить комиссию и снять Кима. Зураб к тому времени уже действительно пришёл в себя, и речь вернулась к нему. Это было своего рода чудом, но в этих экстраординарных условиях чудом казалось всё.

* * * *

Так надолго он никогда не уходил на дежурство. Сколько его не было? Неделю? Две? Тревога нарастала с каждым днём, и известия ничего хорошего не сулили.

Казалось, льды подступили и к дверям домов, грозя раздавить его как скорлупу. И Ляля с соседями прислушивалась в сумраке вечера к скрипу половиц в надежде различить знакомые шаги.

Когда же? Когда?

* * * *

Он приехал рано утром, и прямо как был, в тулупе, обнял спавших вместе женщин. Любаша проснулась от ощущения его холодной щеки.

— Колючий, — прошептала она спросонья. — А мама плакала вечером, я видела.

— Ничего ты не видела, — сказала Ляля, дрогнувшим голосом.

— Видела, видела, я всё видела... Папка, ты теперь с нами...

— С вами, конечно, с вами. — Он погладил её по голове. — На этот раз только сосульки в подарок принёс...

— Я сейчас завтрак приготовлю. Ты раздевайся, грейся, — заторопилась Ляля, набрасывая халат, — а я пойду, напеку оладушек.

— Ура! Оладушки! Папка, раздевайся скорее! Я так давно не ела оладушек! Целых две недели!

Часть восьмая УТРАТЫ И ОБРЕТЕНИЯ

Прощание с садом

Ким отряхнул песок с подстилки и направился к лестнице.

Дома его никто не ждал, кроме соседей. Ляля должна была быть на работе, а Любаша в лагере — отдали её туда до конца августа. Не слишком уж она была рада этому, но другого выхода не было, поскольку Калараш, куда она обычно ездила на каникулы, отменился. У Михаила Захаровича обнаружили полип в мочевом пузыре этой весной, и Ляля настояла на операции. Нашли хорошего специалиста в Одессе, и сейчас тесть пребывал в послеоперационной палате вместе с супругой.

Ким думал о том, что Надежда Константиновна частенько пилила мужа, придиралась по пустякам. Наверное, теперь её гложет раскаяние... Он невольно перекинул ситуацию на себя. Вот лежит он, не дай бог, на больничной койке, а рядом его кающаяся Магдалина. Жизнь прожита, ничего не изменить... М-да, невесёленькая перспективка. И кому нужно это осознание сделанных ошибок, когда всё уже позади и поправить ничего нельзя?

Незаметно он дошёл до дома, поднялся по свежевывытой лестнице. Собирался уже было отпереть ключом дверь, как Виктория Ефимовна сама отворила ему.

— Спасибо, — поблагодарил Ким соседку, направляясь к себе. Виктория тронула его за рукав, удерживая.

— Пойдите, погодите... Там Ляля домой пришла...

— Домой пришла? А что произошло? Почему так рано?

— Её срочно вызвали в больницу утром. Дело в том, что Михаил Захарович скончался...

Виктория понизила голос и отпустила его.

— Боже мой... — протянул Ким, глядя на неё и не понимая, что с этой вестью делать.

— Да, вот так... Послеоперационный инсульт. Говорят, молодой врач резко потянул его при осмотре, сорвался тромб, и он тут же скончался... Ну, идите к Ляле. Надежда Константиновна осталась в больнице документы оформлять.

Ким осторожно, почти на цыпочках, двинулся по коридору. В маленькой прихожей, которая также играла роль ванной, свет не был включён. Он на ощупь нашарил ручку двери, ведущей в комнату.

Ляля сидела на диване, уставившись в одну точку.

— Ляленька, я всё знаю, — сказал он ей еле слышно. — Прими мои соболезнования... — Она не шелохнулась.

Они просидели несколько часов, не шевелясь, пока солнце не стало уходить за крышу соседнего дома.

— Это всё я, — тихо произнесла она. — Я убила его.

— Ляленька, что ты такое говоришь?

— Если бы я не настояла на операции, он был бы жив, — сказала она, не обращаясь ни к кому.

— Это ещё неизвестно. Ты ведь хотела как лучше. И доктор сказал, что была угроза перерастания полипа в злокачественную...

— Я убила его, — прервала она Кима. — Убила.

Ким попытался обнять её. Она сидела прямо, совершенно прямо, будто к её спине была привязана доска, и его рука скатилась с неё, как волна с утёса.

— Уйди. Ты мне сейчас не нужен. Мне никто не нужен, — сказала она, не меняя положения и глядя куда-то в пространство.

* * * *

Похороны были в Калараше.

Приехала уйма родственников, пришли соседи и сослуживцы, все те, с кем Михаил Захарович некогда весело распивал вино за столом, шутил и балагурил. Стол вынесли в сад, и на нём теперь лежало его восковое подобие, ничего не понимающее, никого не

узнающее и не имеющее никакого отношения ни к саду, ни к птицам, любопытно вспархивающим на гроб, ни к абрикосовым деревьям, по которым ползали пчёлы, вынюхивая нектар. Оно было чужеродным на этом пиршестве лета, и его хотелось поскорее вынести куда-нибудь и заменить на что-то настоящее, соответствующее жизни.

* * * *

— Все спрашивали, где же Люба, почему не приехала на похороны дедушки, — сдавленным голосом выговаривала Киму Ляля, когда они вернулись с кладбища. В соседней комнате закопошилась Надежда Константиновна, всхлипывая.

— Зачем ты так? — попытался успокоить её Ким. — Любаша сейчас в лагере. У нас не было даже возможности подготовить её, а вот так — бухнуть новость о смерти дедушки нельзя...

— Ты всегда пытаешься оградить её от всего. Вырастил эгоистку... Ничего ей не дорого.

— Ну знаешь ли!

Он выскочил из дому и пошёл по темнеющей пыльной тропинке.

Вот тут они прогуливались вместе в тот, последний вечер их знакомства. А вот и скамейка, на которой он сделал ей предложение. Скамейка потрескалась от времени, слегка покосилась на оседающем склоне. Ким присел, прикрыв глаза.

Запели сверчки, воздух наполнился дребезжанием снующих ночных насекомых, словно расписными веерами, обмахивались крыльями великосветские бабочки. «Всё это было до меня, и будет после, весь этот дивный мир, на который не хватает времени в распланированной человеком сиюминутности. Так и уйдём, не открыв самого главного — этой породившей нас вечности, этой тайны, этой... Вот и я заговорил как Андрей Болконский после ранения. Эх, Лев Николаевич, Лев Николаевич, и где сейчас душа ваша бессмертная обитает?»

Семейная тайна

Будто только вчера провожали Михаила Захаровича в последний путь, а вот уже и год прошёл...

Ляля, чуть прихрамывая, вошла в дом. Давала себя знать давняя травма большого пальца правой ноги. Ей всегда хотелось купить обувь поизящней, а в такой обуви было мало удобства. Поэтому, если мать доставала что-то по благу в Калараше, то это, как правило, чуть жало и травмировало больной сустав, хотя Ляля всякий раз надеялась, что туфли разносятся. Вот и сегодня еле дохромала до дверей — скорей бы переодеться...

На коммунальной кухне её встретила мать, приехавшая погостить на пару недель. Пока дочь хромала по коридору, она успела сбежать в комнату и обратно с тапочками в руках.

— Давай, Лялечка, сумку, я тебе тапки принесла, переоденься, детка.

Ляля сбросила туфли прямо в коридоре, надела тапки и с облегчением направилась в комнаты.

В первой комнате было тихо и пусто и из второй тоже не доносились никаких звуков.

— А Люба где? — спросила она, заглядывая на всякий случай, во вторую комнату.

— К Жене побежала, — с нескрываемым сарказмом ответила Надежда Константиновна. — Вырастила белоручку — целый день только и делает, что валяется на диване да книжку читает. А то, что уставшая мать домой с работы придёт, ей невдомёк. Хоть бы полы вымыла раз!

— Мама, перестань... У неё каникулы...

— Вот, полюбуйся сама! — торжествующе воскликнула Надежда Константиновна, указывая на брошенную на диване книгу. — Даже не соизволила за собой книгу убрать! Всё на мать оставляет.

— Мама, ну, хватит...

Надежда Константиновна удовлетворённо умолкла, понимая, что теперь Лялино раздражение перенесено на дочь.

Однажды проделав этот трюк и убедившись, что он работает безотказно, Надежда Константиновна повторяла его в разных вариан-

циях. Её интрижный ум, некогда помогший ей разбить сватовство Лялиного киношника, подсказывал, что раздражение дочери нужно направить на одного из членов семьи, чтобы она могла срывать на нём досаду. Ким не годился для этой цели — натравливать против того, кого она сама же и сосватала, означало бы вызывать огонь на себя. Кроме того, Надежда Константиновна прекрасно понимала, что лучшей партии дочь себе всё равно бы не нашла: уважаемый человек в городе, капитан, красавец... Конечно, если бы не было у них детей, то всё ещё можно было бы переиграть. Но об этом было уже поздно говорить. А вот подправить кое-что всегда можно. Например, подросток, не обременённый семейными обязанностями, это идеальная мишень для коалиции с Лялечкой. В разработанной Надеждой Константиновной схеме отношений она сама была заряжающим, дочь играла роль пушки, а внучка, соответственно, мишени. Эта коалиция несколько укрепила отношения между матерью и дочерью и чуть подлатала трещину, образовавшуюся между ними с момента того рокового признания.

Любаша поначалу огрызалась, дерзила, но это было лишь поводом для жалоб и нового скандала. Так и не добившись справедливости, внучка, смекнув, наконец, что к чему, решила поступать по примеру отца. Во время визитов тётки Ким по большей части отсутствовал — брал дополнительные дежурства, подменял товарищей, а если случалось несколько вечеров кряду провести дома, то просиживал у соседей, распивая наливочку или что-нибудь покрепче с Исаем Семёновичем. Каникулы только начались, и Любаша проводила вечера с подругами, слушая пластинки и обсуждая новые фильмы, а домой возвращалась к последнему сроку — к десяти вечера. И сразу шла спать. В отличие от подруг, у неё был свой закуток с этажеркой, где стояли любимые книги, — всё-таки единственный ребёнок в семье. У Ирки был младший брат, с которым она часто ссорилась, у Ритки и у Наташки старшие сёстры, которые давали им поносить свои старые туфли на каблуках или блузку. А у Любки — только книги и мечты.

Больше всего хотелось ей иметь старшего брата. Он бы и защищал её, и на море с ней ходил, и мороженое покупал бы... И они бы никогда, никогда не ссорились!

* * * *

Поход к тётке был всегда праздником. Любаша обожала Женю. И это было обоюдно.

— Кто пришёл! — радостно воскликнула Женя, открывая дверь, словно появление Любаша было сюрпризом. — Ну, проходи, племяшка!

— Как у вас хорошо, — со скрытой грустью приговаривала Любаша, снимая обувь. — Тихо, спокойно, никто не придирается...

— А кто к тебе придирается? — поинтересовалась Женя, словно не знала ситуации дома.

— Да бабушка...

— Ну, бабушка... Поворчит и перестанет. На то она и бабушка, — рассмеялась Женя. — А я тебе тут вкусенького приготовила.

Женя стала раскладывать приборы с салфетками, в то время как Любаша весело делилась с ней последними новостями. Школа уже была позади, начались летние каникулы, а потом — девятый класс.

Как время летит! Вот она уже и из подросткового возраста выпрыгнула и вскоре в другой выпрыгнет...

— Значит, почти на все пятёрочки закончила? Ну, умница моя золотая! — Женя поставила на стол блюдо с картофелем, густо посыпанным зеленью, и принесла курицу с салатом.

— Да, только по математике и по физике четвёрка. Да ещё по физкультуре, — вздохнула Любаша, принимаясь за салат.

— А что ж так?

— Да я прыгать в длину не умею. И на брусьях тоже не могу переворачиваться... Вот была бы я, как твоя Лорочка... Она такая красавица! И гимнастикой занимается... А меня мама даже на балет не хотела водить. Я когда маленькой была, хотела стать балериной, помнишь?

Любаша продолжала щебетать, а тётка тем временем думала, как же повернуть разговор в нужное русло. Она давно уже намеривалась поговорить с племянницей, а сегодня решила это намерение осуществить. Сердце подсказывало ей, что наступило время поведать Любаше семейную тайну или попросту рассказать о вещах, которые родители от неё всё ещё утаивали. Она не могла объяснить, что именно толкало её на этот разговор, но интуиция властно требовала, чтобы он состоялся именно сегодня, и Женя полностью доверилась этому чувству.

Любаша заметила тёткино замешательство.

— Тётъ Женъ, о чём ты думаешь? — осведомилась Любаша, обгладывая крылышко. Тётка посмотрела на племянницу долгим и странным взглядом, словно взвешивая все «за» и «против».

— Я должна рассказать тебе кое-что, — после некоторых колебаний вымолвила она. — Это касается тебя и... твоего отца. Ты всё равно узнаешь об этом рано или поздно, но лучше уж я расскажу тебе сама, чем ты бог весть что услышишь от других.

У Любки мгновенно округлились глаза. Лавина вопросов была готова сорваться с языка, однако внушительный тон вступительного слова тётки заставил её притихнуть, и она терпеливо ждала продолжения.

— Значит так... У тебя есть старший брат. Его зовут Сашей, — выпалила Женя без дальнейших предисловий.

— Брат? У меня есть брат? Правда? Ты не шутишь? Какой — двоюродный или троюродный?

— Не двоюродный и не троюродный. Родной. У тебя есть родной брат.

— Родной? Вот это да! — Любаша вскочила со стула и начала прыгать по комнате. — Ура! У меня есть брат!

Теперь опешила Женя. Она ожидала вопросов, недоумения, приготовилась к долгим объяснениям... Она ожидала чего угодно, только не такой реакции.

— А где, где он? — не унималась Любка. — Давай пойдём к нему! Прямо сейчас.

— Постой, погоди, — Попыталась остановить её Женя. — Он не здесь.

— А где? Ну, где же? Ну тётъ Женечка, ну пожалуйста, скажи, где он!

— Погоди, погоди, он в Сибири, я не знаю его адреса...

— В Сибири? Почему же в Сибири? Кто его туда сослал?

Тут уж тётка расхохоталась, схватившись за бока и приговаривая:

— Кто его туда сослал! Ха-ха-ха! Ой, уморила! Ну и Любка! — Она утёрла слёзы. — Его туда Таня увезла, мать его. Он маленький тогда был. Папа твой посылал им деньги, помогал, чем мог, а когда Саша подросток, все связи прервались.

— Почему прервались?

— Так Таня захотела. Ты её строго не суди. Непросто ей было. Поймёшь, когда повзрослеешь.

— Значит, адреса его у нас нет... А что же теперь делать? — растерянно спросила Любка. — Как же нам его разыскать? Он ведь обо мне, наверное, даже и не знает!

— Наверное...

— Что же делать? — повторяла Любка. — Мы должны его обязательно найти! Ну тётя Женечка, ну придумай же что-нибудь!

— Ладно, ладно, я постараюсь что-то придумать, хотя пока ума не приложу, что именно.

Они расстались, как два заговорщика, решив ничего не говорить ни отцу, ни матери.

— Если они от меня скрывали всё это время, что у меня есть брат, то и я от них буду скрывать, что знаю о его существовании, — обосновала Любка своё решение. На это возразить было нечего.

* * * *

Как только дверь за племянницей захлопнулась, Женя мгновенно пожалела о содеянном. И дёрнул же её чёрт за язык! Вот так скоропалительно открыть семейную тайну! Это была сумасбродная идея, и Ким бы очень рассердился, узнав, что за его спиной варится такое. А то, что родная сестра выступила в роли зачинщицы, уж не простил бы ни за что. Любушку он любил безумно, оберегал от всего, что могло бы омрачить её. Успеет ещё столкнуться с жизнью! Мысль о Саше сверлила постоянно, но к разговору он был не готов. Известие о том, что её обожаемый и такой «правильный» папочка был женат, да ещё и имел сына от первого брака, могло бы стать для Любаши потрясением, крахом представлений о семье. На чашу весов было положено его собственное реноме. Взвесив все за и против, Ким решил пока замаять факт существования Саши. Тем более, что Таня отрубила все концы, и даже письма некуда было написать.

О Саше он думал с болью. Не знал даже, как выглядит его повзрослевший сын. И вообще — каким он стал, что закончил, кем работает, есть ли семья... Если есть, то не исключено, что Ким уже стал дедушкой, а внуков своих так и не увидел. Да и увидит ли когда-нибудь? В такие минуты Ким раздумывал о том, чтобы как-то обратиться в розыск, найти сына и дать знать о себе. Но чем дольше

он тянул, тем больше всё осложнялось, запутывалось, и он уже и сам не знал, хотел ли бы, чтобы сын увидел его нынешнюю семейную жизнь.

* * * *

Возбуждённая разговором с тёткой, Любаша вернулась домой и стала раздумывать о том, как же разыскать таинственного брата, живущего не где-нибудь, а в Сибири.

Два дня она провела, читая Джека Лондона, чем вызвала дополнительные нарекания Надежды Константиновны, всячески пытавшейся отвлечь её от чтения. В другое время Любка поддалась бы на провокацию, но мысль о брате подняла её над всеми бабкиными ухищрениями. Она пропускала мимо ушей все колкости, чем озадачила Надежду Константиновну не на шутку — причина такой неожиданной неуязвимости внучки была весьма загадочной.

А внучка пребывала на далёком севере, окружённая сиянием льдов и снегов, и до бабки ей ровным счётом не было никакого дела. Она ушла так далеко в поисках брата, что даже не услышала звонка в дверь в полдень, когда дочитывала «Зов предков».

Бабушкины шаги по длинному коридору коммуналки удалились, а потом снова приблизились.

— Люба! — ехидно позвала Надежда Константиновна, появляясь на пороге комнаты. Любка оторвалась от книги, глядя на бабушку отсутствующим взглядом. Надежда Константиновна ухмыльнулась, и в глазах у неё зажегся злорадный огонёк.

— Ну что, вставай, читательница — братец твой приехал, — бухнула она, наблюдая за реакцией внучки.

Любка закрыла книгу и поднялась с дивана.

Надежда Константинова выжидательно прищурилась, предвкушая недоумение, неловкие попытки брата объяснить что-то, нежелание Любки поверить, шок, слёзы, суматоху... И тогда Ляля — её! Окончательно и бесповоротно! И уж она постарается, чтобы всё было восстановлено — киношник, любовь, новая семья. Она сумеет убедить дочь встретиться с ним, а если что — сама заявится к нему, бухнется в ноги, как некогда перед дочерью, повинится, благословит...

Увы, и на сей раз у неё вышла осечка.

Северный вихрь «Зова предков» буквально сдул Любку с дивана. В первую минуту она подумала, что это сон или что вредная бабка пробралась к ней в мысли и прочитала там о брате, а теперь нарочно разыгрывает её. Во вторую минуту она поверила во все чудеса на свете. А в третью — на пороге показался он, родной с первого взгляда, её собственный и настоящий. Брат.

— Саша! — воскликнула она и бросилась к нему на шею.

Надежда Константиновна остолбенела. Саша сначала тоже опешил, а потом быстро обнял сестру в ответ, как свою, и через две минуты они уже бежали встречать отца у автостоянки, где тот обычно парковал машину.

* * * *

Ким завидел их издали — свою дочь-подростка под ручку с молодым мужчиной. Лицо у него помрачнело. Однако он терпеливо ждал, чтобы они подошли.

По мере их приближения что-то менялось в его маленькой Любушке, словно на его глазах происходила какая-то возрастная метаморфоза, и всё явственней проступали черты юной девушки, всего лишь немногим моложе тех, с которыми он бок о бок сражался на фронте. Как давно это было и как недавно! Любушка, зачем же ты так торопила время? Неужто не знала, что оно необратимо, что тропка в страну чудес зарастает навсегда? А она шла прочь от безмятежности, не оглядываясь, держа под руку молодого человека... С ним, положим, Ким разберётся, только Любушку это уже не вернёт.

Тем временем молодой человек стремительно и неотвратимо приближался под напором Любки, глядя на Кима во все глаза. Ну, чего пляшишься? Понравиться, небось, хочешь?

Молодой человек остановился и сдержанно поздоровался.

— Это Саша, — просто сказала Любка, наблюдая за отцом.

Ким никак не отреагировал на имя и только искоса взглянул на интересного, но явно не по возрасту его дочери, незнакомца. Возникла неловкая пауза.

— Пап, а давай ты прокатаешь нас! — вдруг попросила Любка с теми же странными нотками в голосе.

Сердце Кима дрогнуло. Совсем ещё ребёнок! Он кивнул и открыл им двери новенького «Жигули». Они сели вдвоём на заднее сидение, и Любка продолжала держать молодого человека за локоть, словно

боялась, что он убежит. Машина медленно двинулась вдоль парка. Ким наблюдал за ними в зеркало, бросая озабоченные взгляды на незнакомца.

— Пап, он тебе нравится? — поймав его взгляд в зеркале, спросила Любка.

— Нравится, — процедил сквозь зубы Ким, не понимая, как же быть дальше.

— Мне тоже, — радостно сообщила Любка. — А правда, мы с ним похожи?

Тут уж Ким окончательно помрачнел. Ни за что на свете не мог он признать, что его единственная дочь, свет его очей, похожа на какого-то проходимца. Терпение Кима лопалось. И вдруг...

— Папа, — тихо произнёс Саша.

Машина взвизгнула, рванув зигзагом к дереву, и остановилась как вкопанная в двух миллиметрах от ствола. Ким резко повернулся к сыну, издав то ли крик, то ли плач.

Они бросились друг к другу, как бросаются люди, разлучённые судьбой, бросаются наперекор, вопреки, назло... Волна, захлестнувшая их, буквально вынесла Любку из машины, где отец и сын сцепились в объятиях, превратившись в единый клубок нервов и мышц.

* * * *

Все трое вернулись домой в том расслабленном, умилённом состоянии, в котором пляжник возвращается под вечер с пляжа. На лестничной клетке уже вертелся и кружился запах жареного лука, мяса и картошки, повизгивали сковородки и кастрюли. Ляля явно была в курсе.

Любаша тут же побежала звонить тётке, чтобы пригласить её с семьёй на обед. Поначалу Женя подумала, что племяшка разыгрывает её, но по восхищённым Любкиным интонациям поняла, что сказка стала былью, и ринулась к Киму вместе с Лорочкой и Сергеем.

— Сын моего мужа — мой сын, — самоотверженно произнесла Ляля первый тост. Все радостно чокнулись, а Виктория Ефимовна украдкой утёрла слёзы, наворачнувшиеся на её выпуклые зелёные глаза.

Праздновали все, за исключением Надежды Константиновны, которую дочь спешно отправила в Калараш под предлогом, что у них нет дополнительных кроватей.

О ней никто и не вспомнил, не поинтересовался, где она, будто и впрямь не было ей места в этой праздничной композиции.

Пока все оживлённо ели и пили, Ким смотрел на Сашу с Любашей, которых посадили вместе напротив него. Как они похожи! А он и не заметил поначалу... Вот она, жизнь. Из неправильных решений, ошибок и описок, невзгод и разочарований выросли такие прекрасные дети...

Так начался счастливейший месяц в жизни Кима.

Не уезжай!

Памяти Саши

Всё это время Любка с Сашей были неразлучны. Вместе ели, вместе гуляли, вместе ходили на пляж.

— А знаешь, кто мне о тебе рассказал? — спросила Любка, когда на второй день они сидели на берегу, глядя, как Ким делал заплыв до буйка.

— Кто?

— Тётя Женя. Буквально за два дня до твоего приезда. Представляешь?

— Да ну? А я голову ломал. Так удивила ты меня тогда. Так ты, оказывается, подготовленная была.

— Ага. Представляешь?

— Как же это она узнала?

— Почувствовала! Она всё чувствует. Всё-всё! И я тоже всё чувствую.

— Ты что, тоже чувствовала, что я приеду?

— Нет. Если честно, я колдовала.

— И как же это, интересно?

— Книжку одну читала. «Зов предков» называется.

— И всё?

— Нет, не всё. Читала и представляла твою Сибирь. И ты делался всё ближе и ближе... И потом — бац! — и приехал.

— Ясно.

— Что, не веришь?

— Верю, как не верить. А я о тебе вообще ничего не знал. Просто разыскал отцовский адрес в справочном бюро и купил билет.

— А что твоя мама сказала?

— Она была против. Только я уже взрослый. Сам решаю. Мать приняла своё решение однажды, не спросив, а теперь мой черёд.

— Везёт тебе... Ты взрослый, сам можешь принимать решения...

— Да ладно, не грусти. Взрослым быть не так уж и просто.

— Невзрослым быть тоже нелегко...

— Да знаю, знаю, помню ещё! — он рассмеялся и потрепал её по голове.

* * * *

Такое небывалое везение трудно было себе представить. Мало того, что у Любки появился брат, так ещё и старший! Готовый старший брат. Поначалу Любке никто не поверил. Подруги думали, что ну, в крайнем случае, двоюродный какой-нибудь попляжиться приехал, а как удостоверились — ахнули. Каждая в детстве мечтала о старшем брате, и теперь, когда он появился у одной из них, все его тут же присвоили, сделали общим. Любка не возражала.

Подружки стайкой ходили за ними, провожая их то в парк, то в кино, то на пляж, и поджидали во дворе по утрам. Только когда появлялись Ким с Лялей, они оставляли их в покое.

На вторую неделю пребывания в Одессе Саша заболел. Климат оказался непривычным для сибиряка, и купание в море с утра до позднего вечера сказалось не лучшим образом. К вечеру он слёг с высокой температурой, и Ляля с Кимом растирали его мазью, поили чаем с малиной и давали аспирин.

Любка стояла и смотрела, как родители дружно хлопотали вокруг него, и сама пыталась внести лепту в лечение брата.

— погоди, не мешай, — всякий раз говорила ей Ляля, когда дочь просовывала голову между нею и отцом.

— Любка, выходи! — то и дело слышалось со двора. Подруги терпеливо ждали минут пять, а потом опять начинали звать.

Наконец, она выглянула.

— Ну, вы где там? — выкрикнула Светка.

— Да тише ты! — махнула на неё рукой Любка. — Брат заболел. Родители его лечат.

— Ой... — Светка прикрыла рот ладонью и встревоженно поглядела на подруг, которые точили ляды на ступеньках Любкиного дома.

— Чего там? — спросила Наташка. — Скоро они?

— Не выйдут сегодня, — негромко сказала Светка. — Брат заболел...

— Что? Ой! Девчонки, брат заболел!

— Как заболел? Чем? — всполошились подруги.

— Не знаю. Любка, чем заболел-то?

— Температура у него высокая.

Среди подруг начался переполох. Со двора доносилось попеременно: «Брат заболел!» и шиканье.

Когда Любка выглянула вновь, подруги сидели рядком напротив её дома и смотрели, задрвав головы, в её окна на втором этаже.

— Ну как он? — тихо спросила Ирка.

— Лучше. Температура немного упала. Пока уснул.

— Ну ты смотри, скажи нам, если чего надо. Мы тут пока подежурим.

Так и продежурили до полуночи.

Наутро Саше стало легче, температура спала, и он попросил поесть.

— Попросил поесть, — доложила Любка подругам.

Через пять минут они уже звонили в дверь, и каждая держала в руках что-то съестное.

— Девочки, да что вы! — всплеснула руками Ляля, которая взяла отгул, чтобы поухаживать за Сашей. — У нас же всё есть!

— Это ничего, — смущаясь, ответила Ленка. — Вы возьмите... Мы это... гостинцев принесли.

— Хорошо, хорошо, кладите всё на стол, — согласилась Ляля.

— А взглянуть на него можно? — спросила Анжела под одобрительные кивки подруг.

— Да можно, можно, — ответила за Лялю Любка. — Только по одной. Загляните, поздоровайтесь и не приставайте с вопросами.

* * * *

Через день Саша был уже в норме. Подружки обступили их с Любкой, когда они вышли во двор.

— Ну, куда пойдём? — поинтересовалась Светка.

— Мы вообще-то в город собрались, — ответила Любка. — Хотим сделать фото на память.

— Ой, фотографироваться идём, девчонки! — захлопала в ладоши Ленка. Саша слегка улыбнулся, ничего не говоря.

— А кто тебя приглашал? — спросила строго Светка не столько, чтобы одёрнуть Ленку, сколько, чтоб уяснить ситуацию.

— А разве неясно? — вскипела Ленка. — Брат уезжает, нужно фото на память сделать! — Саша рассмеялся.

— Конечно, нужно. Все идём в фотоателье. Сделаем один общий снимок и один наш с Любашей. Идёт?

— Идёт! — согласились все разом.

* * * *

В ателье фотограф явно вострепнулся, завидя оживлённую группу подростков во главе со взрослым мужчиной.

— Это что за хоровод? Пионерки с пионервожатым пришли сниматься?

— Каким пионервожатым? — возмутилась Ленка. — Разве он похож на пионервожатого?

— Это брат, — пояснила Любаша.

— Да, это наш брат, — подтвердила Ирка.

Ангела сосредоточенно поправляла волосы у зеркала. Фотограф окинул их изумлённым взглядом.

— Как, брат?

— А так, — подмигнула всем Светка. — «Сын полка» читали?

— Какого ещё полка? Что вы мне тут голову морочите, чес-слово! Становитесь уже, сёстры милосердия! — фотограф включил свет и расставил девчонок вокруг Саши. — Так. Вроде, порядок. Теперь посмотрите в объектив и замрите.

Легко сказать!

Все замерли, еле сдерживая смех, и ещё долго потом замирали, глядя на это фото много, много лет спустя, уходя памятью за его рамки, когда смех-таки вырвался после окончания съёмки, и за дверьми фотостудии их ждала ещё целая жизнь.

— А теперь нас вдвоём, — попросил Саша, указав на Любку.

— А вот вы точно брат и сестра, — сказал фотограф, настраивая объектив. — Ну-с, поехали в вечность...

После фотоателье все отправились есть мороженое в «Снежинку».

— А брату можно? — поинтересовалась Ирка, когда все расселись за столиком с переполненными пиалами чуть подтаявшего белоснежного, политого вишнёвым сиропом мороженого.

— Ой, и правда! Как я сразу не подумала! — воскликнула Любка. — Ты ведь только болел!

— Неверно формулируешь, сестра, — ответил Саша, набирая мороженого в ложку. — Я только выздоровел, а не только болел. Чувствуешь разницу?

Все согласно закивали и принялись за мороженое.

* * * *

Провожали Сашу всей семьёй. В аэропорт приехали заранее и всё топтались на месте, не зная, что ещё можно добавить к этому избытку чувств. Ким смотрел и смотрел на сына, на одной руке которого повисла Любка, а на другой — сумка.

— Не уезжай, — жалобно повторяла Любка, и с тоской в голосе срифмовала: Три недели пролетели / Не осталось ни недели...

Подруги деликатно стояли поодаль и только вздыхали.

— Девочки, да идите уже к нам, ну чего вы там стоите? — махнула им рукой Ляля. Девчонки сорвались с места и бросились к Саше, восклицая наперебой:

— Не уезжай! Не уезжай!

— Да приеду я, приеду, — уверял он всех. — Теперь уж дорогу знаю.

— Мы будем ждать, — пообещала Ирка.

— Будем, обязательно будем! — поддержали её остальные.

И они ждали — даже когда семьи их получили квартиры в новых районах, даже когда они повыходили замуж и родили детей, даже когда разъехались по разным судьбам. Они ждали всегда и ждут по сей день, потому что пока не отпускает память — живо ожидание.

Часть девятая НА ТРУБЕ

Моздок

*М*орю было тяжело. Вот уже два года покоился на дне корабль, начинённый смертоносным грузом, торчала из вод его труба, и проходящим судам казалось, будто он дышал через неё, как ныряльщик. Сердце сжималось у Кима всякий раз, когда он проплывал на катере мимо этого места. Сколько же будет лежать он, подвергать опасности город, напоминать о трагедии и беспомощности властей? Ах, Одесса! Была ты жемчужиной у моря, а теперь...

В порту стали поговаривать, что «Моздок» собираются поднять со дна и ввести в порт. Подготовка по извлечению грузов началась ещё в апреле 1972-го. На корабле находилось много оборудования, включая трансформаторы, электродвигатели и пр., и пр. Всего около 300 видов груза. Но самым опасным грузом были ядохимикаты. Они должны были оставаться на корабле вплоть до подъёма судна.

На берегу резвились дети, плескались подростки, красиво подставляли солнцу свои тела пляжницы, а море исподволь готовило секиру для всех — для них и для будущих поколений. Вытравят, срежут на корню город и пригороды, упрячут в больницы смертельно больных, и всё им сойдёт с рук, думалось Киму, наблюдавшему эту картину.

* * * *

Было рассмотрено три варианта подъёма судна. Первый предполагал подъём без разгрузки. Этот вариант был наиболее громоздким, поскольку требовал переоборудования танкеров для подъёма и вывода их из эксплуатации на длительное время.

Второй вариант предусматривал предварительную разгрузку трюмов с последующим подъёмом его понтонами — специальными приспособлениями из надувных резиновых шаров. Но для этого потребовалось бы снять примерно 25 метров носовой части танкера «Лом», мешавшего размещению понтонов.

Третий вариант был наиболее приемлемым. Он включал в себя частичную предварительную разгрузку некоторых трюмов с применением шести пар 400-тонных понтонов и заполнением очищенного пространства гранулами пенополистирола. Это был самый экономный способ, сокращавший объём работ почти на 40%. Он также давал возможность за два рабочих сезона провести и грунтоуборочные работы, необходимые для применения понтонов. Использование же пенополистирола позволило ещё и сэкономить на судоподъёме несколько сот тысяч рублей. Кроме того, существенно сокращались работы по подъёму носовой части «Лома».

Третий вариант был принят единогласно.

Как только район гибели судов очистился ото льда, начались работы по их подводному обследованию. Одновременно с этим были разработаны предварительные меры по предотвращению загрязнения моря нефтепродуктами.

* * * *

Единственный вопрос, который оставался нерешённым, касался ввода затонувшего судна в порт. Как он будет осуществляться? Задача не из простых...

Ким подолгу разглядывал торчащую трубу в бинокль, раздумывал над чем-то, высчитывая, рисуя схемы в блокноте. Как-то после очередной вахты он зашёл в управление портовой службы и направился прямо в кабинет к начальнику пароходства.

— Вы куда, Ким? — спросила для порядка секретарь Валюша.

— У себя? — вместо ответа осведомился Ким, кивнув на дверь.

— У себя. — Валюша кокетливо взглянула на красавца лоцмана, хлопнув наклеенными ресницами.

— Так я зайду, ладно? — улыбнулся Ким.

— Да идите уж, что с вами делать! — Валюша растаяла, ответив ему очаровательной гримаской.

Ким легонько толкнул массивную дверь и остановился на пороге в ожидании приглашения.

— А, Ким, проходи! — приветливо поднялся ему навстречу начальник. — Присаживайся. Ну-с, с чем пожаловал?

— Да слышал я, что у пароходства есть планы «Моздок» поднимать.

— Планы такие есть. А почему интересуешься?

— А как судно провести в порт уже решили? — ответил Ким вопросом на вопрос.

— Пока нет. Есть идеи?

— Да есть, вроде...

Ким взял со стола листок бумаги и быстро начертил схемку.

— Вот так. Сюда привариваем мостик, и с него лоцман может совершить проводку в порт.

— Как, прямо к дымовой трубе привариваем?

— Прямо к трубе.

— Интересно. Но рискованно.

— Если всё правильно рассчитать, то риск небольшой. Уж во всяком случае, несравнимо меньший, чем держать судно под водой ...

Оба на минуту замолчали, понимая, о чём шла речь. Если бы не химикаты, никто бы не стал тратить ресурсов на подъём затонувшего судна. Мало ли их тут в округе!

— Ладно, — прервал наконец молчание начальник. — Оставь свой листок и иди пока, а я обдумаю твоё предложение, обсужу с коллегами.

Они обменялись рукопожатиями, и Ким направился к выходу.

— погоди! — окликнул его начальник. — А сам на мостик встанешь, если утвердим твой план?

— Так я же под себя схемку подбивал, — широко улыбнувшись, ответил Ким.

* * * *

Первая половина августа выдалась жаркой. Солнце лютовало с раннего утра, сжигая листву, траву, спины и носы курортников и превращая песок в адскую жаровню. Пройтись по нему без обуви было всё равно, что пробежаться по горящим углям. Мальчишки вприпрыжку мчались с букетами эскимо на палочке для всей семьи — только они и отваживались проскакать босиком до тачки с мороженым.

Ким сделал несколько заплывов к волнорезу и обсыхал в тени. Пляжиться он не любил, да и времени не было. Нужно было готовиться к предстоящей операции по вводу в порт «Моздока». Его предложение было обсуждено на тесном совете, затем он был вызван на совещание, где отвечал на вопросы специалистов, уточняя детали, и, в конце концов, предложение утвердили.

Поднятие «Моздока» было назначено на вторую половину августа. День и ночь велись подготовительные работы с водолазами, технологами и целым штатом других специалистов. Центральный пост управления (ЦПУ) судоподъёмом решено было соорудить на завершающем этапе работ прямо на дымовой трубе теплохода, как Ким и предложил. Это позволило почти в полтора раза сократить длину продувочных шлангов, идущих от станции управления к отсекам понтонов и балластным отсекам судна.

Несколько раз Ким навещался к месту поднятия, смотрел, как завозили детали, расспрашивал и даже сам давал кое-какие советы. К его слову прислушивались, и если нужно было, кое-что меняли в соответствии со спецификой, которую в тонкостях мог знать только лоцман.

Оставалось чуть больше недели до назначенного срока. Как всё пройдёт?

* * * *

Наступил долгожданный день. С утра светило солнце, но не болезненное, не жгучее, как раскалённый медный пятак, а спокойное и ласковое, словно умудрённое опытом. Солнце, свойственное второй половине августа.

Всё было готово к проведению затонувшего судна в порт. Грунтоуборочные работы, начатые в августе 1973 года, были завершены в

апреле 1974, а полностью весь комплекс подготовительных работ для подъема — 13 августа 1974 года. Ранним утром Ким шёл по бульвару — белая рубашка с коротким рукавом, на которой поблескивали чёрные погоны с золотым галуном, белая фуражка... Он шёл и думал о том, как настойчиво следует за ним по пятам эта цифра 13.

Работа в относительно короткий срок была проделана колоссальная. Прежде всего, были подготовлены и оборудованы для продувки воздухом 12 междудонных отсеков сухогруза. Также в течение этого времени одесситами было сделано несколько важных изобретений. Прежде всего, специалистами Черноморского отряда была разработана технология применения полистирола. Этот метод был успешно апробирован в ноябре 1972 года. Кроме того, под полистирол, который обеспечил создание подъемных усилий в количестве 5100 тонн, потребовались специальные крышки оригинальной конструкции. Крышки были изготовлены на Одесском судоремонтном заводе, и авторы оформили заявку на изобретение. Кроме всего, на уровне изобретения прошла опытную проверку и герметизация района повреждения, сопровождавшаяся одновременным восстановлением прочности разрушенных конструкций корпуса.

* * * *

Порт был оцеплен милицией, и внутри оцепления всё было запружено работниками, журналистами и пробравшимися туда спозаранку зеваками, которые хотели быть очевидцами этого грандиозного события. Ким сразу заметил начальство, которое стояло поодаль, включая и начальника пароходства. Всех фотографировали, но он быстро прошёл мимо и направился прямо в лоцманскую. Там его уже поджидал катер.

Ким поздоровался со старшиной лоцбота, и до самого места высадки они не обменялись ни словом. Каждый ощущал ответственность момента и готовился к нему.

На горизонте посверкивал приваренный к трубе мостик. Через несколько минут Киму предстоит взойти на него.

Из дневника 1974 года

18 августа 1974 года. Я поднимаюсь по штормтрапу на трубу... да, на трубу теплохода «Моздок»! Собираясь на «Моздок», находясь на «Онеге», где следили за всплытием затонувшего судна всё начальство и Третьяк А. Г., и Водопьянов В. В., и даже начальник пароходства, и корреспонденты метались в поисках интересного факта, я сказал, что такого ещё в мире не бывало — лоцман на трубе. Кто-то из корреспондентов вынюхал это и, перефразировав, поместил в свою статью. 40 часов на трубе!

12/14. "Сарис", (Строителю Федору Шварцу), 4 декабря 1974 года
 Ужасно мне, как-то мне так снится с судном
 выходом раздумывается по разным судам
 неопределенно возмущениями, как-то мне
 объяснение о взаимоотношениях с капитаном
 и причине довода с лодкой в слепых об-
 ставовых. Финский Невский день. ¹⁹⁷⁴ Путь
 бурит Бурити и Юсавии на обидном
 отношении суда в ф.т. 0-0. Молодые
 пошлава. Я таки пока не могу.
 18 августа, я пошумел по
 штормтрапу на трубу... да, на трубу
 Т/х "Моздок"! Собираясь на "Моздок"
 находил на "Онеге" где следили
 за всплытием затонувшего судна
 все начальство и Третьяк А. Г.,
 Водопьянов В. В. и даже началь-
 ник пароходства, а корреспондент-
 ы метались в поисках интерес-
 ного факта, я сказал, что такого
 еще в мире не бывало — лоцман
 на трубе, кто-то из корреспондент-
 ов вынюхал это и, перефрази-
 ровав, поместил в свою статью.
 40 часов на трубе!

40 часов... Цифра символическая. Из плена вод — к земле обетованной... Казалось, весь его жизненный путь был движением к этим сорока часам. Никогда не забудет он того первого ощущения, когда корабль всколыхнулся под ним, точно оживая, и сама история заплескалась внизу, готовясь вынырнуть из глубин. День был ясным, видимость берегов — отличная, и невзирая на это, он взял в руки секстант. Прибор, рассчитанный на то, чтобы брать пеленги, то есть угол между ориентирами для определения курса, был явно не нужен для проводки. Но Ким любил точность и конкретику, в особенности, когда дело касалось определения местонахождения судна, — профессиональная черта капитанов. С другой стороны, для него это событие было знаковым. Поэтому он не доверился чужим отчетам, а захотел установить подлинные координаты этой точки. Судно затонуло в 4,5 милях от Воронцовского маяка. Объектив секстанта направлен был в сторону маяка — тоже белого и ослепительного, с сияющей медью колокола.

Порт замер. Не стовариваясь, люди прекратили движение, включая и непоседливых фоторепортёров. На миг побережье превратилось в фотографический снимок. Лучилась поверхность вод. В ореоле света плыла над их зеркалом белоснежная фигурка лоцмана. Он вёл судно к берегам, воскрешая его к жизни и мысленно возвращая свету и его, и затонувшую «Чауду», и свой первый корабль, пострадавший во время бомбёжки в 1941... Их светлой памяти посвятил он мысленно эти 40 часов.

Его приветствовали пароходы и катера, он отдавал им честь, и моряки вытягивались по струнке, глядя на него в бинокль.

Кому-то удалось запечатлеть его издали с секстантом в руках, и этот единственный снимок с ним на трубе затонувшего судна спустя годы пришвартовался к его семейному альбому.

...На горизонте появились алые паруса заката и сопровождали корабль, пока он вступал в ночные воды.

Газета «Моряк», 1974 год

ЛОЦМАН НА ТРУБЕ

— Я первый в мире лоцман, который ввёл в порт судно, сидя на его трубе! — воскликнул лоцман Одесского морского порта Ким Беленкович.

И это была сущая правда.

В чём дело? Зачем понадобилось взбираться на трубу? А как же обычное место лоцмана — капитанский мостик?

Труба в данном случае была удобнее мостика. Судно «Моздок» затонуло два с половиной года назад и только что поднято Одесским экспедиционным отрядом спасателей. «Моздок» лежал на глубине 23 метров, лишь труба торчала над волнами. К ней спасатели приварили подобие мостика, на котором устроили пункт управления подъёмными работами. И с этого же пункта, то есть с трубы, командовал лоцман при проводке «Моздока» в порт, к 39-му причалу.

И. Ляндрес

Из дневника 1974 года

Я ещё не видел такой слаженной, спокойной, продуманной организации, всеобщего доброжелательства и временами юмора. Может быть, поэтому сложнейшая работа была так блестяще завершена. Никто не спал, уже не первую ночь, возникли непредвиденные трудности. Легкие водолазы, аквалангисты с яркими фонарями, приспособленными на маске, выглядели в воде фантастическими расплывчатыми существами. Следующим вечером «Моздок», покрытый толстым слоем ракушек, уже стоял у причала.

Лоцман на трубе... Это почти что скрипач на крыше. То же соло над миром, окруженным стихиями неба и вод, то же смешение улыбки и грусти в поступке, то же одиночество духа и объединение души со вселенной. Таким ты остался навеки в истории города.

*Поднятие «Моздока». Ким на трубе с секстантом.
Из Музея морского флота*

* * *

Памяти отца

*К морским глубинам тянется душа.
Там всё знакомо — кривизна пространства,
И копошенье — эхо вечных странствий,
И тьма, откуда жизнь произошла.
К морским глубинам тянется душа.
Туда же осень тянется за летом,
Туда уходит день за новым светом
И мысль за отрицаньем рубежа.
К морским глубинам тянется душа,
Чтоб в голос крови вслушаться взатяжку,
Следить, как жизни бродят нараспашку
По кромке неизвестного числа,
И ощущать привязанность нутра
К рассеянному тлению заветов
И расцепленью памятных моментов
На бесконечность краткого вчера.*

Содержание

От автора	5
Часть первая	
Где ты, Л.?	
В кадре памяти	13
Всё только начинается	15
Слова размыты... ..	21
Дороги	26
Не плачь.....	32
Любовь и война.....	35
Превратности любви	52
Чёртова Керчь	55
Большие перемены.....	65
Часть вторая	
Во льдах	
Большая любовь	93
Мечты и реальность	113
Проводы.....	119
Тревожный рейс.....	122
Встречи с разлукой.....	124
Часть третья	
Жил отважный капитан	
Из рейса в рейс.....	129
Часть четвёртая	
Сватовство	
Визит тётки	160
На холмах Молдавии.....	167
Закат на Заозерной улице.....	179
Телеграмма.....	183
Под неусыпным оком.....	186
Триумфальная арка.....	189

Часть пятая

В семейных водах

Неожиданный поворот.....	192
Коммуналка.....	201
Парторг и цыганка.....	207

Часть шестая

Эхо прошлого

Разговор по душам.....	213
Сон и явь.....	215
Кризис.....	219
Загадочное исчезновение.....	225
Золотистый головастик.....	227

Часть седьмая

Трудная вахта

И снова тринадцатое.....	236
Десять дней спустя.....	246

Часть восьмая

Утраты и обретения

Прощание с садом.....	251
Семейная тайна.....	254
Не уезжай!.....	262

Часть девятая

На трубе

Моздок.....	267
-------------	-----

«Лоцман на трубі» — захоплююча документальна повість про життєвий шлях капітана далекого плавання, старшого лоцмана Одеського та Іллічівського портів Кіма Зиновійовича Беленковича (1923–1999), який увів до порту затонуле судно «Моздок», знаходячись на його трубі. Війна, любов, робота в китобійній флотилії «Слава», втрати і здобуття — ось теми, навколо яких вибудовується захоплюючий сюжет, оснований на щоденних нотатках, нарисах і оповіданнях легендарного моряка. У книзі використано фотографії з архіву Кіма Беленковича.

Літературно-художнє видання

Серія «Вони залишили слід в історії Одеси»

ЗУБАРЄВА Віра Кімівна

ЛОЦМАН НА ТРУБІ

Роман-пам'ять

Російською мовою

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*
Дизайнер *О. А. Кунтарас*
Технічний редактор *Н. С. Жукова*
Коректор *І. В. Шепельська*

Формат 60×84/16. Ум. друк. арк. 17,5 + 1,5. Тираж 50 прим.
Зам. № 412 (69).

Видавництво і друкарня «Астропринт»
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003

65091, Одеса, вул. Разумовська, 21
Телефон: (0482) 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855
email: astro_print@ukr.net
www.astroprint.ua; www.stranichka.in.ua